

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
Кафедра геополитики

На правах рукописи

Алексеевко Анна Михайловна

**Влияние на отношения России и Японии национально-культурной
специфики имиджей их политических лидеров**

Специальность 5.5.4. Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор Т.В. Науменко

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы концептуализации проблем имиджа политического лидера.....	19
1.1 Лидерство и имидж как категории анализа международных отношений.....	19
1.2 Методологические подходы в исследовании национально-культурной специфики.....	33
Глава 2. Культурные основы имиджей современных политических лидеров России и Японии	48
2.1 Культурные основы имиджа современного политического лидера России	48
2.2 Культурные основы имиджа современного политического лидера Японии	74
Глава 3. Международное сотрудничество России и Японии в контексте влияния имиджей их политических лидеров.....	99
3.1 Роль лидеров России и Японии в истории и их влияние на становление двусторонних отношений.....	99
3.2 Влияние имиджей лидеров России и Японии на современное состояние отношений между странами.....	126
Заключение.....	152
Библиография.....	156

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования.

На современном этапе отношения России и Японии несут на себе печать комплекса исторически унаследованных проблем, препятствующих их поступательному и стратегическому развитию, тогда как между странами сохраняются существенные разногласия. С российской точки зрения, основным болезненным вопросом остается отсутствие мирного договора с Японией, тогда как японская позиция сконцентрирована на актуализации вопроса о принадлежности «северных территорий». В подобной ситуации две ключевых проблемы, становясь взаимозависимыми, требуют альтернативных подходов в их понимании и приближении к разрешению. Это обуславливает актуальность темы данного исследования и выводит изучение процессов развития отношений России и Японии на междисциплинарный уровень.

В предлагаемом исследовании внимание сконцентрировано на влиянии национально-культурных особенностей России и Японии на формировании имиджей политических лидеров, а именно – на ценностной, неизменной составляющей этих имиджей с последующем изучением их воздействия на отношения между двумя странами.

Подобный подход, по мнению автора, позволяет реализовать новый методологический инструментарий при анализе развития российско-японских отношений, оптимизирует исследования данной проблемы, а, также дает возможность проследить основные закономерности происходящих

процессов, возникающих проблем, противоречий и, напротив, благоприятных витков в развитии двусторонних отношений.

Кроме того, на современном этапе отношения России и Японии, несмотря на существенный негативный багаж, обусловленный историческими процессами, тем не менее, потенциально выгодны обеим сторонам и нуждаются в углублении и дальнейшем развитии. В этой связи представляется необходимым обращение к различным научным школам с целью всестороннего осмысления происходящих процессов и выявления возможных сценариев, способствующих достижению взаимопонимания между государствами.

Обращаясь к социокультурным основам российского и японского обществ, мы получаем возможность исследования истоков и сущностных характеристик возникновения существующих противоречий.

Стоит также отметить, что сложившиеся противоречия России и Японии на международной арене не находили своего разрешения ни в исторической ретроспективе, ни на современном этапе. Подобное положение становится поводом для поисков решения в междисциплинарной сфере, расширяющей исследовательские возможности.

Вместе с тем, представляется перспективным изучение влияния политических имиджей лидеров на международные отношения в контексте идентификации их культурных основ, поскольку культурная дистанция между двумя странами высока и может представлять дополнительные коммуникативные барьеры. В условиях длительно сохраняющих свою актуальность проблем при взаимодействии двух стран дополнительная возможность для развития двусторонних отношений может стать отправной точкой для разрешения накопившихся противоречий. Именно это обусловило выбор стран для анализа в данном диссертационном исследовании, а также выбор методологических подходов, основанных на трудах Р. Инглхарта и Г. Хофстеде.

Лидеры как на протяжении истории, так и в современном мире являются неотъемлемой и весомой структурной составляющей политической жизни, занимают определенное место в социальной системе. Можно утверждать, что во все времена лидеры становились важной силой социально-политических процессов, влияя и видоизменяя вектор их развития, что, в свою очередь, усиливает неизменную актуальность изучения феномена лидерства. Именно поэтому в современной науке сформировался обширный междисциплинарный пласт знаний о феномене лидерства, который раскрывает его с совершенно различных точек зрения. Междисциплинарность подходов, в свою очередь, можно объяснить многогранностью лидерства: его невозможно раскрыть и объяснить с точки зрения какого-то одного подхода к его пониманию.

Актуальность также подкрепляется тем, что в современном обществе роль имиджа политического лидера страны приобретает существенную значимость, поскольку становится, с одной стороны, источником информации о персоне лидера и средством коммуникации как на внутривнутриполитической, так и на внешнеполитической аренах, и, с другой стороны, проецируется на имидж страны в целом. Следовательно, вопросы исследования имиджа политического лидера в контексте международных отношений не теряют своей актуальности. В условиях весомого воздействия имиджа лидера на внешнеполитическую деятельность государства он становится одним из каналов реализации национальных интересов страны.

Степень научной разработанности проблемы. Теоретические основания настоящего исследования заключаются в междисциплинарном подходе к рассмотрению культуры как социального явления, политического лидерства и его функционала, имиджа политического лидера как социально-коммуникативной категории, а также исследований национально-культурной специфики различных стран.

Основная группа работ, на которые опирался автор при подготовке диссертации, состоит из трудов, в которых анализируется историческое

развитие отношений России и Японии, а также их современное состояние. Исследовались труды таких ученых как Агеевой А. А.¹, Базина О.А.² Белоусовой М. А., Подольникова В.П.³, Богатурова А.Д.⁴, Вальденберга В. Е.⁵, Домахина Ю.А.⁶, Ермолаева О.И.⁷, Гришина Я. Я., Летяева В. А.⁸, Надбитова Р.К. , Хохолкиной Л.К.⁹; Забелла А. А., Мицуру Эгути¹⁰, Журавлёва В.Е.¹¹, Земскова, В. Н.¹², Икута Митико¹³, Икэда М.¹⁴, Иногути

¹ Агеева А. А. Установление межгосударственных отношений России с Японией в конце XVII – середине XIX веков /А.А. Агеева// Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2013. – №3. – С. 38-46.

² Базин О.А. Новые факторы в решении проблемы Южных Курил в период перестройки /О.А. Базин // Технологос. – 2017. – №1. – 76-83; Базин О.А, Влияние личности императора на японскую историю (на примере Мэйдзи и Хирохито) / О.А. Базин // Личность и общество в историческом процессе: Сборник статей Международной научно-практической конференции. - Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2020. - С. 168-172.; Базин О. А. Проблема статуса императора Японии после окончания второй мировой войны / О.А. Базин // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты : материалы II Международной научно-практической конференции – Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. – 2017. – С. 165-168.

³Белоусова М. А., Подольников В.П Проблемы российско-японских политических отношений 1991—2020 годов/ М. А. Белоусова, В.П. Подольников //Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. – № 1. – С. 45-57.

⁴Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995)/ А.Д.Богатуров. – М.: Конверт – МОНФ, 1997. – 349 с.

⁵Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века /В.Е.Вальденберг. – М: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 368 с.

⁶ Домахина Ю.А. Роль японо-американского альянса в системе региональной безопасности /Ю.А. Домахина// Восточная Азия: факты и аналитика. – 2023. – № 1. – С. 52-65.

⁷Ермолаев О.И. История взаимоотношений России и Японии, попытки вмешательства Японии во внутренние дела России в XX - XXI веке /О.И. Ермолаев// Аграрное и земельное право. – 2023. – №4 (220). – С. 96-98;

⁸Гришин Я.Я., Летяев В.А. Советско-японские отношения накануне Великой отечественной войны (по страницам документов) / Я.Я. Гришин, В.А. Летяев// Международные отношения и общество. – 2019. – №1. – С. 56-68.

⁹Надбитов Р.К. , Хохолкина Л.К. Российско-японский спор о территориальной принадлежности островов Южно-курильской гряды: исторические аспекты развития проблемы и ее современное состояние /Р.К. Надбитов, Л.К. Хохолкина// Вестник КалМГУ. – 2023. – №3 (59). – С.57-65;

¹⁰Забелла А. А., Мицуру Эгути. Гуманитарное сотрудничество между Россией и Японией как цветы сакуры: символ надежды на лучшее будущее / А.А. Забелла, Мицуру Эгути// ЮВА: актуальные проблемы развития. – 2021. – №2 (51). – С. 268-283.

¹¹Журавлёв В.Е., Журавлев В.Е. Внешняя политика Японии и историко-культурные факторы, её формирующие / В.Е. Журавлев, В.Е. Журавлев// Вестник Университета мировых цивилизаций. – 2021. – №4 (33). – С. 5-13;

Такаси¹⁵ Кивалиной Д. С.¹⁶, Кистанова В. О.¹⁷, Мартынова В. В.¹⁸, Накамура С.¹⁹ Панарина А.С.²⁰, Панова А. Н.²¹ Спицына Е. Ю.²², Стрельцова Д. В.²³, Чугрова С. В.²⁴

¹²Земсков, В. Н. Сталин и народ: почему не было восстания: монография / В. Н. Земсков. – Москва: Проспект, 2021. – 191с.

¹³Икута Митико Образ Японии в России в период Эдо (XVII-XIX вв) / Икута Митико// Известия Восточного института. – 2005. – № 9. – С. 107-127.

¹⁴Икэда М. Перспективы переговоров по «северным территориям»: реакция России стала жёстче // INOSMI.RU: новостной портал. [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/politic/20160201/235235612.html> (Дата обращения 12.01.2023).

¹⁵ Иногути Такаси Политическая культура Японии / Такаси Иногути// Ежегодник Япония. – 2017. – №46. – С. 76-96.

¹⁶Кивалина Д. С. "Острова преткновения" в российско-японских отношениях /Д.С. Кивалина// Вестник государственного и муниципального управления. – 2017. – №3. – С. 12-17.

¹⁷Кистанов В. О. Смена императорской власти в Японии: причины и следствия /В.О. Кистанов// Ежегодник Япония. – 2019. – №48. – С. 9-24.

¹⁸ Мартынов В. В. Японская политическая культура // Огарёв-Online. 2023. №8 (193). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponskaya-politicheskaya-kultura/viewer> (дата обращения: 25.03.2023).

¹⁹ Накамура С. Японцы и русские: из истории контактов/ С. Накамура. – М.: Прогресс, 1983, 303 с.

²⁰Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006, 350 с., Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции. - М.: Книжный дом «Университет», 2000, 318 с.

Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). - М., 1994. – 261 с.

²¹Панов А. Н. Институт императора и его место в государственной системе современной Японии/ А.Н. Панов // Ежегодник Япония. – 2012. – №41. – С. 172-185; Панов, А.Н. Советско-японская Совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации /А.Н. Панов// Японские исследования. –2019. – № 2. – С. 63-94.

²²Спицын Е. Ю. Осень Патриарха. Советская держава в 1945-1953 годах: книга для учителей, преподавателей и студентов/ Е.Ю. Спицын. – М.: Концептуал, 2019 – 527 с.

²³Стрельцов Д. В. Вопросы исторической памяти в российско-японских отношениях /Д.В. Стрельцов// Ежегодник Япония. – 2019. – №48. – С. 56-76.; Стрельцов Д.В. Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития / Д.В. Стрельцов// Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – №3 (72). – С. 68-85.; Стрельцов Д.В., Чугров С.В., Панов А.Н. Политическая система современной Японии/ Д.В. Стрельцов, С.В. Чугров, А.Н. Панов. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 384 с.; Стрельцов Д. В. Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй/ Д.В. Стрельцов. – Московский государственный институт международных отношений (университет); Институт востоковедения РАН; Ассоциация японоведов. – М: АИРО-XXI, 2013. – 294 с., Япония в эпоху великих трансформаций // Под ред. проф. Д. В. Стрельцова – М.: АИРО-XXI. 2020 – 320 с.

²⁴Чугров С.В., Карелова Л.Б. Япония как «обычная страна»: метаморфозы политической идентичности (аналитический обзор опросов общественного мнения) / С.В. Чугров, Л.Б. Карелова// Социологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 87-108.; Чугров, С. В. Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии / С. В. Чугров // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 22-45.; Чугров С. В.

На основе перечисленных работ в настоящем исследовании предпринята попытка объединить анализ культур России и Японии, их влияние на формирование имиджа политических лидеров стран, а также их роли в развитии двусторонних отношений России и Японии.

Основаниями для исследования культуры как социального феномена послужили труды Гафиятуллиной Л. А.²⁵, Ковалева А.А.²⁶, Кравченко А.И.²⁷, Кузнецовой Е. В.²⁸, Маркарян Э.С.²⁹, Флиера А. Я.³⁰. В указанных работах дано понимание феномена культуры, ее функций в обществе и определения.

Исследование различий национально-культурных ценностей проводилось на основании работ Андреевой Т.Е.³¹, Бенедикт Р.³², Инглхарта Р.³³, Льюиса Р.Д.³⁴, Науменко Т.В., Морозовой Д.А.³⁵, МакСуинни Б.³⁶

Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии / С. В. Чугров // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 22-45.

²⁵ Гафиятуллина Л. А. О подходах к изучению понятия «Культура» //Л.А. Гафиятуллина// Вестник КазГУКИ. – 2011. – №2. – С. 4-7.

²⁶ Ковалев А.А. Глобализация как генезис процесса редукции национальной идентичности /А.А. Ковалев// Наука. Искусство. Культура. – 2023. – №2 (38). – С.108-119.

²⁷Кравченко А.И. Культурология/ А.И. Кравченко. – 3-е изд. М.: Академический Проект, 2002.— 496 с.

²⁸ Кузнецова Е. В. Определение культуры: разнообразие подходов / Е.В. Кузнецова// ПНиО. – 2013. – №5. – С. 49-55.

²⁹Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. - СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014 – 228 с.

³⁰Флиер А. Я. Культура как социальная система // Вестник ЧГАКИ, 2013, №3 (35), С. 60-68; Флиер А. Я. Культура как социально-регулятивная система и ее историческая типология [Электронный ресурс] <http://cult-cult.ru/culture-as-social-regulatory-system-and-its-historical-typology> / (дата обращения: 15.02.2022); Флиер А. Я. Культурная система: модель функциональных свойств // Вестник Института педагогических исследований ЧГАКИ. 2021. №2 (66). С. 47-53;;

³¹Андреева Т.Е. Роль и место концепции культурных измерений Г. Хофштеде в современной теории управления (предисловие к разделу) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2006. – № 4. – С. 122–133.

³² Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. / пер. с англ. Н. М. Селиверстова под ред. А. В. Говорунова. — СПб.: Наука, 2004. — 359 с.

³³Всемирный обзор ценностей (World Values Survey) [Электронный ресурс] URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 30.09.2022); Карта культурных ценностей Инглхарта- Вельцеля (Inglehart–Welzel Cultural Map) [Электронный ресурс] URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения 30.09.2022); Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития/Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.; Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in Societies/ R. Inglehart. – Princeton, Princeton Univ. Press, 1997. – 464p.

Персидской О. А.³⁷, Тромпенаарса Ф., Хэмпден-Тернера Ч.³⁸ Хилханова Д. Л.³⁹ Хирша Э. Д.⁴⁰, Холла Э.⁴¹, Хофстеде Г.⁴².

Теоретические основы исследования лидерства базировались на работах Калиева Т.Б., Косова Г.В.⁴³, Клейменовой А.⁴⁴, Клементьева Д. В.⁴⁵, Кобецкой, В. И.⁴⁶, Майоровой М. А., Лебедевой Е. И.⁴⁷, Романовой М. В.⁴⁸, Стрельца И. Э.⁴⁹, Стремоуховой. И. В.⁵⁰, Шатилова А. Б.⁵¹ и др.

³⁴ Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе/ Р.Д.Льюис. — М.: Дело, 2001. — 434 с.

³⁵ Науменко Т.В., Морозова Д.А. Теория межкультурных измерений Г. Хофстеде как методологическая основа исследования современных социальных процессов/Т.В. Науменко, Д.А. Морозова// Международный журнал исследований культуры. — 2018. — №1 (30). — С. 144-154.

³⁶ McSweeney V. Hofstede's Model of National Cultural Differences and Their Consequences: A Triumph of Faith — A Failure of Analysis / V. McSweeney // Human Relations. — 2002. — №1 (55). — P. 89–118.

³⁷ Персидская О. А. Параметры сравнения культур г. Хофстеде и Ф. Тромпенаарса: сходство и различия /О.А. Персидская// Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — №5. — С. 51-55.

³⁸ Hampden-Turner C., Trompenaars F. Managing people across cultures/ C. Hampden-Turner, F. Trompenaars. — Capstone. United States, 2004. — 382 p.

³⁹ Хилханов Д. Л. Феномен другого в современных условиях /Д.Л. Хилханов// Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. — 2023. — №2 (46). — С.47-58.

⁴⁰ Hirsch E. D., Joseph Jr., Kett F., Trefil J. The New Dictionary of Cultural Literacy/ E. D. Hirsch, Jr., Joseph F. Kett, J. Trefil. — Boston;N.-Y.:Houghton Mifflin Company. 2002. — 668 p.

⁴¹ Hall E. T. Beyond Culture/ E.Hall. — N. Y.: Anchor Press, 1976 — 315 p.

⁴² Хофштеде Г. Мотивация, лидерство и организация: применимы ли американские теории в других странах? /Г. Хофштеде// Вестник СПбГУ. Сер. 8. — 2006. №4. — С. 134–162.; Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software for the Mind/ G. Hofstede, G.J. Hofstede, M. Minkov. — N.Y.: McGRAW-HILL. 2010 — 576 p.; Hofstede, G. Hofstede, G.J. Cultures and Organizations: Software of the Mind. London: McGraw-Hill; Hofstede insights [Электронный ресурс] URL: <https://www.hofstede-insights.com> / (дата обращения: 15.03.2021).

⁴³ Калиев Т. Б., Косов Г. В. «Политический лидер» как категория современной политической науки /Т.Б. Калиев, Г.В. Косов// Социально-гуманитарные знания. — 2012. — №12. — С. 208–221.

⁴⁴ Клейменова А. Историческое развитие изучения феномена лидерства /А. Клейменова// Аналитика культурологии. — 2014. — №28. — С. 17-22.

⁴⁵ Клементьев Д. В. Лидерство: определение, подходы, перспективы /Д.В. Клементьев// Журнал прикладных исследований. — 2021. — №1. — С. 21-24.

⁴⁶ Кобецкая, В. И. Политическое лидерство в современной России / В. И. Кобецкая, Г. Г. Санников // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". — 2019. — № S4. — С. 350-357.

⁴⁷ Майорова М. А., Лебедева Е. И. Личностный и страновой факторы лидерства в международных отношениях: теоретические подходы /М.А. Майорова, Е.И. Лебедева// Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. — 2022. — №1. — С. 22-33.

Основаниями для исследования имиджа как социального феномена послужили труды Бутиковой К. О.⁵², Гершевич О.⁵³, Горчаковой В. Г.⁵⁴, Давыборец, Е. Н.⁵⁵, Дагаевой Е. А.⁵⁶ Захаровой Е. А.⁵⁷, Мельничука А. С.⁵⁸, Сторчак, В. М.⁵⁹ и др.

В указанных исследованиях последовательно раскрывается феномен политического лидерства и имиджа, их функций в обществе и в социальной коммуникации.

При подготовке данной диссертации использованы публикации, выполненные автором лично и в которых отражены основные результаты положения и выводы исследования⁶⁰.

⁴⁸ Романова М. В. Теоретические подходы к рассмотрению проблемы лидерства в науке / М.В. Романова // МНКО. – 2010. – №1. – С. 192-194.

⁴⁹ Стрелец И. Э. Ельцин и Путин: Президентское лидерство в контексте российской политической трансформации / И.Э. Стрелец // АПЕ. – 2019. – №2. – С. 180-210.

⁵⁰ Стремоухова, И. В. Политическая элита и политическое лидерство / И. В. Стремоухова // Политология. СПб: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. – С. 60-68.

⁵¹ Шатилов А. Б. Современное политическое лидерство: возможности и ограничения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-politicheskoe-liderstvo-vozmozhnosti-i-ogranicheniya> (дата обращения: 31.10.2022).

⁵² Бутикова К. О. Особенности формирования имиджа политического лидера в современной России / К.О. Бутикова // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2011. – №5 – С. 51-54.

⁵³ Гершевич О. Особенности формирования имиджа политического лидера в современной России / О. Гершевич // Власть. – 2007. – №3. – С. 25-29.

⁵⁴ Горчакова В. Г. Подходы к изучению имиджа в контексте социального управления / В.Г. Горчакова // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2008. – №2. – С. 141–147.

⁵⁵ Давыборец, Е. Н. Манипуляция сознанием в имидже политического лидера / Е. Н. Давыборец // Омский научный вестник. – 2007. – № 5(59). – С. 105-108.

⁵⁶ Дагаева Е. А. Эволюция методологических подходов к анализу понятия «Имидж» / Е.А. Дагаева // Вестник ТИУиЭ. – 2017. – №2 (26). – С. 84-87.

⁵⁷ Захарова Е. А. О влиянии имиджа главы государства на формирование имиджа страны на примере имиджа президента РФ В.В. Путина / Е. А. Захарова // Вестник современных исследований. – 2018. – № 4.2(19). – С. 130-132.

⁵⁸ Мельничук А. С. Имидж политиков: ценностный аспект / А.С. Мельничук // Акмеология – 2014. – №1 (49). – С. 61–68.

⁵⁹ Сторчак В. М. Типология имиджевых характеристик политических лидеров: советский период власти в России / В.М. Строчак // Труд и социальные отношения. – 2012. – Т. 23. – № 5. – С. 106-114.

⁶⁰ Алексеенко А. М. Влияние коллективизма и индивидуализма на восприятие имиджа политического лидера / А.М. Алексеенко // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – №3 – С. 143-149; Алексеенко А. М. Влияние культуры на имидж политического лидера в Японии / А. М. Алексеенко // Информационные войны. – 2021. – № 3(59). – С. 94-97.

Цель диссертационного исследования – выявление особенностей влияния национально-культурной специфики имиджей политических лидеров России и Японии на сотрудничество между двумя странами.

Задачи:

1. Раскрыть понятия имиджа и лидерства как категорий анализа в международных отношениях;
2. Раскрыть методологические подходы Г. Хофстеде и Р. Инглхарта в исследовании национальной культуры;
3. Определить специфику культурных основ имиджа современного политического лидера России;
4. Определить специфику культурных основ имиджа современного политического лидера Японии;
5. Выявить роль имиджей лидеров России и Японии в истории и определить их влияние на становление международных отношений;
6. Выявить влияние имиджей лидеров России и Японии на современное состояние двухстороннего сотрудничества данных государств;

Объект исследования – отношения между Россией и Японией.

Предмет исследования – влияние национально-культурной специфики имиджей политических лидеров России и Японии на развитие их отношений.

Хронологические рамки исследования распространяются на XVIII-XXI века. Нижняя временная граница определена первыми дипломатическими контактами, установленными между государствами. Верхняя временная граница исследования описывает текущее состояние политических отношений между государствами.

Научная новизна исследования.

1. Выявлена зависимость имиджа российских и японских политических лидеров от национальной культуры возглавляемых ими государств и системы базовых ценностей, присущих культурам исследуемых стран;
2. Выявлены особенности имиджа с точки зрения коммуникативного подхода в контексте исследования отношений России и Японии;
3. Обосновано, что как схожие, так и различные культурные характеристики могут стать основой для негативных процессов в развитии отношений между исследуемыми государствами;
4. Выявлена закономерность, согласно которой культурные особенности России и Японии формируют социальную среду, в которой роль имиджа лидера в становлении и развитии международных отношений возрастает;
5. Выявлена роль национально-культурной специфики имиджа политического лидера в развитии двусторонних отношений, ситуациях разрешения проблем, конфликтов и противоречий между Россией и Японией;
6. Установлены механизмы, с помощью которых имидж политического лидера выступает в качестве источника властных ресурсов для урегулирования конфликтов и противоречий в международных отношениях;
7. Сформулированы социальные характеристики имиджа политических лидеров России и Японии, продиктованные системой культурных ценностей и транслируемые культурой.

Теоретическая значимость исследования.

На основе проведенного научного анализа конкретизированы общие теоретические представления о формировании международного имиджа политического лидера, а также его влияния на становление и развитие международных отношений. Выявлены основы имиджа современных

политических лидеров России и Японии, обосновано сотрудничество России и Японии в контексте влияния имиджей их политических лидеров.

Практическая значимость заключается в том, что результаты данного научного исследования:

- дают аналитический материал для системного анализа имиджей политических лидеров и их влияния на международные отношения;
- позволяют выработать рекомендации для корректировки имиджей политических лидеров;
- позволяют использовать имидж политического лидера страны в качестве ресурса для разрешения конфликтов и противоречий.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при чтении общих и специальных учебных курсов по глобалистике, политологии и международным отношениям. Выводы и обобщения исследования могут использоваться в качестве аналитического материала в деятельности различных межгосударственных объединений и наднациональных организаций.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Методологической основой исследования стали труды Инглхарта Р.⁶¹ и Хофстеде Г.⁶² В указанных трудах раскрывается кросс-культурный подход к исследованию национальных культурных различий.

Эмпирическую и нормативную базу исследования составили:

⁶¹ Всемирный обзор ценностей (World Values Survey) [Электронный ресурс] URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 30.09.2022); Карта культурных ценностей Инглхарта- Вельцеля (Inglehart–Welzel Cultural Map) [Электронный ресурс] URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения 30.09.2022); Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011, 464 с.; Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, Princeton Univ. Press, 1997.

⁶² Хофштеде Г. Мотивация, лидерство и организация: применимы ли американские теории в других странах? // Вестник СПбГУ. Сер. 8. 2006. Вып. 4. С. 134–162.; Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software for the Mind / Third Edition. N.Y. : McGRAW-HILL 2010; Hofstede, G. Hofstede, G.J. (2005). Cultures and Organizations: Software of the Mind. London: McGraw-Hill; Hofstede insights [Электронный ресурс] URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 15.03.2021)

- нормативно-правовые акты и документы российского законодательства⁶³; декларации, договоры и соглашения между Россией и Японией⁶⁴;

- статистические материалы, результаты опросов Левада центра ВЦИОМ и ФОМ⁶⁵, материалы официальных СМИ, профильных ведомств и организаций и представителей экспертного сообщества⁶⁶.

⁶³ Государственная дума федерального собрания Российской Федерации. Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 [Электронный ресурс] URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения 27.10.2021); Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/administration/21027> (дата обращения: 19.04.2021)

⁶⁴ Из Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г. и декларация представителя СССР на переговорах по заключению Конвенции [Электронный ресурс] URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/1941.html#1 (дата обращения 01.04. 2022); Из трактата между Россией и Японией от 25 апреля (7 мая) 1875 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/1905.html#1 (дата обращения: 01.04.2022); Из Трактата о торговле и границах между Россией и Японией от 26 января (7 февраля) 1855 г. Статья 2 [Электронный ресурс] URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1855.html#7> (дата обращения: 01.04.2022); Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией (Москва, 13 ноября 1998 г.) [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/2559593/> (дата обращения: 12.01.2023); План сотрудничества из 8 пунктов (План сотрудничества для инновационной реформы в промышленности и экономике для России как ведущей страны с благоприятными условиями жизни) // Посольство Японии в России. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html> (дата обращения: 30.07.2021).; Посольство Японии в России. Из Совместной декларации СССР и Японии от 19 октября 1956 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/normal.html#3 (дата обращения: 01.04.2022); Совместная Декларация СССР и Японии от 19 октября 1956 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.hrono.ru/dokum/195_dok/19561019jap.php (дата обращения: 01.04.2022)

Из Мирного договора между Россией и Японией от 23 августа (5 сентября) 1905 г. Статья IX [Электронный ресурс] URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/1905.html#1 (дата обращения: 01.04.2022); Токийская декларация о российско-японских отношениях [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902887> (дата обращения: 12.01.2023)

⁶⁵ Аналитический центр Юрия Левады Одобрение деятельности Владимира Путина [Электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/indikatory/> (дата обращения: 09.04.0222); База данных ФОМ. Состояние российско-японских отношений [Электронный ресурс] URL: <https://bd.fom.ru/pdf/d08rjio11.pdf> (дата обращения 27.10.2021); ВЦИОМ. Друзья и враги. Военная угроза нашей стране извне снижается, констатируют россияне. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/druzya-i-vragi> (дата обращения 27.10.2021); ВЦИОМ. Курильские острова – не отдадим! Вопрос принадлежности Южных Курил большинство опрошенных считают решенным и выступают против их передачи Японии. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kurilskie-ostrova-ne-otdadim> (дата обращения: 27.10.2021); ВЦИОМ. ЯПОНИЯ ГЛАЗАМИ РОССИЯН Доминирующие

Положения, выносимые на защиту.

1. В условиях конфликтов и противоречий в международных отношениях имидж лидера страны, устоявшийся в восприятии ее населения, в случае поддержки и популярности лидера среди граждан выступает ресурсом для принятия непопулярных в своей стране политических решений,

эмоции по отношению к Японии - интерес и симпатия. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/yaponiya-glazami-rossiyan> (дата обращения: 27.10.2021);

⁶⁶ Заявление МИД России об ответных мерах на решения Правительства Японии [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1805541/ (дата обращения: 15.12.2022); Письмо Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина россиянам [Электронный документ] URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/1991.html#2 (дата обращения: 01.04.2022); Стенограмма беседы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова с читателями «Российской газеты», посетившими МИД России в рамках «Дня открытых дверей» (Российская газета. 2005. 18 июля). МИД России. URL:

https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches//asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/432220 (дата обращения: 12.01.2023); Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Федерации в 2020 году. Обзор МИД РФ. Москва. Март 2021 [Электронный ресурс] URL: https://www.dipacademy.ru/documents/2350/ОБЗОР_МИД_2020.pdf (дата обращения: 12.01.2023); «Этот парень и есть перестройка»: Как Горбачев изменил имидж СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/03/13_a_13003645.shtml (дата обращения: 27.10.2021); Известия. Путин и премьер Японии подтвердили намерение вести диалог по мирному договору [Электронный ресурс] <https://iz.ru/1235853/2021-10-15/premer-iaponii-i-putin-podtverdili-namerenie-vesti-dialog-po-mirnomu-dogovoru> (Дата обращения 31.10.2021)

Лавров прокомментировал партнерские отношения РФ и Японии // Известия, 16 января 2019 [Электронный ресурс] URL: <https://iz.ru/834488/2019-01-16/lavrov-prokommentiroval-partnerskie-otnosheniia-rf-i-iaponii> (дата обращения: 12.01.2023); МИД Японии оценил заявление Путина об особом налоговом режиме на Курилах [Электронный ресурс. URL: <https://lenta.ru/news/2021/09/07/kurils/> (дата обращения: 31.10.2021); Международный дискуссионный клуб Валдай . [Электронный ресурс] URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politicheskaya-zhivuchest-abe/> (дата обращения: 05.04.2021).; Международный дискуссионный клуб Валдай. Секрет политической живучести С. Абэ [Электронный ресурс] URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politicheskaya-zhivuchest-abe/> (дата обращения: 25.06.2021); МИД РФ [Электронный ресурс] URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/jp/?currentpage=main-country> (дата обращения 28.12.2021); МИД РФ [Электронный ресурс] URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/jp/?currentpage=main-country> (дата обращения: 28. 12.2021); РИА Новости. Биография Императора Японии Нарухто [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20200223/1565049677.html> (дата обращения 12.01.2023); РИА Новости. Император Японии в новогоднем послании пожелал всем людям мира [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20200101/1563057876.html> (дата обращения 12.01.2023); Российско-японские отношения в 2020 году: есть ли надежда на лучшее? [Электронный ресурс] URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/rossijsko-yaponskie-otnosheniya-v-2020-godu-est-li-nadezhda-na-luchshee/> (дата обращения: 31.10.2021).

которые могут позволить государству занять более выгодные позиции на международной арене.

2. В основе формирования имиджа политического лидера лежат культурные ценности, разделяемые обществом. Система базовых ценностей формирует социальный запрос относительно имиджа политического лидера и ложится в его основу, трудно поддаваясь при этом изменениям. Исторически со сменой международной политической обстановки имиджи лидеров претерпевают неизбежные изменения, однако, их ценностное ядро остается неизменным.

3. И в России, и в Японии имеет место сочетание таких схожих культурных характеристик как высокая дистанция власти и коллективизм, а также низких показателей индουλгенции, что приводит к возникновению и укреплению в культурах обеих стран схожих социальных запросов на характеристики имиджей лидеров стран. Вместе с тем, такие различия в культурных характеристиках как высокие показатели мужественности в культуре Японии и высокие показатели женственности в культуре России дают основу для взаимной неочевидности действий лидеров стран на международной арене, которая, в свою очередь, осложняется высокими показателями избегания неопределенности и ориентацией на будущее в обеих странах.

4. Закономерность, согласно которой культурные особенности России и Японии формируют среду, в которой роль имиджа лидера в становлении и развитии международных отношений возрастает, заключается в том, что у обеих стран высока связка имиджей лидеров и позиционирования стран на международной арене: амбиции стран выражаются, в том числе, через позиционирование их лидеров. В свою очередь, это выражается в таких культурных измерениях как высокая дистанция власти, коллективизм и низкие показатели индουλгенции.

5. Роль национальной специфики имиджа политического лидера в развитии международных отношений, ситуациях разрешения проблем,

конфликтов и противоречий между Россией и Японией заключается в том, что лидеры стран в подобных условиях благодаря своему статусу, закреплённому в структуре национальных культур, и функционалу лидерских качеств, становятся основоположниками начинающихся процессов взаимодействия. Воспроизводя собственные имиджи, сформированные под воздействием национальной культуры, лидеры стремятся к определённому вектору взаимодействия между странами. Приобретая поддержку среди населения своей страны, лидеры могут одновременно нести имиджевые потери на международном уровне.

б. Характеристики имиджа политических лидеров России и Японии, продиктованные системой ценностей и транслируемые культурой заключаются в сформированном и устоявшемся в истории стереотипе политического лидерства:

- для российского лидерства подобный стереотип заключается в наборе таких социальных качеств как централизация власти, вождизм, демонстрация статуса, потребность социума в сплочении вокруг единого лидера, представлении образа лидера как «отца» и «спасителя» нации, длительное нахождение у власти лидеров, завышенные требования населения к политическому лидеру страны, а также потребность в идеальном имидже лидера;
- в японском лидерстве подобный стереотип реализуется в таких социальных качествах как сакрализация и централизация образа императора, дефицит харизматичного лидерства, восприятие исключительности японской нации, сохранение института императорского дома, бережное отношение к традициям в структурах власти, а также сдержанность в демонстрации статусности лидера;
- имидж лидера, проецируясь на имидж страны и ассоциируясь с ее политическим курсом, приводит к неоднозначности понимания странами взаимных позиций: Япония склонна рассматривать Россию как

агрессивного северного соседа, а Россия Японию – как закрытую, ориентированную на внутренние традиции страну.

Апробация результатов работы.

Содержание и выводы исследования рассматривались на заседании кафедры геополитики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В.Ломоносова и нашли отражение в четырех научных статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по специальности и отрасли наук, а также в 10 публикациях в изданиях из Перечня ВАК при Минобрнауки России. Основные результаты проведенного исследования были апробированы на V Международном научном конгрессе «Глобалистика-2017», IV Международном научном конгрессе "Глобалистика - 2015: глобальное управление и дипломатия в нестабильном мире" и Ломоносовских чтениях - 2017

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОБЛЕМ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА.

1.1 ЛИДЕРСТВО И ИМИДЖ КАК КАТЕГОРИИ АНАЛИЗА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Исторически феномен лидерства рассматривался в политическом или религиозном контекстах⁶⁷, однако, с течением времени он стал действительно многогранным предметом совершенно различных наук.

Так, с разных сторон феноменом лидерства интересуются такие научные направления как философия, политология, социология, психология и многие другие. Большое число исследований феномена лидерства обнаруживается в сфере менеджмента, однако эти исследования в основном сконцентрированы вокруг повышения эффективности труда сотрудников путем удачного использования лидерских качеств руководителей компаний, что для настоящего исследования не является приоритетным. Вместе с тем такого рода исследования зачатую предоставляют значительный информационный пласт, касающийся описания лидеров и лидерства как механизма.

⁶⁷ Клейменова А. Историческое развитие изучения феномена лидерства /А. Клейменова// Аналитика культурологии. 2014. №28. С. 17–22.

Каждая из представленных наук дает возможность приблизиться к пониманию многогранного феномена лидерства, предоставляя в распоряжение исследователей различные подходы к его пониманию. Стоит отметить, что каждый из представляемых науками подходов дает верное понимание феномена лидерства, а также лидеров как носителей этого феномена, но тем не менее представляемое понимание ограничено предметом изысканий этих наук. Рассмотрим некоторые из теоретических подходов к пониманию лидерства и лидеров.

Обращаясь к изначальному смыслу феномена лидерства и лидера, то он понимается как «(от англ. leader — ведущий, руководитель), один из механизмов интеграции групповой политической деятельности, когда индивид или часть социальной группы выполняет роль лидера, т. е. объединяет, направляет действия всей группы, которая ожидает, принимает и поддерживает его действия»⁶⁸.

Кроме того, существует такое понимание лидерства и лидеров, которое определяется через взаимодействие лидера с членами общества, признающими в нем лидерские позиции и качества. С точки зрения подобного понимания лидерства лидеры становятся таковыми только после признания своей социальной группы и добровольного отчуждения социальных функций лидера в его пользу⁶⁹.

В целом необходимо отметить, что существует целый ряд подходов к пониманию лидерства, каждый из которых заостряет внимание на тех или иных чертах этого феномена. Так, имеет место подход, разделяющий лидерство на формальное и неформальное. Лидерство часто определяется через установление специфических черт личности, благодаря которым лидер

⁶⁸ Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983. [Электронный ресурс] // <https://runivers.ru/lib/book6207/140184/> (дата обращения: 15.02.2022).

⁶⁹ Клементьев Д. В. Лидерство: определение, подходы, перспективы / Д.В. Клементьев// Журнал прикладных исследований. 2021. №1. С. 21–24.

реализует свои функции⁷⁰. Еще один распространенный подход к пониманию феномена лидерства осуществляется через определение «стилей лидерства». Так, с точки зрения этого подхода в качестве основных обычно выделяются авторитарный, демократический и либеральный стили лидерства⁷¹. Кроме того, стоит отметить ценностный подход к пониманию лидерства, согласно которому наиболее эффективным лидером станет тот, кто сможет интегрироваться в групповую систему норм ценностей, а также функциональный подход, концентрирующий свое внимание на функциях, которые несет на себе лидер в процессе социального взаимодействия. Лидерство рассматривается как функциональный процесс в общественной системе⁷².

Очевидно, что сегодня не существует универсальной теории лидерства, и не стоит ожидать, что подобная когда-либо появится, поскольку сам феномен лидерства крайне многогранен. Следовательно, целесообразно в рамках различных исследований выделять наиболее рабочий подход.

В настоящем исследовании целесообразно рассматривать феномен лидерства с точки зрения того, какое влияние он оказывает на международные процессы через выполнение социальных функций, будучи структурной единицей политической системы страны и актором международных отношений. Таким образом, лидеры понимаются прежде всего как функциональная единица в системе международных отношений, занимающая в ней определенное место и играющая определенную социальную роль, оказывая при этом влияние на протекание ряда международных процессов.

⁷⁰ Кармизова С. Т. Феномен лидерства: социологический аспект /С.Т. Кармизова// Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2007 №3. С. 82–87.

⁷¹Шеклтон В. Психология лидерства в бизнесе. – СПб. Питер,; 2003. С. 65–71.

⁷² Романова М. В. Теоретические подходы к рассмотрению проблемы лидерства в науке/ М.В. Романова// МНКО. 2010. №1. С. 192–194.

В международных отношениях принято разделять личностное и страновое лидерство, а также изучать их в отдельности⁷³. Вместе с тем не стоит недооценивать влияние лидера, его личностных, социокультурных и имиджевых характеристик на политический курс и развитие стран в международных отношениях.

В настоящем исследовании лидерство целесообразно определять как механизм интеграции групповой деятельности. Вместе с тем стоит отметить, что в современной политической науке существует множество определений политического лидерства, в зависимости от предмета исследований. Так, в политической науке феномен лидерства понимается как «феномен политической жизни, связанный с осуществлением властных функций в государстве и обществе. Тип политического взаимодействия – один из механизмов интеграции групповой деятельности, когда индивид или часть социальной группы, выполняя роль лидера, объединяют и направляют действия всей группы, которая принимает и поддерживает его действия, с целью их организации на совместную деятельность и ее осуществление»⁷⁴.

Стоит особенно подчеркнуть, что политический лидер, будучи весомым актором политического и международного взаимодействия, оказывает существенное влияние на внутри- и внешнеполитические процессы⁷⁵.

Так, лидерство представляет собой неотъемлемую черту политического процесса наряду с элитами и электоратом⁷⁶. Вместе с тем в рамках

⁷³ Майорова М. А., Лебедева Е. И. Личностный и страновой факторы лидерства в международных отношениях: теоретические подходы // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. №1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnyy-i-stranovoy-factory-liderstva-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-teoreticheskie-podhody> (дата обращения: 31.10.2022).

⁷⁴ Политическая энциклопедия: В 2 т. – М.: Мысль, 1999. Т. 1. С. 631

⁷⁵ Стремоухова, И. В. Политическая элита и политическое лидерство / И. В. Стремоухова // Политология. СПб: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. С. 60–68.

⁷⁶ Шатилов А. Б. Современное политическое лидерство: возможности и ограничения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. №2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-politicheskoe-liderstvo-vozmozhnosti-i-ogranicheniya> (дата обращения: 31.10.2022).

настоящего исследования необходимо учитывать тот фактор, что лидер становится значительным игроком как на внутривполитической, так и на внешней арене. Кроме того, необходимо отметить, что в международных отношениях категория лидерства приобретает совершенно иную роль.

В понимании политического лидерства на международной арене целесообразно опираться на определение А.Д. Богатурова «ситуация, при которой субъект мировой политики имеет объективную способность и выраженную волю, во-первых, навязывать свое видение перспективы международного развития, оптимальных способов обеспечения мира и стабильности другим странам, сообществу государств в целом или какой-то его части; во-вторых, противостоять аналогичным устремлениям других лидеров или игнорировать их, не подрывая при этом основы собственной выживаемости в политическом и страновом качестве»⁷⁷. Приведенное определение адекватно раскрывает понятие как странового, так и личностного лидерства на международной арене.

Необходимо учитывать, что политический лидер, имея в зоне своего влияния сравнительно большую группу людей, выполняет указанные ранее функции социального лидера, но в более широком масштабе. Так, на политическом лидере лежит функция интеграции (часто в национальном масштабе), установление стратегических политических ориентиров развития, выработка и принятие политических решений отдельно стоит упомянуть коммуникативную функцию в силу масштабности деятельности политического лидера и др.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что политический лидер как вариант социального лидера имеет ряд особенностей, которые отличают его и превращают в особенную социальную роль. Отличительными особенностями такого типа лидера являются обладание сравнительно большей властью и большими полномочиями, широкий аппарат реализации

⁷⁷ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995)/ А.Д.Богатуров. – М.: Конверт. МОНФ, 1997. – С.11

своих полномочий, сравнительно больший масштаб решаемых проблем⁷⁸, публичность, большая ответственность, обусловленная масштабностью деятельности и опосредованный характер коммуникации⁷⁹.

Вместе с тем, подвергая анализу функции политического лидера, а также специфику подобного типа лидерства, стоит отметить, что от политического лидера ожидается представление интересов широких масс людей, реализация политических требований, эффективная коммуникация с широким кругом людей. В подобных условиях невозможно осуществлять лидерские качества лично в контакте с каждым членом общества. Однако, как мы установили ранее, для полноценного функционирования лидера в социуме необходимо адекватное восприятие его лидерских качеств членами социума. Общественное мнение в современном обществе становится одним из существенных ресурсов власти, тогда как одним из основных инструментов формирования общественного мнения становится имидж политического лидера.

Значение имиджа политического лидера в общественных отношениях сложно переоценить в силу того, что в современном обществе имидж зачастую может являться единственным (или, по крайней мере, главным) источником информации относительно личностных, деловых, социальных и биографических качеств лидера. Он служит ресурсом формирования общественного мнения относительно лидера и формируется на основе его реальных, в том числе и культурных, ценностных качеств. Имидж во многом помогает лидеру реализовывать свою социальную роль⁸⁰.

Одна из существенных характеристик современного общества заключается в том, что его члены вынуждены обрабатывать значительные

⁷⁸ Алексеенко, А. М. Влияние культуры на имидж политического лидера в Японии / А. М. Алексеенко // Информационные войны. 2021. № 3(59). С. 94–97.

⁷⁹ Калиев Т. Б., Косов Г. В. «Политический лидер» как категория современной политической науки /Т.Б. Калиев, Г.В. Косов// Социально-гуманитарные знания. 2012. №12. С. 208–221.

⁸⁰ Алексеенко, А. М. Влияние коллективизма и индивидуализма на восприятие имиджа политического лидера / А. М. Алексеенко // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 3. С. 143–149.

объемы совершенно различной по своей важности и достоверности информации. Подобная информационная нагрузка приводит к ситуации, в которой индивидам в попытке сформировать собственную когнитивную систему приходится обращаться к существующим знаниям, предлагаемым им в потоках каждодневной информации.

Следовательно, можно утверждать, что грамотное управление некоторыми потоками информации сегодня в определенной степени может дать возможность для воздействия на систему знаний современного человека. В свою очередь, имидж лидера можно расценивать как попытку управления информацией, поступающей в массы об образе лидера.

Учитывая то, что в современном мире, общественное мнение представляет собой реальный ресурс власти, значение имиджа как инструмента формирования общественного мнения относительно политического лидера возрастает. Соответственно, как теоретические, так и прикладные исследования в области имиджа политического лидера сегодня не утрачивают своей актуальности.

Таким образом, когнитивная картина мира сегодня подвергается воздействию целого ряда внешних факторов, которые, в свою очередь, непрерывно подвергают ее трансформации. Среди подобных факторов можно назвать СМИ, Интернет, социальное окружение, общественное мнение и др. Следовательно, указанные каналы формирования когнитивной картины мира могут быть использованы как пути для формирования общественного мнения.

Стоит отметить, что на первых этапах изучения имиджа активно исследовалась не столько теоретическая составляющая имиджа как феномена, его функции, структура и возможные способы понимания, сколько прикладная часть, касающаяся внедрения желаемых образов, закрепления их в общественном мнении, а также процессов воздействия на массовое сознание.

Однако в целях грамотного формирования общественного мнения, а также грамотного применения имиджа политического лидера как внутри страны, так и на международной арене необходимо понимать, что собой представляет имидж лидера, его функции, структурные составляющие и механизмы воздействия на массы.

Феномен имиджа стал активно изучаться значительно позднее, чем лидерство. Понятие «имидж» вошло в научный оборот в 60-х годах XX столетия⁸¹, но тем не менее благодаря своей актуальности, сегодня этот феномен широко изучен, и существует множество подходов к его определению и формированию, поскольку имидж также представляет собой сложный междисциплинарный феномен, не поддающийся однозначному единственно верному объяснению.

Сегодня понятие «имидж» стало распространенным как в специализированной литературе, так и в обычной среде, и часто имеет место такое представление об имидже, согласно которому имидж представляет собой исключительно внешние составляющие образа того или иного человека. Подобное понимание имиджа во многом спровоцировано этимологией этого слова, поскольку «image» (англ.) в переводе понимается как «картинка», «изображение». Тем не менее такой подход с точки зрения настоящего исследования представляется крайне зауженным, поскольку не принимает во внимание ряд иных неотъемлемых характеристик, составляющих имидж.

Говоря о политическом имидже, стоит отметить, что его отличительной особенностью является целенаправленность его создания, иными словами, политический имидж – это всегда целенаправленно формируемый образ. Создание определенного имиджа политического лидера, а также воздействие на него и поддержка часто становятся результатом деятельности самого объекта или определенной социальной группы, в основу которой заложена

⁸¹ Горчакова В. Г. Подходы к изучению имиджа в контексте социального управления / В.Г. Горчакова// Вестник РУДН. Серия: Социология. 2008. №2. С. 141–147.

цель, преследующая формирование общественного мнения относительно политического лидера.

Еще одной значимой особенностью имиджа политического лидера становится то, что он формируется в контексте социально-политической среды и не может существовать отдельно от нее. В механизме функционирования имиджа обязательно присутствует как объект (носитель имиджа, политический лидер), так и субъект (лица, воспринимающие имидж, электорат, мировое сообщество). Таким образом, с указанной точки зрения политический имидж может восприниматься как определенный набор качеств, приписываемых объекту и ассоциируемых с его индивидуальностью.

Имидж политического лидера может определяться как внешний образ, создаваемый субъектом с целью вызвать определенное мнение, впечатление, отношение⁸². С одной стороны, политический имидж основывается на ожиданиях общества относительно лидера, с другой – на его личностных качествах, ценностях и поступках.

Таким образом, под имиджем политического лидера в рамках представленного исследования следует понимать целенаправленно создаваемый стереотипизированный образ политического лидера, существующий в массовом сознании и основанный на ожиданиях общества относительно лидера.

В основу имиджа политического лидера могут ложиться как реальные качества объекта, так и приписанные ему свойства, в качестве которых могут выступать формальная система социальных ролей, индивидуальные черты характера, культурные особенности, внешность, речь и др. В процессе формирования имиджа воздействию могут подвергаться совершенно различные сферы, его составляющие.

⁸² Социологический энциклопедический словарь. Редактор-координатор — академик РАН Г. В. Осипов. — М.: Издательская группа ИНФРА М — НОРМА, 1998. — С. 97.

Логично предположить, что, как и любой целенаправленно создаваемый объект, имидж лидера конструируется для выполнения определенных социально-политических функций.

Несмотря на то, что и сегодня манипулятивная функция остается одной из центральных, понимание имиджа политического лидера не должно сводиться лишь к ней. Среди прочих не менее важных функций имиджа стоит также отметить⁸³:

- коммуникативную, благодаря которой в процессе коммуникации обеспечивается наиболее точная передача информации;
- адресно-рациональную, которая связывает социальный запрос относительно лидера и транслирует желаемые качества целевой аудитории;
- номинативную, отделяющую образ определенного политического лидера от других социальных слоев и придающую ему определенную целостность;
- эмоционально-эстетическую, способствующую развитию оценки относительно лидера в целевой аудитории.

Итак, в самом обобщенном представлении имидж политического лидера рассматривается как «образ политического лидера, который складывается в общественном мнении и сознании, оказывая воздействие на авторитет и влияние его носителя»⁸⁴.

В контексте политического лидерства имидж приобретает значимую социальную роль, поскольку в отсутствие личного контакта масс с политическим лидером он фактически заменяет собой личное впечатление от образа политика, становясь мощным ресурсом для реализации власти.

⁸³ Шавардова Е. Ю., Ярмук О. В. Социальная специфика имиджа: формат методологии и аудирования / Е.Ю. Шавардова, О.В. Ярмук// Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2021 №1 (209). С. 26– 34

⁸⁴Словарь по политологии [Текст] / под ред. проф. В. Н. Коновалова. – Ростов н/Д. : Изд-во РГУ. 2001. – 285 с.

Стоит отметить, что повышенное внимание к формированию имиджа в контексте политического лидерства представляется вполне оправданным в силу внушительного объема социальных функций, которые возлагаются на него. Изначально функциональная составляющая имиджа политического лидера сводилась в основном к процессам управления или манипуляции массовым сознанием⁸⁵. Действительно, функция манипуляции представляется одной из основных, поскольку именно благодаря имиджу в массовом сознании складывается определенный образ политического лидера, который, в свою очередь, создает предпосылки для политического поведения населения. Необходимо отметить, что указанная функция, ассоциируясь в массовом сознании с возможностью обмана, зачастую порождает негативное отношение к феномену имиджа в целом.

Современный глобализирующийся мир претерпевает непрерывные социальные изменения, что ощутимо сказывается на восприятии массами имиджа политического лидера. Учитывая постоянные социальные изменения и вызовы, стоит отметить, что имиджу политического лидера необходимо обладать двумя противоречивыми характеристиками. С одной стороны, имидж представляет собой олицетворение лидера как гаранта стабильности социума, но с другой, – он, как и социальная среда, претерпевает постоянные видоизменения.

Подобная противоречивость в характеристиках имиджа политического лидера может быть объяснена его структурными составляющими. Условно имидж можно разделить на две составляющие: ценностное ядро и внешнюю оболочку, которые дополняют друг друга, делают имидж стабильным и адекватным к постоянно меняющемуся социуму. Ядро имиджа проявляется в таких механизмах как стереотип, архетип и социальная роль.⁸⁶ Все эти три понятия объединяет один существенный параметр – они в той или иной

⁸⁵ Дагаева Е. А. Эволюция методологических подходов к анализу понятия «Имидж» /Е.А. Дагаева// Вестник ТИУиЭ. 2017. №2 (26). С. 84–87.

⁸⁶Полозова А. М. Символическая компонента имиджа политического лидера. Управленческий аспект в контексте современного общества / А. М. Полозова // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 3. № 5. С. 14–16.

степени соответствуют нормам, принятым в каком-либо конкретном обществе, а, следовательно, и социальным ожиданиям, формирующим общественный запрос⁸⁷. Ядро имиджа представляет собой своего рода символическую константу, которая состоит из культурных ценностей целевой аудитории и благодаря этому придает имиджу политического лидера необходимый отклик целевой аудитории. Таким образом, можно сделать вывод о том, что основой для формирования символического ядра имиджа политического лидера может выступать культура. В свою очередь внешняя оболочка, подвергаясь различного рода социальным воздействиям, может видоизменяться, придавая имиджу политического лидера пластичность и актуальность⁸⁸.

В этой связи необходимо отметить, роль исследования имиджей политических лидеров в международных отношениях. Политический лидер, будучи продуктом и носителем своей культуры, обнаруживает в символическом ядре имиджа спектр ценностных характеристик, продиктованных его национальной культурой.

С одной стороны, подобная ситуация становится причиной стабильного восприятия имиджа политического лидера в его стране благодаря схожести ценностной картины мира большинства населения. Вместе с тем, транслируя собственную систему ценностей при помощи сформировавшегося под воздействием культуры имиджа на международной арене, политический лидер может не получить однозначного восприятия собственного имиджа.

Изучение имиджа политического лидера сегодня становится наиболее своевременным и многосторонним. Если изначально эту категорию связывали в основном с манипулятивными технологиями и воспринимали,

⁸⁷ Полозова, А. М. Влияние национального менталитета на формирование имиджа политического лидера / А. М. Полозова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. Т. 2, № 9. С. 62–65.

⁸⁸ Мельничук А. С. Имидж политиков: ценностный аспект /А.С. Мельничук// Акмеология 2014. №1 (49). С. 61–68.

скорее, в негативных оттенках, то сегодня имидж изучается как неотъемлемая часть социальной коммуникации политического лидера и населения. Таким образом, в рамках настоящего исследования под имиджем политического лидера мы будем понимать «образ политического лидера, который складывается в общественном мнении и сознании, оказывая воздействие на авторитет и влияние его носителя»⁸⁹. Вместе с тем политический лидер в настоящем исследовании понимается как функциональная единица в социальной системе, занимающая в ней определенное место и играющая определенную значимую роль, оказывая при этом влияние на ряд социополитических процессов.

Обращаясь к политическому лидерству и имиджу как к категориям анализа международных отношений, необходимо отметить, что лидер является важным актором международных отношений как носитель власти и представитель интересов своей страны на международной арене. Отмечается все большая персонализация международного новостного потока, наряду с возрастающим вниманием к персонам политических лидеров, как на внутривнутриполитической, так и на международной арене. В процессе анализа политического лидерства на международной арене, уместно говорить о политическом лидерстве глав государств⁹⁰. В свою очередь, имидж политического лидера, так же как на внутривнутриполитической арене, сохраняет свой функционал и остается средством его влияния, а также трансляции его целей в международном информационном пространстве.

Тем не менее политическое лидерство и имидж в условиях международных отношений приобретают специфику, обусловленную рядом объективных особенностей международной политики и межкультурной специфики государств, представляемых различными лидерами. Специфика анализа имиджа политических лидеров государств в условиях

⁸⁹Словарь по политологии [Текст] / под ред. проф. В. Н. Коновалова. – Ростов н/Д. – Изд-во РГУ, 2001. – 285 с.

⁹⁰ Казун А. П., Казун А.Д. Качество институтов и борьба лидеров стран Большой двадцатки за международную повестку дня в печатных СМИ /А.П.Казун, А.Д. Казун// Журнал институциональных исследований. 2020. № 1 (12). С. 128–143.

международных отношений, по мнению автора, заключается в учете объективных и субъективных факторов, влияющих на реализацию имиджа лидера как инструмента воздействия на международной арене.

Объективные факторы, влияющие на эффективность имиджа лидера, заключаются в реализации национальных интересов лидерами стран и неизбежном их столкновении в процессе развития международных отношений. Субъективные факторы заключаются в несовпадении национально-культурных ценностей, заложенных в основу имиджа политического лидера страны и ценностей обществ, в которых лидер транслирует свой имидж, представляя интересы своей страны.

Совокупность объективных и субъективных факторов, влияющих на имидж лидеров государств требует внимательного рассмотрения, поскольку во многом определяет их эффективность как политических лидеров в условиях международных отношений.

1.2 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ.

Понятие культуры – одно из базовых понятий наук социогуманитарной направленности, имеющее огромное распространение смысловых оттенков. Подобная фундаментальность понятия, а также обилие концептуальных трактовок культуры определяется тем фактом, что последняя проникает во все социальные процессы, явления и социальную деятельность людей, принимая тем самым совершенно различные формы. Всесторонние исследования понятия культуры, рассматривающие различные трактовки проявления этого многофакторного феномена, сегодня становятся особенно актуальными, поскольку феномен культуры, часто незримо и косвенно, оказывает существенно влияние и во многом предопределяет организацию жизни людей в социуме, а также результат их взаимодействия⁹¹.

Учитывая то, что культура пронизывает все сферы человеческой жизнедеятельности, становится очевидным и естественным столь большое число различных определений этого явления. По подсчетам исследователей, сегодня их существует несколько сотен⁹².

В современном понимании культуры существуют подходы, рассматривающие ее как определенную характеристику человеческого поведения, придающую ему социальные черты; систему ценностей,

⁹¹ Флиер А. Я. Культурная система: модель функциональных свойств // Вестник Института педагогических исследований ЧГАКИ. 2021. №2 (66). С. 47–53.

⁹² Гафиятуллина Л. А. О подходах к изучению понятия «Культура» /Л.А. Гафиятуллина// Вестник КазГУКИ. 2011. №2. С. 4–7.

значимую для определенной социальной группы; нормы и ритуалы поведения; определенные формы социальной активности и многие другие⁹³.

Необходимо подчеркнуть, что анализ феномена культуры также крайне важен в контексте изучения международных отношений, поскольку специфические культурные особенности представителей различных стран, в том числе, и политических лидеров, во многом оказывают существенное влияние на характер взаимоотношений государств на международном уровне.

Феномен культуры исследуется различными науками с различных точек зрения, так, им интересуются такие науки как, антропология, социология, культурология, философия, психология и многие другие.

Каждая из указанных наук формирует свой подход к пониманию феномена культуры, каждый из которых, в свою очередь, является верным. Стоит отметить, что сущностной характеристикой феномена культуры становится влияние на нее человеческой деятельности. Так, согласно этому подходу, культуру можно определить как «систему внебиологически выработанных механизмов, благодаря которым стимулируется, программируется и реализуется активность людей в обществе»⁹⁴. Иными словами, все, что так или иначе было подвергнуто воздействию человека, видоизменено или произведено в результате человеческой деятельности, можно отнести к феномену культуры⁹⁵.

Наиболее популярное сегодня дескриптивное определение культуры дает ее понимание как «(лат. cultura – обработка, культивация, облагораживание, воспитание) исторически сложившийся образ жизни людей, включающий в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и

⁹³Флиер А. Я. Культура как социальная система /А.Я. Филер// Вестник ЧГАКИ. 2013. №3 (35). С. 60–68.

⁹⁴ Галинская И.Л., Маркарян Э. С. Очерки теории культуры /И.Л. Галинская, Э.С. Маркарян// Вестник культурологии. 2015. №3 (74). С. 8.

⁹⁵ Кузнецова Е. В. Определение культуры: разнообразие подходов / Е.В. Кузнецова// ПНиО. 2013. №5. С. 49–55.

умения, обычаи и установления, технику и технологии, способы мышления, деятельности, взаимодействия и коммуникации и т. д.»⁹⁶. Представленное определение дает наиболее широкое и полное ее понимание, а также возможность получить представление о распространённости культуры на социальном пространстве, но не раскрывает функциональной природы феномена культуры.

Кроме того, существует и более глобальный подход в определении культуры, когда последняя характеризуется как набор норм и правил, организованных в ценностную систему⁹⁷.

Имеет место и синергетический подход, благодаря которому становится возможным понимание культуры как независимой самоорганизующейся системы, он дает возможность понимать культурные процессы в их динамике, а сама культура предстает непрерывно изменяющейся самостоятельной системой: «культура есть самоорганизующаяся динамическая открытая система, которая сохраняет и совершенствует информацию при изменении внешних или внутренних условий ее функционирования и развития с учетом прошлого опыта. Она включает в себя как элементы порядка, так и момент хаотичности»⁹⁸. Подобный подход подчёркивает многогранность понятия культуры и широту ее распространения в социуме.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что культура крайне многообразна в своих проявлениях и пронизывает все сферы социальной жизни. Соответственно, для полноценного понимания феномена культуры исследователи разрабатывают различные подходы к ее изучению, каждый из которых является по-своему верным.

⁹⁶ Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс] <https://bigenc.ru/philosophy/text/2120919> (дата обращения 15.02.2022).

⁹⁷ Флиер А. Я, Культура как социально-регулятивная система и ее историческая типология [Электронный ресурс] <http://cult-cult.ru/culture-as-social-regulatory-system-and-its-historical-typology/> (дата обращения: 02.02.2023).

⁹⁸ Савельева Д.А. К вопросу об определении понятия «культура» /Д.А. Савельева// Вестник МГУП. 2013. №6. С. 22–27.

В представленном исследовании наиболее целесообразно отталкиваться от структурно-функционального подхода к пониманию культуры, поскольку, принимая во внимание важность влияния этой составляющей на социальные процессы, наиболее пристальное внимание стоит обратить на функции культуры в социальной системе. Кроме того, наиболее важным для понимания указанных функций становится вычленение структурных составляющих культуры. Подобный подход к ее пониманию дает возможность проследить, каким образом она влияет, в том числе, на поведение и оценочные суждения представителей различных культур.

Соответственно, наиболее рациональное определение в рамках представленного исследования должно, в первую очередь, отталкиваться от описания социальных функций культуры, благодаря которым последняя оказывает существенное влияние как на общество в целом, так и на отдельных его представителей.

Так, культуру в рамках предлагаемого исследования целесообразно определять с точки зрения системы норм, правил и ценностей, организующих человеческое поведение⁹⁹, а также совокупности форм социального поведения человека, обусловленных его принадлежностью к конкретной общности. Иными словами, культура – это система социально значимых знаний, ценностей, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность в обществе¹⁰⁰.

Наиболее важными для раскрытия характера настоящего исследования представляются коммуникативная и регулятивная функции культуры.

Коммуникативная функция культуры заключается в организации общения в рамках культуры, а также ее способности сохранять, передавать и распространять культурные ценности и архетипы поведения. В контексте настоящего исследования функция коммуникации представляется одной из

⁹⁹ Кравченко А.И. Культурология/ А.И. Кравченко. – 3-е изд. М.: Академический Проект, 2002.— 496 с.

¹⁰⁰Алексеев А. М. Влияние коллективизма и индивидуализма на восприятие имиджа политического лидера /А.М. Алексеев// Социально-гуманитарные знания. 2021. №3 С. 143–149.

наиболее важных, поскольку она во многом дает возможность для понимания характеристик политического лидерства в международной среде, оказывая существенное влияние на стиль коммуникации политических лидеров.

Регулятивная функция выражена прежде всего в системе норм, правил, ценностей, принятых и разделяемых в конкретном обществе. Благодаря подобной системе общество остается стабильным и гармоничным, а социальное поведение его членов – предсказуемым, т.е. соответствующим социальным ожиданиям относительно конкретных ролей. В свою очередь регулятивная функция в контексте представленного исследования играет важную роль, поскольку оказывает значительное влияние на регуляцию поведения представителей конкретного социума, в том числе, политических лидеров, а также на оценку демонстрируемого поведения как на внутривнутриполитическом, так и на международном уровне.

Таким образом, в результате рассмотрения возможных точек зрения в анализе феномена культуры можно сделать вывод о том, что в современной науке существует множество подходов к пониманию феномена культуры. Это обусловлено в первую очередь тем, что изучение феномена культуры сегодня крайне актуально, поскольку его влияние на современные социальные процессы весьма значительно. В свою очередь, подобная значительность влияния культуры на социальные процессы порождает интерес различных наук к изучению феномена культуры, чем и обуславливается междисциплинарность в подходах к ее пониманию.

Культура становится базовой составляющей в функционировании любого общества, пронизывая все его сферы и оказывая свое влияние на совершенно различных уровнях, соответственно, это становится дополнительным фактором для усложнения понимания феномена культуры и порождает еще большее число подходов.

Для соблюдения логики настоящего исследования за основу целесообразно взять определение культуры, которое отражает ее системный

характер и функции в обществе, поскольку подобный подход наиболее полно раскрывает характер влияния культуры на отдельных членов общества.

Основываясь на понимании культуры как феномена, оказывающего влияние на членов общества, а также учитывая многообразие ее проявлений в различных национальных сообществах, возникает вопрос о сравнении параметров различных культур. Дело в том, что при широкой изученности этого феномена, вопрос о четком измерении реально существующих в различных обществах параметров и проявлений культурных особенностей остается весьма сложным. Тем не менее сегодня существует ряд концепций, позволяющих нам нарисовать четкую картину ценностных особенностей отдельно взятого общества.

Методологические подходы к пониманию национальной культуры.

Исходя из принятого за основу определения культуры, ее значения в общественной системе, а также ее функций в урегулировании социальной жизни, логично предположить, что, с одной стороны, культура охватывает своим влиянием все сферы социальной жизни, и, с другой стороны, культура определяет образ жизни людей, дает им необходимые ориентиры для эффективного взаимодействия в обществе. Она дает людям представление о правильном и неправильном, хорошем и плохом, об ожидаемом и одобряемом или наказуемом способе поведения.

Подобные представления выстраиваются в сознании представителей разных культур под влиянием различных систем ценностей. Следовательно, можно сделать вывод о том, что изучение ценностных систем, в особенности с возможностью их сравнения, дает возможность не только описательного понимания, но и представления о предпочтительном и нежелательном способах взаимодействия в социумах.

В контексте анализа международных отношений подобное изучение культур с точки зрения сопоставления различных ценностных систем представляется наиболее актуальным, поскольку ценностные различия представителей различных культур в сфере международных отношений, с

одной стороны, очевидны и естественны, но с другой – могут представлять собой источник потенциальных проблем, вплоть до неадекватного восприятия и последующих международных конфликтов.

В современной науке существует ряд теорий, основывающихся на описании влияния культуры общества на индивидуальные ценности ее членов, и того, как эти ценности влияют на их поведение, оценочные суждения и предпочтения. Подобная методология может стать информативной и удобной в различных подходах к анализу процессов, происходящих в сфере международных отношений.

Среди подобных исследований стоит упомянуть критерии измерения деловых культур Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэмпден-Тернера¹⁰¹, построенная на семи шкалах, в основу которых были положены кросс-культурные различия¹⁰². Отличительной особенностью предложенного исследования стала ориентация на деловую культуру, поскольку оно изучает, скорее, не систему ценностей, а стратегию принятия решений, сформированную под влиянием ценностной системы¹⁰³.

Также стоит отметить теорию культурного контекста Э. Холла, согласно которой выделяются два типа культур – высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные, основываясь на отличиях в способе коммуникации у представителей различных культур. Согласно предлагаемому Э. Холлом разделению, предполагается, что представители высококонтекстуальных и низкоконтекстуальных культур могут придерживаться противоположных ценностей в реализации процесса коммуникации. Кроме того, в своих исследованиях Холл большое внимание уделял отношению представителей

¹⁰¹ Hampden-Turner C., Trompenaars F. *Managing people across cultures*/ C. Hampden-Turner, F. Trompenaars. – Capstone. United States, 2004. – 382 p.

¹⁰² Гудзенко Е. М. Исследование организационной культуры в рамках этнометрического подхода /Е.М. Гудзенко// Вестник РУДН. Серия: Социология. 2012. №2. С. 99–109.

¹⁰³ Персидская О. А. Параметры сравнения культур г. Ховстеде и Ф. Тромпенаарса: сходство и различия /О.А. Персидская// Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. №5. С. 51–55.

различных культур ко времени, что, в свою очередь, также могло оказывать существенное влияние на процесс коммуникации¹⁰⁴.

Подобный подход к пониманию различных культур разработал и британский специалист в области межкультурной коммуникации Р.Д. Льюис. Согласно его подходу, культуры можно подразделить на три основных типа – моноактивные, полиактивные и реактивные. Основанием для такого разделения стали разные подходы представителей различных культур к стратегиям поведения в деловой коммуникации, а также различное восприятие и оценка времени¹⁰⁵.

Кроме того, стоит обратить внимание на теорию лингвокультурной грамотности Э. Хирша¹⁰⁶. Согласно представленной Хиршем концепции, для успешной межкультурной коммуникации необходимо хорошее знание о различных культурных знаках соответственной культуры. Иными словами, хорошая осведомленность о паттернах коммуникации собственной культуры и культуры своего собеседника поможет более адекватно построить процесс коммуникации. Принимая во внимание тот факт, что лингвокультурная концепция Хирша скорее относится к сфере образования и языкознания, необходимо учитывать, что паттерны коммуникации, распространенные в различных культурах, во многом основаны на ценностях, характерных для этих культур.

Необходимо также обратить внимание на исследования культуры Р. Инглхарта в контексте ценностей различных обществ. Будучи одним из инициаторов проекта по изучению ценностей «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey)¹⁰⁷, Р. Инглхарт разработал методику, согласно которой возможно оценить ценностный набор, основываясь на положении

¹⁰⁴ Hall E. T. *Beyond Culture*/ E.Hall. – N. Y.: Anchor Press, 1976 – 315 p.

¹⁰⁵ Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе/ Р.Д.Льюис. — М.: Дело, 2001. — 434 с.

¹⁰⁶ Hirsch E. D., Joseph Jr., Kett F., Trefil J. *The New Dictionary of Cultural Literacy*/ E. D. Hirsch, Jr., Joseph F. Kett, J. Trefil. – Boston;N.-Y.:Houghton Mifflin Company. 2002. – 668 p.

¹⁰⁷ Всемирный обзор ценностей (World Values Survey) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 30.09.2022).

национального или регионального сообщества относительно двух ценностных шкал. На основе положения стран и обществ относительно этих шкал, Р. Инглхарт с соавторами создал карту культурных ценностей, которая визуализирует культурные различия¹⁰⁸.

Первая шкала, которая выступает основой для оценки выражается в противостоянии традиционных и светско-рациональных ценностей. Представители традиционных обществ, как правило, склонны высоко оценивать значимость религии, семьи и власти, высоко ценят принадлежность к группе и социальный конформизм. Тогда как общества со светско-рациональными ценностями по указанным позициям придерживаются противоположных взглядов¹⁰⁹.

Вторая шкала, легшая в основу исследований культурных ценностей Р. Инглхарта представлена противоположностью выживание-самовыражение. Члены обществ, тяготеющие к ценностям самовыражения склонны обнаруживать свои ценности в категориях терпимости, доверия, акцента на субъективном благополучии, гражданской активности и самовыражении. Напротив, представители обществ с ориентацией на выживание склонны придавать большое значение безопасности (как экономической, так и физической), отрицательно относятся к социокультурным изменениям и не показывают высокий уровень толерантности. Определяющим и центральным показателем этой шкалы является поляризация между материальными и духовными ценностями¹¹⁰.

Так, в зависимости от положения страны или общества на двух описанных ранее шкалах та или иная страна занимает место на карте культурных ценностей Инглхарта-Вельцеля.

¹⁰⁸ Карта культурных ценностей Инглхарта- Вельцеля (Inglehart–Welzel Cultural Map) [Электронный ресурс] URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения 30.09.2022)

¹⁰⁹ Хилханов Д. Л. Феномен другого в современных условиях /Д.Л. Хилханов// Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. №2 (46). С.47–58.

¹¹⁰ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития/Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с

Кроме того, одним из самых полных и всесторонне применимых исследований стала теория культурных измерений голландского социолога Г. Хофстеде. Предлагаемая им теория была разработана в 70-х годах прошлого столетия и направлена на изучение ценностных характеристик представителей различных культур. На основе теории культурных изменений можно выстроить ценностную картину мира представителя какой-либо культуры и составить представление о том, как эта картина мира повлияет на его поведение. Теория культурных измерений в своей основе содержит описание влияния культуры общества на индивидуальные ценности ее членов, которые, в свою очередь, оказывают влияние на его поведение и принимаемые решения в социальном взаимодействии.

Теория культурных измерений Г. Хофстеде во многом пересекается с критериями измерения деловых культур Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэмпден-Тернера, однако является более выигрышной в силу своей большей универсальности, принимая, вместе с тем, во внимание, что предложенная Г. Хофстеде теория культурных измерений также изначально возникла в бизнес-среде, так как Хофстеде разрабатывал ее, на основе возглавляемого им научно-исследовательского отдела IBM и ответов сотрудников корпорации IBM из разных стран. Практическое применение теории Г. Хофстеде часто связывается с анализом коммуникативных процессов международного бизнеса, но несмотря на то, что она создавалась и изначально применялась в бизнес-среде для анализа кросс-культурных взаимодействий, она успешно применяется для анализа других актов социальной жизни, не относящихся к бизнес-среде.

Таким образом, методологической основой предлагаемого исследования целесообразно брать именно теорию Г. Хофстеде, поскольку она основывается на анализе ценностных систем различных культур, что дает методологии широту применения в различных сферах социальной жизни и коммуникации. Стоит также особо подчеркнуть, что формирование имиджа политического лидера также происходит на основе ценностных систем

социума, и в этих условиях методология Г. Хофстеде дает возможность наиболее полно и глубоко изучить ценностные характеристики имиджа политического лидера.

Г. Хофстеде подчеркивал, что теория культурных измерений не может являться единственным основанием для предположения о ценностной картине мира представителя той или иной культуры в силу того, что остаются такие факторы влияния на поведение конкретного индивида, как семья, психика, социализация, биография и многие другие, но ценностные ориентации все же оказывают немалое влияние на ценностные ориентации, оценки и, как следствие, поведение представителей различных культур¹¹¹.

Всего Г. Хофстеде выделял шесть типов культурных измерений, среди которых дистанция власти, индивидуализм и коллективизм, мужественность и женственность, избегание неопределенности, ориентация на будущее и индульгенция¹¹².

Дистанция власти характеризует то, как в обществе воспринимается власть и неравномерность ее распределения. В обществах с высокой дистанцией власти неравномерность ее распределения воспринимается благосклонно, так как это соответствует представлениям о нормальном. Власть в таких культурах, как правило, дистанцирована от общества, наделена признаками статусности. Напротив, в обществах с низкой дистанцией власти подобная неравномерность распределения властных символов и статусов считается недопустимой.

Индивидуализм – коллективизм характеризует степень, с которой члены общества склонны образовывать группы. Коллективистским обществам присуще большее тяготение к образованию групп, личные ценности для членов таких обществ не так важны, как для

¹¹¹ Hofstede, G. Hofstede, G.J. Cultures and Organizations: Software of the Mind/ G. Hofstede, G.J. Hofstede – London: McGraw-Hill, 2005 – 574 p.

¹¹² Науменко Т.В., Морозова Д.А. Теория межкультурных измерений Г. Хофстеде как методологическая основа исследования современных социальных процессов/Т.В. Науменко, Д.А. Морозова// Международный журнал исследований культуры. 2018. №1 (30). С. 144–154.

индивидуалистических обществ. Представителей коллективистских культур характеризует сравнительно большее стремление соответствовать групповым нормам, а также склонность демонстрировать большее стремление к принадлежности к какому-либо обществу.

В представленном измерении можно наблюдать отражение описанного ранее измерения – дистанции власти, ведь ответственность члена общества перед его социальной группой накладывается из соображений сравнительно высокой степени коллективизма.

Мужественность – женственность показывает степень, с которой члены общества нацелены на результат. Общества с большим значением показателя мужественности характеризуют напористость, склонность к соперничеству, тогда как представители женственных культур чаще нацелены на поддержание качества взаимоотношений.

Избегание неопределённости показывает отношение в обществе к ситуациям неопределенности. В культурах с низким уровнем избегания неопределенности имеет место спокойное отношение к изменениям, неясным ситуациям, альтернативным точкам зрения и отличительности. Тогда как представители культур с высоким значением данного показателя стремятся всеми способами избежать неопределённых ситуаций, подобные культуры обычно характеризует наличие большого количества внутренних правил, а также развитая бюрократическая система.

Краткосрочная или долгосрочная ориентация на будущее отражает степень стремления членов общества долгосрочно ориентироваться в своих планах и целях на будущее и отношение ко времени в планировании задач. Высокие показатели по долгосрочной ориентации на будущее означают, что общество ищет способ подготовиться к будущему. Кроме того, указанное измерение отражает и самоидентификацию представителей различных культур в истории собственной страны.

Потворство характеризует степень, с которой люди готовы позволить себе удовлетворение сиюминутных потребностей. Общества с высокими

показателями допущения характеризуются большей свободой своих членов, тогда как низкие показатели данного измерения характерны для обществ, строго регламентированных социальными нормами¹¹³.

Безусловно, как и любая концепция, теория культурных измерений Г. Хофстеде подвергалась критике: из-за репрезентативности выборки¹¹⁴, сведения ареала распространенности культуры к территориальным границам государства, некоторого упрощения понимания параметров культуры, а также быстрой изменчивости культуры в современном мире¹¹⁵. Вместе с тем она была успешно протестирована самим ученым, а критические замечания не оставлены без внимания¹¹⁶. Кроме того, касательно критических замечаний относительно упрощения параметров культур стоит отметить, что определенное допустимое упрощение придает методологии Г. Хофстеде универсальность и простоту применения.

Тем не менее, исходя из показателей описанных выше измерений, можно составить картину культурных ценностей какой-либо культуры и получить вполне расширенное представление о том, как могут действовать представители различных культур. Отличительной особенностью теории культурных измерений Г. Хофстеде стало то, что он не пытался типологизировать сами культуры, вместо этого типологизации подвергались критерии, отличающие одну культуру от другой. Это может позволить более детально проследить и зафиксировать отличия одной культуры от другой и вместе с тем до определенной степени систематизировать подобный анализ.

Вместе с тем с точки зрения анализа международных отношений, синтез методологии Р. Инглхарта и теории культурных измерений Г.

¹¹³ Hofstede insights [Электронный ресурс] URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения 15.03.2021)

¹¹⁴ McSweeney B. Hofstede's Model of National Cultural Differences and Their Consequences: A Triumph of Faith — A Failure of Analysis / B. McSweeney // Human Relations. 2002. №1 (55). P. 89–118.

¹¹⁵ Андреева Т.Е. Роль и место концепции культурных измерений Г. Хофштеде в современной теории управления (предисловие к разделу) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2006. № 4. С. 122–133.

¹¹⁶ Хофштеде Г. Мотивация, лидерство и организация: применимы ли американские теории в других странах? /Г. Хофштеде// Вестник СПбГУ. Сер. 8. 2006. №4. С. 134–162.

Хофстеде представляется наиболее подходящим в силу своей привязки культуры определенной общности к культуре конкретной страны. Кроме того, набор характеристик, подвергаемых анализу в теориях Р. Инглхарта и Г. Хофстеде представляется наиболее широким и абстрактным в своем описании культурных черт, что делает указанные теории наиболее универсальными в применении.

Необходимо также отметить, что в контексте исследования культурных различий российского и японского обществ, теория культурных измерений представляет весомый набор характеристик, что дает возможность для наглядного и детального описания культурной дистанции двух стран, а также, как следствие, потенциальных источников проблем в коммуникации и взаимодействии.

Таким образом, основанная на анализе ценностного ядра национальной культуры, методологии Р. Инглхарта и Г. Хофстеде представляются более универсальными, гибкими и простыми в применении, а также наиболее полно раскрывающими характер представленного исследования, чем другие методологические основания изучения кросс-культурных различий.

Выводы по главе 1:

В результате изучения теоретико-методологических основ концептуализации проблем имиджа политического лидера следует вывод о том, что рассмотрение имиджа и лидерства дает понимание важности этих категорий в развитии международных отношений. Политическое лидерство в опоре на имидж и культуру стран становится мощным ресурсом в развитии международных отношений. В первой главе настоящего исследования доказано, что, невзирая на другие имеющиеся модели кросс-культурных исследований, теория культурных измерений Г. Хофстеде, а также теория Р. Инглахарта наиболее подходят для изучения влияния национально-культурных особенностей имиджа политического лидера и его реализации на международной арене.

Понимание черт национальной культуры, а также ее системы ценностей может послужить основой для исследования лидерства и его имиджа. Вместе с тем исследование имиджа политического лидера с точки зрения национально-культурных аспектов в опоре на объяснительные принципы Г. Хофстеде и Р. Инглахарта дают возможность нового взгляда на потенциал и альтернативные методы развития международных отношений.

ГЛАВА 2. КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ИМИДЖЕЙ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ РОССИИ И ЯПОНИИ.

2.1 КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ИМИДЖА СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА РОССИИ.

Современная культура России характерна своей противоречивостью: с одной стороны, она самобытна и обеспечивает единство многонационального народа России, с другой – она никогда не оставалась на обочине общемировых культурных процессов и стремилась к приобщению внешних для себя элементов.

Рассмотрим основные факторы, оказавшие наибольшее влияние на отличительность и противоречивость российской культуры, так как именно они являются основой для понимания исключительности российского национального менталитета. На современную сформировавшуюся культуру России, как и на любую другую, оказывал влияние целый спектр различных факторов, среди которых особенно стоит упомянуть историко-социальные процессы, а также географические и климатические условия.

Так, одними из существенно повлиявших на становление современных культурных черт России стали обширная география и суровый климат страны, которые «требовали нередко предельной мобилизации духа, способного справиться и с вызовами сурового климата, и с вызовами

воинственных соседей»¹¹⁷. Кроме того, немаловажным представляется тот факт, что в условиях столь обширных территорий страны, централизация власти становится фактически единственным стилем управления, который не привел бы к распаду или отчуждению пространства. Подобная централизация власти становится отличительной чертой политической системы России, которая, в свою очередь, характеризует ее как восточную¹¹⁸.

Стоит также отметить, что культурная политика РФ направлена сегодня на сохранение и защиту богатства культурного наследия российского общества, на «духовное, культурное, национальное самоопределение России, объединение российского общества»¹¹⁹. Вместе с тем исследователи отмечают состояние кризиса, в котором сегодня находится культура России и указывают на слом устоявшихся общественных норм и дефицит институтов демократического общества¹²⁰.

Более детальное, систематизированное и структурированное понимание состояния и характера российской культуры можно получить, обратясь к теории культурных ценностей Р. Инглхарта и культурных измерений Г.Хофстеде.

Характерной особенностью теории культурных ценностей Р. Инглхарта является постепенный сдвиг ценностей в ходе изменения социальной безопасности и благосостояния общества от традиционных и ценностей выживания к секулярным и ценностям самовыражения соответственно. По Р. Инглхарту, подобное изменение ценностей можно объяснить

¹¹⁷ Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). - М.,ИФРАН 1994, С. 29.

¹¹⁸ Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции/ А.С. Панарин. – М.: Книжный дом «Университет», 2000. – С. 51.

¹¹⁹ Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/administration/21027> (дата обращения 19.04.2021)

¹²⁰ См. Буторов С. А. Современная культура России: мифы и реальность /С.А. Буторов// Вестник МГУКИ. 2015. №6 (68). С. 57–66.; Воронова Н. И. Особенности этнонационального мифотворчества в культуре современной России /Н.И. Воронова// Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. №19. С. 15–22; Зеленцова Е. В. Культура как ultimo ratio для России /Е.В. Зеленцова// Управленческое консультирование. 2011. №1. С. 201–212.

историческим и социокультурным развитием общественно-политической системы. Вместе с тем отмечается, что чем более традиционной является общественная система, тем менее она подвижна является с точки зрения изменений. Однако настроения среди населения также сильно коррелируют с господствующими в стране философскими, политическими и религиозными представлениями¹²¹.

Согласно показателям исследования Р. Инглхарта, современная культура России характеризуется как общество с высокими баллами по светско-рациональным ценностям и ценностям выживания. Это говорит о том, что в культуре России сравнительно много внимания уделяется традиционным ценностям (таким как религия, семья) и сравнительно важными являются ценности выживания (что выражается в стремлении к предсказуемости, нетерпимости к другим культурам и самовыражению, стремлении к коллективизму, авторитарной власти).

Г. Хофстеде предложил теорию, основанную на шести типах культурных измерений, согласно которой можно проследить влияние культуры общества на индивидуальные ценности его членов. Индивидуальные ценности, в свою очередь, могут предопределять поведение их носителей, а также позитивность или негативность восприятия поведения посторонних в зависимости от совпадения или несовпадения ценностей.

Опираясь на теорию культурных измерений Г. Хофстеде, можно сформировать представление о системе ценностей представителей российской культуры. Россия демонстрирует высокие показатели дистанции власти, низкие показатели индивидуализма, низкие показатели мужественности, высокие показатели избегания неопределенности, долгосрочную ориентацию на будущее, а также низкие показатели потворства¹²².

¹²¹ Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in Societies/ R. Inglehart. – Princeton, Princeton Univ. Press, 1997. – 464p.

¹²² Hofstede insights [Электронный ресурс] URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения 15.03.2021).

Рисунок 1¹²³. Значение показателей культурных измерений для России (Hofstede insights)¹²⁴

Рассмотрим подробнее, что означает каждое из значений:

- Высокие показатели **дистанции власти** говорят о сильной разобщенности между наделенными властью членами общества и подчиненными. Российская культура подразумевает признание иерархии и неравенства и того, что одни наделены властью больше, чем другие, а власть становится ресурсом в достижении цели. Особо стоит подчеркнуть, что неравномерное распределение власти принимается и поддерживается в первую очередь менее влиятельными членами общества. Культура России демонстрирует жесткую централизацию власти, а народ и лидеры стоят на большой дистанции друг от друга. Кроме того, подобное несоответствие между людьми приводит к избыточной демонстрации и важности символов статуса.

¹²³ Рисунок составлен автором на основе данных Hofstede insights [Электронный ресурс] URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 25.06.2021).

¹²⁴ Количественная оценка культурных измерений приведена в баллах, вычисленных по индексу в 100-балльной шкале.

- Низкие показатели **индивидуализма** (иными словами, коллективизм) показывают, что общество поддерживает высокую степень взаимосвязанности между членами. В свою очередь, это указывает на то, что члены российского общества склонны образовывать группы, быть принятым в которую становится чрезвычайно важным для представителя культуры России. Это может выражаться в особенной важности семьи или рабочего коллектива. Лояльность группы, к которой принадлежит человек, становится крайне важной для него. Общественное мнение, ценности и правила часто ставятся выше по значению, чем индивидуальные. Близкие часто важны для решения повседневных задач, а коммуникация между людьми становится важной частью их самосознания.

- Низкие показатели **мужественности** указывают на то, что в обществе придается большее значение качеству отношений, но не результату деятельности. В российском обществе признаком успеха часто является качество отношений, а не выделение из толпы, исключительность. Прямая конкуренция воспринимается отрицательно, а конфликты – негативно. Высокая дистанция власти налагает отпечаток на это измерение, так как ранее отмечалось стремление россиян к демонстрации символов статуса. Однако в большинстве случаев доминирующее поведение не является ценностью (в случае, если исходит от субъекта, не наделенного властью), а, напротив, может вызвать негативное подкрепление.

- Высокие показатели **избегания неопределенности** указывают на стремление россиян предсказать, упорядочить свою жизнь, имеют место попытки контролировать свое будущее. Россияне чувствуют серьезную угрозу, а следовательно, тревогу в ситуациях, когда будущее не может быть проконтролировано или имеют место неоднозначные ситуации или неопределённость, а также в ситуациях, когда необходимо принять неоднозначное решение с последующей ответственностью. Такая ситуация, в свою очередь, приводит к излишней бюрократизации как к защитной мере от угрозы от неоднозначных, неизвестных ситуаций.

- Россия показывает **долгосрочную ориентацию на будущее**, что иллюстрируется способностью легко адаптировать традиции к изменившимся условиям; россияне часто склонны полагать, что истина зависит от контекста или ситуации. Будучи обществом с долгосрочной ориентацией, Россия показывает такие черты как уважение к традициям, истории, старшим поколениям, стремление к построению далеко идущих перспектив и целей¹²⁵.

- Показатели **потворства** остаются в России низкими, и это говорит о том, что действия членов общества существенно ограничены социальными нормами, а реализовывать собственные желания в случае, если они идут вразрез с общественно принятыми нормами считается неправильным. С позиций показателя потворства культуру России можно охарактеризовать как сдержанную, замкнутую с частыми проявлениями самоконтроля.

Приведенные черты культуры России, с одной стороны, являются характеристикой ее современного состояния, а с другой – унаследованы из прошлого. Как уже было отмечено ранее, культура является сквозным элементом социальной жизни, а это значит, что приведённые особенности можно проследить как в истории политического лидерства страны, так и в имидже современного лидера. Исторически сложившиеся типы лидерства можно также брать за основу изучения политической культуры лидерства с последующими выводами о состоянии современного политического лидерства.

Одной из таких исторических особенностей, повлиявших на становление культуры, стало традиционное политическое лидерство и, в частности, влияние на него православия.

Особенно стоит подчеркнуть, что происхождение власти транслировалось от Бога, и тем самым личность и образ самодержца

¹²⁵ Груздева Д. А. Ключевые особенности национальных культур России и Испании /Д.А. Груздева// Скиф. – 2020. № 4 (44). С. 181–84.

утверждались как неизменные. Власть царя в не могла быть никем ограничена, поскольку таким образом ограничивалась бы власть Бога. Здесь мы также видим корни крайне высокой дистанции власти, но, кроме того, коллективизма, поскольку имеет место стремление сплочения вокруг образа царя, а также тенденции принижения масс за счет возвеличивания образа царя.

В связи с сакрализацией власти в истории становления политической культуры страны особое внимание стоит обратить на механизм становления монархической самодержавной власти. В условиях подчинения массового сознания религиозным догмам и наделения власти сакральными характеристиками лидер воспринимается как носитель воли Божьей, тогда как народ стремится через лидера получить над собой власть Бога. Это становится возможным только в условиях единоличной власти правителя, таким образом власть централизуется в одних руках монарха-самодержца¹²⁶.

Обращаясь к анализу отдельных памятников древнерусской письменности, затрагивающих политическое значение лидерства, можно сделать вывод о представлении мыслителей Древней Руси о пределах царской власти. Так, на протяжении истории возникал ряд направлений во взглядах на ограниченность царской власти, а также на те факторы, которые могли ее ограничить. Это также говорит о сильной централизованности власти и проблемах с возможным ограничением власти лидера, а следовательно, подчеркивает высокую дистанцию власти. Безусловно, о безграничной царской власти в древнерусских учениях речи не идет, это подчеркивает В. Е. Вальденберг, но тем не менее сам факт того, что возможности ограничить царскую власть посвящено значительное число трудов, говорит о неоднозначности и проблемности ее ограничения.¹²⁷

¹²⁶ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность/Л.А. Тихомиров. – М.: ГУП "Облиздат": ТОО "Алир", 1998. – 672 с.

¹²⁷ Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века /В.Е.Вальденберг. – М: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 368 с.

Дистанцию власти увеличивает и то, что ответственность царь нес лишь перед Богом, но не перед народом¹²⁸. Подобное открытое отчуждение ответственности от населения, его пассивность вкупе с крайней централизованностью власти, по сути, возложению божественных функций на лидера государства может также указывать на женственные черты в культуре страны, поскольку при низких показателях мужественности в культуре прослеживается некоторая добровольная пассивность, в том числе и в политической жизни страны.

Таким образом, с одной стороны, мы видим сакрализацию обществом образа царя¹²⁹. Прослеживается стремление политической культуры закрыться и подменить понятия, удерживая тем самым любой ценой существующее положение вещей, – на дистанцию власти наложилось высокие показатели сдержанности, избегания неопределенности и долгосрочной ориентации на будущее, что привело к еще большей распушенности личности царя и старательному оправданию его образа и поступков перед народом.

Существенной особенностью менталитета российского человека стало его формирование на стыке культурных ценностей Востока и Запада, что привело к формированию особенного типа культуры, соединяющего в себе ценности как традиционно восточные, так и западные. Такая ситуация привела, с одной стороны, к формированию уникальной культуры, не похожей ни на одну другую, но с другой – к противоречивости российской культуры, которая заключается в стремлении России развиваться по западному типу, имея в основе культурные ценности Востока (такие как коллективизм, высокую дистанцию власти, женственность и сдержанность и

¹²⁸ Ющяко М. А. Ментальные истоки формирования представлений о российской власти на примере политических воззрений средневековой России (первая половина XVII в.) /М.А. Ющяко// Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. №312. С.66–69.

¹²⁹ Кожаев М. М. Социальная ответственность правителя в интерпретации древнерусской концепции «Симфонии властей»/М.М. Кожаев// Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011. №2. С. 49–60.

высокую степень избегания неопределенности). Одним из самых ярких и широко известных примеров такого противоречия в истории России можно назвать противостояние славянофильства и западничества¹³⁰.

Суть указанного противостояния заключается в противоположности взглядов на путь и развитие России. Славянофильские позиции относительно развития России заключались в том, что Россия не должна и не может развиваться по западному типу, тогда как западники придерживались мнения о том, что оптимальный путь развития для России лежит в области перенятия и усвоения западных ценностей. Иными словами, западничество утверждает, что цивилизационный путь развития России должен повторять или быть приближен к западному¹³¹. Вместе с тем славянофилы занимали совершенно противоположные позиции, утверждая, что народ России не может развиваться и существовать в отрыве от своей веры и культуры.

Одной из важных черт политической культуры России в истории, оказавшей значительное влияние на формирование современного политического лидерства и унаследованной из традиционного типа лидерства, стало православие, в частности православное отношение к власти. Не секрет, что основой легитимизации власти царя в дореволюционную эпоху стала ее сакрализация, которая выражалась в том, что источник власти носил божественное происхождение, в то время как само право на власть не подлежало сомнению. Власть воспринималась как нечто сверхъестественное, а следовательно, непостижимое обычным человеком¹³². Подобное отношение формировало хороший фундамент для развития высокой дистанции власти, ее централизации и особого отношения к персоне политического лидера.

¹³⁰ Редель А. И. Российский менталитет: к социологическому дискурсу / А. И. Редель // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 109–118.

¹³¹ Евлампиев И. И., Громова Е. В. Славянофильство и западничество как формы русского национального самосознания: анатомия конфликта и его результаты /И.И.Евлампиев, Е.В.Громова// Вестник РХГА., 2019. № 3. С.130–141.

¹³² Калиниченко А. И. Феномен сакральности власти в истории правовой мысли /А.И. Калиниченко// Пространство и Время. 2014. №4 (18). С.14-23.

Можно сделать вывод о том, что в основе политической культуры России лежат традиционные ценности, которые тяжело поддаются изменениям.

Исходя из описанных выше черт правителей в истории страны и стиля их правления, можно сделать вывод о том, что наблюдаемые в современной России показатели культурных измерений сформированы исторически, в том числе и под влиянием традиционных (религиозных) ценностей. На формировании подобных показателей сказались такие черты лидеров, как авторитарность, жесткость и централизованность правления, единоличность принятия решений. На дистанции власти сказалось ее сакральное происхождение в глазах современников. Целесообразным представляется проследить, каким образом трансформировался образ политических лидеров в ходе исторического процесса, выявить наличие указанных черт, а также их возможную трансформацию под влиянием социальных и исторических процессов.

В начале XX века в стране накопился серьезный потенциал для социальных трансформаций: менялась структура российского общества и его менталитет. В этой связи необходимо отметить феномен, выделенный Р. Инглхартом и получивший название «авторитарный рефлекс». Указанный феномен проявляется в моменты социальных трансформаций, потрясений и изменений и выражается в стремлении к предсказуемости социальных изменений. В подобных ситуациях особенное значение приобретает форма реализации власти в политической системе страны: власть может реализовываться в форме раболепного преклонения перед сильными светскими лидерами. Иными словами, сильная неуверенность в будущем страны может стать причиной как для потребности в сильных властных фигурах у руля страны, так и ксенофобии и нетерпимости¹³³. Социальные потрясения в начале XX века стали одной из причин возникновения

¹³³ Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in Societies/ R. Inglehart. – Princeton, Princeton Univ. Press, 1997. – 464p.

феномена вождизма в истории России, а также потребности коллективного сплочения вокруг сильного лидера.

Традиционный тип легитимации власти стал утрачивать свою актуальность, что вылилось в социальный взрыв, приведший к крушению социального строя. Тем не менее черты традиционной власти и лидерства, претерпев определенные изменения, продолжили существовать в ценностной системе координат общества того времени. Черты традиционного лидерства, несомненно, сказались на последующих лидерах страны и передались современным политическим лидерам, пусть и в видоизменённой форме под влиянием современных внешних социальных и исторических факторов.

Обратимся к образам наиболее ярких лидеров постреволюционной эпохи, оказавших весьма ощутимое влияние на формирование и развитие культуры лидерства современной России. Одними из ярчайших представителей постреволюционного лидерства стали В.И. Ленин и И.В. Сталин. Характерными особенностями власти этих политиков называют централизацию власти, феномен вождизма, культ личности¹³⁴. В основе такой власти лежит миф об исключительности вождя¹³⁵, что способствовало адекватному восприятию имиджа лидеров, а следовательно, принятию власти. Это наиболее яркие представители харизматического лидерства в истории России.

Харизматическое лидерство в истории России было обусловлено, с одной стороны, исторической и социальной необходимостью, а с другой, – культурными традициями политического лидерства, о которых было сказано ранее. На смену сакрализации власти пришел миф об исключительности личности лидера страны, тем самым оставив централизацию власти в ценностной системе координат российского общества.

¹³⁴ См.: Спицын Е. Ю. Осень Патриарха. Советская держава в 1945-1953 годах: книга для учителей, преподавателей и студентов/ Е.Ю. Спицын. – М.: Концептуал, 2019 – 527 с.

¹³⁵ Алексеев Д. Ю. Политическое лидерство в России: основные тенденции /Д.Ю. Алексеев// Вестник ТГЭУ. 2010. №1. С.93–100.

Одной из значимых черт в описании образа В.И. Ленина стоит отметить то, что он воспринимался как «олицетворение революции, вождь рабочего класса и мирового пролетариата, отражение легитимации власти, ее персонификатор»¹³⁶. Особо следует подчеркнуть то, что Ленин стал своего рода символом власти, и это вылилось в формирование культа личности. Кроме того, к этому привели и личностные качества самого вождя, а также высокие показатели коллективизма, приводящего к стремлению сплотиться вокруг его личности, образа и идей вождя.

Среди основных черт его личности современники отмечают уверенность в себе, чувство юмора и широту натуры, азарт¹³⁷, силу, которая производит впечатление в сочетании с «жестким менталитетом» и авторитарной направленностью персоны. Индивидуальные качества вождя и социальный запрос сформировали феномен вождизма и культа личности, который прочно закрепился в культуре страны. Подобная приверженность масс харизматичному образу и его идеям может находить объяснение в сдержанности культуры и долгосрочной ориентации на будущее, провоцирующим в период перемен активный поиск нравственных ориентиров, ценностей и смыслов.

Таким образом, обращаясь к методологии Г. Хофстеде, можно объяснить сложившуюся картину авторитарной власти в стране: в период перемен в культуре страны вновь образовалась потребность в авторитарной власти, необходимость видеть лидером страны идеологический центр, пример для подражания и моральный стержень в одном лице. С одной стороны, такая ситуация подкреплялась дистанцией (централизацией) власти (так как мы видим персонификацию важных ценностных ориентаций), с другой – женственностью российской культуры (деятельный, активный, сильный лидер страны стал крайне востребованным в женственном, в своей массе пассивном, обществе). Кроме того, личность вождя как моральный

¹³⁶ Шалаева Н. В. Проблема культа личности В.И. Ленина (историографический анализ) / Н. В. Шалаева // Власть. 2013. № 5. С. 104–108.

¹³⁷ Мельниченко В. Личная жизнь Ленина / В. Мельниченко. – Власть. 1998. – 270 с.

центр хорошо иллюстрирует высокую степень избегания неопределённости, когда еще не сформирована бюрократическая система, дающая гарантии и предопределенность общественной жизни, высоки социальные риски, общество склонно искать пути стабилизации всеми доступными способами. В данном случае таким способом стала персонификация власти, которая привела к восприятию власти не как политического института, а как конкретной личности.

Следующей политической фигурой, на которую необходимо обратить внимание и которая оказала колоссальное влияние на культуру политического лидерства современной России, стала фигура И. В. Сталина. Важным представляется тот факт, что в момент прихода к власти Сталин позиционировался как преемник В. И. Ленина, что во многом характеризует культуру страны, однако, эта особенность будет раскрыта в предлагаемом исследовании несколько позднее.

Имидж И. В. Сталина получает сегодня крайне противоречивые оценки – от крайне негативных до возведения личности в культ. Он обладал «безраздельной политической властью и непререкаемым авторитетом, находился уже вне всякой критики»¹³⁸, эти особенности легли в основу имиджа Сталина и стали ключевыми для восприятия его личности в массовом сознании как современников, так и последующих поколений. Здесь снова прослеживается чрезвычайная централизация власти, которая вызывала и вызывает сегодня неоднозначное отношение в обществе. Вместе с тем, учитывая особенности культуры России и потребность в централизованном руководстве, особенно в кризисный послевоенный период, подобное жесткое руководство представляется оправданным¹³⁹.

Однако нельзя с уверенностью утверждать, что крайне негативные оценки правления Сталина были вызваны исключительно авторитарностью и

¹³⁸ Ялхароева М. А. Личность Сталина в публицистике Абдурахмана Авторханова /М.А. Ялхароева// Вестник КалмГУ. 2018. № 3 (39). С. 137.

¹³⁹ См.: Земсков, В. Н. Сталин и народ: почему не было восстания: монография. – М.: Проспект, 2021. – 191с.

централизацией власти. Современники отмечают, что крайне негативное отношение вызывали скорее методы реализации власти, такие как репрессии, расправы с оппонентами и внушение страха¹⁴⁰.

Так, мы видим, что вождизм и централизация власти поддерживались уже не только на культе личности как наследии сакрализации власти, но и на сохранившейся централизации власти и внушении страха.

Тем не менее, несмотря на сильную роль устрашения, в образе Сталина, все же прослеживаются традиционные для русского менталитета «элементы веры в доброго «царя-батюшку», заступника Отечества и простого люда, что связано с архетипами русского национального сознания и сакрализацией революции в ранней советской культуре»¹⁴¹. Архетип «отца народа» весьма эффективно использовался для поддержания позитивного отношения к образу вождя и вызывал преданность и любовь населения. С другой стороны, данный архетип выстраивал и поддерживал жесткую патриархальную вертикаль власти¹⁴².

Необходимо отметить, что культ личности В.И. Ленина и И.В. Сталина стал своеобразным замещением традиционно православного отношения к власти. Как уже отмечалось выше, православное отношение к власти – ее сакрализация – заключалась в принятии власти как легитимной за счет ее божественного происхождения. В период отказа от православия подобная культурная необходимость в ценности власти вылилась в миф об исключительности личности вождя, веру в его личность как в моральный центр и возведение его личности в культ – основу харизматического типа лидерства. По системе Г. Хофстеде, такое положение может иллюстрировать высокие показатели коллективизма, так как в обществе прослеживается

¹⁴⁰ Авторханов А.Г. Мемуары/А.Г. Автохранов. – Франкфурт на Майне: Посев, 1983. – 761 с.

¹⁴¹ Шалаева Н. В. Проблема культа личности В.И. Ленина (историографический анализ) /Н.В. Шалаева// Власть. 2013. № 5. С. 106.

¹⁴² Римский В. Л. Мифы о Сталине и культе личности в сознании российских граждан и элиты /В.Л. Римский// Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 97–105.

явное стремление сплотиться вокруг единственного лидера¹⁴³. Кроме того, прослеживается женственность культуры, которая может выражаться в том, что в обществе придается большее значение качеству отношений, но не результату деятельности, следовательно, прослеживается некоторая бездеятельность населения, а основной движущей силой социальных изменений и одновременно моральным центром нации выступает лидер. Кроме того, коллективизм и женственность в своем сочетании сформировали такую систему ценностей, исходя из которой лидерское поведение не становится общественно одобряемым. Доминирующее поведение абсолютно оправдано только в случае, если оно исходит от субъекта, наделенного властью, что можно также расценивать как проявление сдержанности культуры, при которой ее представители склонны поступать согласно нормам, принятым в обществе.

Кроме того, традиционно большую роль для культуры России играет высокая дистанция власти. Харизматическое лидерство как наследник традиционного в истории страны показывает сплочение вокруг центра власти, высокую ее вертикаль, при которой оспаривать политические решения и личностные характеристики лидера страны не представляется возможным. Подобная картина подкрепляется также низкими показателями потворства, которые могут выражаться в обществе в стремлении подчиняться не своим личным мотивам, целям и желаниям, а харизматичному лидеру, устанавливающему правила.

Вернемся к приходу к власти И. В. Сталина, особенностью которого стало то, что одним из факторов, повлиявших на выбор кандидатуры И.В. Сталина стала преемственность власти в стране. В этой связи необходимо отметить еще одну важную черту, характеризующую политическую культуру России.

¹⁴³ Алексеенко А. М. Влияние коллективизма и индивидуализма на восприятие имиджа политического лидера /А.М. Алексеенко// Социально-гуманитарные знания. 2021. №3 С. 143–149.

Подобным наследием традиционного лидерства можно считать и феномен преемничества во власти, который характеризуется тем, что уходящий, но еще действующий лидер «представляет» преемника. Вместе с тем приходящий к власти новый лидер начинает свою деятельность не как самостоятельный политик, а как преемник ушедшего. Примерами преемничества могут служить также появление В. В. Путина как преемника Б. Н. Ельцина и в какой-то степени – Д. А. Медведева как преемника В. В. Путина.

Историческими причинами такого рода феномена могли послужить монархическая политическая система Российской Империи, при которой власть передавалась наследнику, а также унаследованное в культуре отношение к лидеру страны через призму мифа об исключительности вождя. Можно говорить о том, что была сформирована культурная норма передачи власти, когда легитимность преемника в сознании масс должна быть подкреплена не только формальной политической системой, но и уверенностью в своем будущем.

По системе Г. Хофстеде, феномен преемничества может объясняться высоким индексом избегания неопределенности, согласно которому общество стремится всеми способами избежать неопределенных ситуаций, социальных рисков и как результат высокого уровня стрессовой ситуации¹⁴⁴. Преемничество в данной ситуации дает некоторую предсказуемость будущего, тем самым снижая риски от резких социальных перемен.

В меньшей степени прослеживается влияние дистанции власти и коллективизма как отражение мифа об исключительности вождя. «Назначение» преемника может дать уверенность в том, что личность нового лидера, принятая и одобренная предыдущим исключительным лидером, может заслуживать доверия и позитивного отношения.

¹⁴⁴ Hofstede insights [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 15.10.2021).

Играют свою роль и низкие показатели мужественности, выражающиеся в недостаточной деятельности населения: нежелании активно принимать участие в политической жизни общества, политической пассивности.

В процессе анализа основ образов современных политических лидеров России нельзя также обойти вниманием политическое лидерство СССР. Среди наиболее ярких и показательных стоит выделить Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева и М. С. Горбачева.

После смерти И. В. Сталина внешняя политика Советского Союза стала претерпевать существенные изменения – от изоляции к внешним контактам, в том числе и первого лица государства. Имидж лидера СССР также претерпел существенные изменения, которые основывались как на внешней политике страны, так и на личных качествах лидера – Н.С. Хрущева. В этой связи необходимо подчеркнуть, что имидж Н.С. Хрущева особенно важен в контексте исследований изменений на международной арене, поскольку одним из факторов развития международных контактов страны стали как личностные, так и имиджевые характеристики лидера СССР.

Говоря о внутривнутриполитической ситуации в стране, необходимо упомянуть, что в определенной степени с приходом Н.С. Хрущева к власти произошла либерализация и децентрализация жесткой власти, установленной сталинским режимом. В указанный период начал активно осуждаться «культ личности», что привело также к некоторой децентрализации власти и «оттепели» как в политической жизни СССР, так и в международных контактах¹⁴⁵.

Принципиально другими и новыми в имидже Хрущева стали такие факторы, как сравнительная демократичность образа лидера (активно использовалась легенда происхождения из народа, что существенно сокращало дистанцию образа лидера от народа). Кроме того, имидж Хрущева

¹⁴⁵ Тянь В. В. Эволюция власти и либерализация общественной и культурной жизни в СССР в период хрущевской «Оттепели» /В.В. Тянь// Власть. 2011. №9. С.139–142.

во многом основывался на противопоставлении его предыдущим лидерам¹⁴⁶. Еще одной существенной характеристикой имиджа Хрущева стала его внешнеполитическая деятельность, активные визиты в зарубежные страны, репутация «миротворца». Недостатком международного имиджа лидера СССР можно назвать нехватку информации о личности, а также излишнюю экспрессивность политика¹⁴⁷.

Вместе с тем все же Хрущев оставался сильным лидером, и сравнительно более открытая внешнеполитическая стратегия СССР при нем стала результатом политической деятельности первого лица страны. Хрущев не только стал активно взаимодействовать с народом СССР, но и вести более открытую политику в сфере международных отношений, активно путешествовал. На международной арене образ советского лидера, с одной стороны, ассоциировался с тем, кто преодолел сталинский режим, а с другой – Хрущев активно пропагандировал победу социализма над капитализмом¹⁴⁸.

Если Н. С. Хрущев позиционировал себя как лидер-реформатор, основывая свой внешне- и внутривнутриполитический образ на противопоставлении предыдущим лидерам страны, то имидж его последователя Л. И. Брежнева строился на сакрализации образа лидера, несмотря на то, что «культ личности» И.В. Сталина уже был развенчан.

Так, можно видеть идеализацию образа лидера, в основу которого заложены архетипы отца, выходца из народа. Особенно ярко подобные элементы сакрализации образа Брежнева наблюдались в период «застоя» и

¹⁴⁶ Петрова Т. М. Формирование имиджа Н. С. Хрущева в советской прессе 1953–1964 гг.: институциональный анализ /Т.М. Петрова// Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2020. № 1 (20). С. 48–54.

¹⁴⁷ Котеленец Е. А. Образ Советского Союза в мире: факторы и динамика восприятия/Е.А. Котеленец// Вестник РУДН. Серия: История России. 2013. № 3. С. 76–90.

¹⁴⁸ Зубков С. А. Человек и его образ: личностные аспекты формирования международного имиджа Н.С. Хрущева /С.А, Зубков// Вестник РУДН. Серия: История России. 2006. № 3. – С. 100–104.

наряду с объективными международными процессами не способствовали развитию международных контактов СССР¹⁴⁹.

В целом состояние международных отношений в период правления Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева оценивается как сравнительно более позитивное, чем при жизни И. В. Сталина.

Следующий этап развития культуры политического лидерства в России ассоциируется с эпохой перестройки. Основной чертой этого этапа можно назвать постепенную демократизацию общества, что привело к прививанию и формированию новых ценностей на почве культуры России. С уходом коммунистического строя массовое сознание проявило потребность в новых лидерах страны.

С приходом к власти М. С. Горбачева, а также последующим провозглашением им курса перестройки, имидж СССР на международной арене продолжил курс на улучшение отношения, начатый еще в 60-х годах XX века Н. С. Хрущевым. Параллельно ожидаемо вырос имидж политического лидера СССР – М. С. Горбачева. Он продолжил практику своих предшественников, активно посещал зарубежные страны и более открыто вел международную деятельность¹⁵⁰.

Широко известно, что Горбачев в своей политической деятельности прибегал к социально-философской концепции «нового мышления»¹⁵¹, что позитивно сказывалось на его имидже в глазах западной общественности. Благодаря своей деятельности и риторике, Горбачев воспринимался

¹⁴⁹Сторчак В. М. Типология имиджевых характеристик политических лидеров: советский период власти в России /В.М. Сторчак// Труд и социальные отношения. 2012. Т. 23. № 5. С. 106–114.

¹⁵⁰Анисин А.Л., Блажевич Н.В., Фирсов И.Ф. и др. Формирование образа России в массовом сознании как предмет идеологической борьбы / Под ред. А. Л. Анисина. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – 89 с.

¹⁵¹ См.: Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М.: Политиздат, 1988. – 271 с.; См.: Excerpts from the Address by Mikhail Gorbachev. Архивная копия от 1 февраля 2017 на Wayback Machine, 43rd U.N. General Assembly Session, December 7, 1988.

международной общественностью как лидер «победивший коммунизм» и развернувший страну в сторону демократического развития¹⁵².

В целом можно сделать вывод о том, что деятельность М.С. Горбачева была направлена в большей степени на внешнеполитическую, чем на внутривнутриполитическую арену, и результатом этого стало общее падение уровня жизни в стране и, как следствие, ухудшение внутривнутриполитического имиджа лидера страны на фоне укрепления его внешнеполитического имиджа.

Процессы капитализации экономики, новые политические и социальные процессы, а также начинающаяся информатизация общества потребовали лидерства нового типа. Новый облик лидера нуждался в таких чертах, как современность, духовная раскрепощенность. Таким лидером для России смог стать Б. Н. Ельцин, в имидже которого прослеживались такие особенности как отрицание прошлого, демократичность, близость к простому народу, ораторские способности¹⁵³.

Необходимо отметить, что имидж Ельцина в целом воспринимается также неоднозначно: он прошел трансформацию от всенародного принятия и любви до полного отторжения и ассоциирования с ним политических и экономических неудач¹⁵⁴. Тем не менее логично предположить, что на этапе всенародной любви этот имидж наиболее полно находил отклик в культуре страны и вместе с тем оставлял в ней свой отпечаток. Имидж Ельцина строился на поверхностном, внешнем противоречии традиционным ценностям, обеспечивая тем самым себе особую привлекательность в трансформирующемся обществе. Особо стоит подчеркнуть, что традиционные ценности оспаривались только на поверхностном уровне, тогда как ценностное ядро имиджа лидера страны оставалось стабильным.

¹⁵²Безнадельных Д. М. Распад Советского Союза и имидж России в США (1991–1993 гг.) //Д.М. Безнадельных// Дневник Алтайской школы политических исследований. 2017. № 33. С. 39–43.

¹⁵³ Сторчак В. М., Алексеева А. Г. Типология имиджевых характеристик политических лидеров: Современный период власти в России //В.М. Сторчак, А.Г.Алексеева// Труд и социальные отношения. 2012. № 7. С. 101–111.

Иными словами, демократизация имиджа лидера была весьма сдержанной и в основе своей имидж строился на тех же социокультурных ценностях, что и у предшественников.

Б. Н. Ельцин вошел в массовое сознание россиян как человек, который смело выражает свою точку зрения, не боится спорить, конкурировать, конфликтовать. Тем не менее традиционные коллективистские ценности все еще имели существенное значение, что выражалось в том, что Ельцин воспринимался в массах как всенародно избранный первый лидер, основатель новой России.

Традиционно высокая дистанция власти в культуре России, несмотря на всю свежесть и необычность для образа лидера постсоветского общества, диктовала необходимость позиционирования имиджа Ельцина как вождя (пусть и нового формата), лидера и родоначальника социальной и политической трансформации. Исследователи отмечают, что Ельцин был, несомненно, харизматичным лидером¹⁵⁵, энергичным, способным централизованно управлять и брать в свои руки управление процессами социальных перемен. Подобную централизацию власти при внедрении социальных перемен мы уже описывали ранее, и можно предполагать, что социальный запрос на это был унаследован с культурой и продиктован ее женственностью и стремлением избегать неопределенности, а также низкими показателями потворства.

Таким образом, особенностью переходного периода в России стало усиление централизации власти и большее значение имиджа лидера, поскольку лидер выступал как гарант стабильности, интеграции различных групп интересов, инициатор необходимых преобразований, что наглядно показывает тот факт, что в массовом сознании остаются традиционные

¹⁵⁵ Строчак В. М., Алексеева А. Г. Типология имиджевых характеристик политических лидеров: Современный период власти в России /В.М. Строчак, А.Г.Алексеева// Труд и социальные отношения. 2012. № 7. С. 101–111.

ценности и представление о чертах, которыми должен быть наделен лидер страны¹⁵⁶.

Сегодня культурные основы имиджа политического лидера страны остаются неизменными. Рассмотрим их на примере становления и видоизменения имиджа В. В. Путина. Его имидж имеет в своей основе набор ценностей, характерных для российского общества. Как и у предшественников, он основывается на традиционном лидерстве, харизматическом лидерстве и традиционных ценностях, характерных для России.

Имидж Путина в момент прихода к власти на первый взгляд существенно отличался от имиджа уходящего Б.Н. Ельцина несмотря на то, что В.В. Путин пришел к власти как его преемник. Это можно объяснить тем, что имидж Б.Н. Ельцина потерпел существенный урон на момент его ухода от власти, при этом страна все еще находилась в состоянии нестабильности и развития. Необходим был лидер, способный в глазах населения принять управление страной в ее текущем положении, не упустить уже достигнутых изменений и развить их, приведя состояние страны в устойчивое, стабильное положение.

Сохранившийся и актуальный на тот момент феномен преемничества, обеспечил массам уверенность в том, что страна будет развиваться стабильно, без пугающих социальных, политических и экономических рисков. Таким образом, в данном феномене очередной раз можно наблюдать реализацию высоких показателей избегания неопределенности, так как он дает определенную степень предсказуемости будущего. Кроме того, феномен преемничества иллюстрирует высокие показатели дистанции власти: с одной стороны, преемник выбран весьма централизованно, одним единственным лицом, с другой – в массовом сознании существовало стойкое убеждение, что от преемника во многом зависит стабильность развития

¹⁵⁶ Кобецкая, В. И. Политическое лидерство в современной России / В. И. Кобецкая, Г. Г. Санников // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". 2019. № S4. С. 350–357.

страны и состояние будущего в целом. Играть свою роль и низкие показатели мужественности, оказывающие свое влияние на низкую политическую активность населения, благодаря которой высокая степень предопределенности не вызывала массового возмущения.

Итак, на этапе становления имиджа В. В. Путина одной из основных задач стало отмежевание от имиджа Б. Н. Ельцина и вместе с тем сохранение статуса преемника. В имидже нового лидера страны акцентами стали состояние здоровья и молодость, интеллигентность, мощные лидерские качества, расчётливость и холодность характера¹⁵⁷. Все это создавало убежденность в том, что новый лидер страны более стабилен и отвечает на запросы масс.

Однако, несмотря на кажущиеся различия в имиджах ушедшего с поста президента Б. Н. Ельцина и пришедшего В. В. Путина, прослеживается несколько важных схожих черт, составляющих ценностную основу имиджа современного лидера и принятых из культуры лидерства его предшественников.

Так, в массах все еще приветствуется сильное харизматическое лидерство, которое вылилось в данной ситуации в позиционирование В. В. Путина как спасителя России. Прослеживается влияние потребности реализации мифа об исключительности главы России. Отличительной чертой также стало становление Путина как национального лидера. Акцент ставится на сплочение страны вокруг сильного национального лидера, а в выступлениях постоянно прослеживается упор на национальное лидерство страны, великую державу, восстановление и удержание геополитического авторитета¹⁵⁸. Подобное стремление к сильному авторитарному главенству и сплочение вокруг его личного авторитарного руководства во имя великой цели характерно для культуры России как в истории, так и в современности и

¹⁵⁷ Федорчук Е.В. Особенности построения имиджа политика на примере имиджа В. В. Путина /Е.В. Федорчук// Вестник МГУП. 2011. №6. С. 384–387.

¹⁵⁸ Абдулина Л.С. Репрезентация В. В. Путина как национального лидера /Л.С. Абдулина// Вестник Башкирского университета 2015. №1. С. 274–278.

хорошо иллюстрирует высокие показатели дистанции власти и коллективизма соответственно.

Важно отметить, что дистанция власти также может влиять на то, что имидж В. В. Путина ассоциируется с традиционным для российской культуры отождествлением политического лидера с образом «царя» и «отца нации», так как в обществе России всегда имеет место потребность в сильном, активном и деятельном лидере¹⁵⁹, в то время как запрос на активность и деятельность лидера-спасителя может создаваться женственностью культуры. В этой связи необходимо отметить, что решительные действия и жесткие решения лидера России одобряются подавляющим большинством населения страны. Статистически это можно проиллюстрировать, приняв во внимание решения и действия президента, связанные с спецоперацией на Украине и возросшим одобрением действий Путина среди населения страны. Так, согласно данным Левада-центра, в марте 2021 года одобрение деятельности президента высказали 63% граждан, а в марте 2022 года – 83%¹⁶⁰.

Сегодня лидер России стал носителем таких имиджевых черт, как централизация власти, сильная вертикаль власти и некоторая авторитарность в руководстве¹⁶¹. В обществе по-прежнему сохраняется очень высокая дистанция власти, подкрепляемая самими его членами и наделяющая лидера исключительными правами.

Централизация власти проявляется также в том, что В. В. Путин остается открытым для вопросов нравственного характера, фигурой, смягчающей обстоятельства, драматизируемые массами. В образе современного лидера России ярко прослеживаются статусные черты (как во

¹⁵⁹ Гершевич О. Особенности формирования имиджа политического лидера в современной России / О. Гершевич// Власть. 2007. №3. С. 25-29.

¹⁶⁰ Аналитический центр Юрия Левады Одобрение деятельности Владимира Путина [Электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/indikatory/> (дата обращения 09.04.0222)

¹⁶¹ Бутикова К. О. Особенности формирования имиджа политического лидера в современной России /К.О. Бутикова// Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. №5 С. 51–54.

внешнем облике, так и в поведенческом образе). Кроме того, в имидже власти современной России в некоторой степени прослеживается правовой нигилизм, решение часто зависит от политической воли конкретного лица¹⁶². Вышеперечисленное еще раз говорит о высоких значениях дистанции власти.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основу имиджа политического лидера России составляют ценности, традиционные для культуры страны. Культура и составляющие ее ценности очень устойчивы во времени и видоизменяются крайне тяжело даже под воздействием социальных, политических и экономических потрясений, которых в истории нашей страны было немало. Очевидно, что некоторые ценностные ориентации в массовом сознании могут видоизменяться, однако базовые ценности остаются стабильными.

Безусловно, внешние проявления имиджа могут и должны меняться в зависимости от историко-социального контекста, самой личности лидера и многих других внешних факторов, но ценностное ядро имиджа, предопределяющее поведение как лидера, так и масс, остается неизменным¹⁶³.

Для России подобное ценностное ядро определяется высокой дистанцией власти, которая в основу имиджа лидера закладывает такие ценности как централизация власти, статусность, авторитарность, харизматичность, жесткость, единоличность принятия решений. Высокие показатели коллективизма, низкие значения потворства и женственности культуры дают имиджу лидера такие черты как миф об исключительности личности лидера страны, элементы вождизма и культа личности. В то время как избегание неопределенности и долгосрочная ориентация на будущее при

¹⁶² Симашенков П. Д. Сакральность российской государственной власти: историко-политический аспект /П.Д. Симашенков// Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 8. С. 116–124.

¹⁶³ Полозова А. М. Символическая компонента имиджа политического лидера. Управленческий аспект в контексте современного общества / А. М. Полозова // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 5(3). С. 14–16.

смене руководства страны для облегчения восприятия имиджа нового лидера формируют феномен преемничества во власти.

Указанные черты (централизация власти, вождизм, демонстрация статуса, потребность социума в сплочении вокруг единого лидера, представление образа лидера как «отца» и «спасителя» нации), предопределенные культурой, в различных проявлениях обнаруживаются в имиджах лидеров России на протяжении истории, вызывая позитивное отношение к персоне лидера в массовом сознании населения страны.

2.2 КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ИМИДЖА СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА ЯПОНИИ.

Современная культура Японии отличается очень противоречивым характером. Для того чтобы наиболее полно и глубоко понять основы культуры этой страны, а также то, что привело к сложности и противоречивости характера японской культуры, необходимо проследить, под какими внешними и внутренними факторами она формировалась, какие исторические и социальные процессы на нее повлияли.

Рассмотрим в первую очередь факторы, оказавшие наибольшее влияние на отличительность японской культуры от любой другой, так как именно они являются основой для понимания исключительности японского национального менталитета.

Первое, что необходимо отметить в этой связи, — географический и климатический факторы. Геополитическое расположение страны оказало существенное влияние на формирование культуры Японии¹⁶⁴. Островное положение изолировало ее население от внешних контактов, обеспечив развитие культуры с ее обычаями, традициями, ценностями и нормами в совершенно уникальном русле. В данном контексте стоит также упомянуть, что Япония несколько веков проводила политику изоляции, что также сказалось на формировании культуры страны. В свою очередь, это привело к целому ряду последствий как внутреннего, так и внешнего характера. С внешней точки зрения можно отметить, что культура Японии отличается от

¹⁶⁴ Стрельцов Д. В., Чугров С. В., Панов А.Н. Политическая система современной Японии — М.: Аспект Пресс, 2013. — 384 с.

любой другой, даже азиатской, культуры, однако то же самое можно сказать относительно ее системы ценностей. Подобная длительная изолированность привела к тому, что сформировалась крайне закрытая, уникальная система культуры. Кроме того, благодаря закрытости сформировалось самоощущение японцев как очень однородной нации, что повлияло на осознание своей принадлежности к культуре, т. е. на идентичность¹⁶⁵. Закрытость культуры привела к четкому осознанию японцами своей исключительности, отличности японского пути. В системе координат японской культуры важное место занимают «группизм» и ощущение себя частью целого. Таким образом, основы японского коллективизма можно найти в географическом положении страны. Ценности коллективизма проникли во все сферы деятельности японского общества и оказали воздействие на дальнейшее развитие культуры страны.

Существенное влияние на становление культуры Японии оказал и климат. Изобилие разрушительных землетрясений, тайфунов и прочих катаклизмов сформировали культуру тайфунного типа¹⁶⁶, характерной особенностью которой можно отметить стойкость к потрясениям, некоторый фатализм из-за невозможности противостоять подобным разрушительным процессам. Такого рода происшествия считались нормой и мобилизовали коллективизм культуры на быстрое восстановление утраченного. Безусловно, эти особенности распространились на все сферы жизнедеятельности общества, и национальный характер приобрел такие черты, как стойкость, закрытость, взаимовыручка.

Следует отметить также и ряд других особенностей японской культуры, лежащих в основе социокультурной жизни представителей этой страны.

¹⁶⁵ Тушков А. А., Черникова Э. М. К вопросу о идентичности как фактору национального самоопределения Японии /А.А. Тушков, Э.М. Черникова// МНИЖ. 2021. №22 (104). С. 165–167 .

¹⁶⁶ Колотова Е. В. Новый вызов традиционной культуре Японии /Е.В.Колотова// Ежегодник Япония. 2011. №40. 124–134.

Одним из основополагающих принципов, оказавших существенное влияние на современную культуру Японии, стал принцип гармонии¹⁶⁷. В картине мира японца все должно занимать свое место, придерживаться строгой иерархии в зависимости от социальных характеристик¹⁶⁸. Кроме того, принцип гармонии привел к формированию таких черт национального характера, как стремление сгладить или избежать конфликта, а также – стремление к адаптации под окружающие обстоятельства¹⁶⁹. Принцип гармонии отмечается как основа системы ценностей культуры Японии, которая приводит к особой системе коллективизма, характеризующийся взаимным уважением, отношением к другому как к более важной персоне и альтруизму.

В формировании любой культуры очень важную роль играют философия и религия, распространенные и принятые в обществе. Япония не стала исключением в этом смысле: огромное влияние на ее культуру оказали конфуцианство, синтоизм и буддизм.

Конфуцианство закрепляет иерархичность взаимодействий внутри общественной системы, выделяя пять главных форм социального взаимодействия: вышестоящего к нижестоящему, старшего к младшему, мужа к жене, отца к сыну и отношения между равными¹⁷⁰. Стоит также отметить, что конфуцианство закрепляет и основные благоприятные для образа лидера страны качества: человеколюбие, справедливость, благопристойность, мудрость и верность¹⁷¹.

¹⁶⁷ Груздева М. В. Воспитание позитивных качеств национального характера в Японии /М.В.Груздева// Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2016. № 2. С. 211–221.

¹⁶⁸ Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. / Р. Бенедикт. — СПб.: Наука, 2004. — 359 с

¹⁶⁹ Чугров С.В., Карелова Л.Б. Япония как «обычная страна»: метаморфозы политической идентичности (аналитический обзор опросов общественного мнения) / С.В. Чугров, Л.Б. Карелова// Социологический журнал. 2020. № 1. С. 87–108.

¹⁷⁰ Скворцова Е. Л. Японская философия как синтез мыслительных традиций /Е.Л. Скворцова// Историческая психология и социология истории. 2019. №1. С. 133–147.

¹⁷¹ Стрельцов Д.В., Чугров С.В., Панов А.Н. Политическая система современной Японии/ Д.В. Стрельцов, С.В. Чугров, А.Н. Панов. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 384 с

Главным духовным принципом синтоизма является жизнь в согласии с природой и людьми, т. е. упомянутый выше принцип гармонии. Кроме того, отличительной чертой синтоизма стало восприятие императорской политической власти через ее божественное происхождение¹⁷². Особенностью синтоизма также стоит отметить то, что это религия японского народа, что лишь усиливает степень внутренней идентичности и чувство исключительности своего народа и своего пути.

В буддизме также можно проследить истоки коллективизма культуры. В основе этой религии лежит идея о том, что все в мире взаимосвязано, и поэтому благополучие одного человека зависит от благополучия группы. Личный успех воспринимается через успех группы, а групповые ценности приобретают ключевое значение.

Современная культура Японии во многом сохранила в себе черты, на которые повлияли указанные историко-культурные особенности. Безусловно, она подверглась воздействию вестернизации и глобализации, претерпев эти изменения в особой, японской манере. Однако благодаря традиционной закрытости, культуре Японии удалось сохранить свою самобытность и уникальность, которые отличают ее даже среди азиатских культур¹⁷³.

Более детальное, систематизированное и структурированное понимание состояния и характера современной японской культуры можно получить, обратясь к теории культурных измерений Г. Хофстеде, раскрывающей благодаря шести типам культурных измерений систему ценностей культур, составляющих основу поведения их представителей.

Рассмотрим каждое из шести типов измерений в ракурсе Японии¹⁷⁴.

¹⁷² Стрельцов Д.В., Чугров С.В., Панов А.Н. Политическая система современной Японии/ Д.В. Стрельцов, С.В. Чугров, А.Н. Панов. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 384 с

¹⁷³ Мартынов В. В. Японская политическая культура /В.В. Мартынов// Огарёв-Online. – 2023. – №8 (193). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponskaya-politicheskaya-kultura/viewer> (дата обращения: 25.03.2023)./

¹⁷⁴ Hofstede insights [Электронный ресурс] URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 25.06.2021).

Рисунок 2¹⁷⁵. Значение показателей культурных измерений для Японии (Hofstede insights)

1. **Дистанция власти** сравнительно низкая для азиатской культуры. Это указывает на то, что японцы принимают и ценят неравенство, но считают, что использование власти должно сдерживаться чувством долга¹⁷⁶. Решения принимаются в своеобразном стиле, не характерном для восточной культуры, а именно – присутствует значительная доля коллективной ответственности. Идея о равенстве в обществе существует наравне с иерархичностью. Таким образом, этот показатель в Японии довольно противоречив и создает характерную картину распределения власти, согласно которой в обществе существует строгая система иерархии, с одной стороны, но власть не централизована – с другой.

2. **Индивидуализм** сравнительно высокий для азиатской культуры. Тем не менее Япония ярко демонстрирует культурные особенности, характерные для коллективизма: страх потери лица и конфликтов, важность

¹⁷⁵ Рисунок составлен автором на основе данных Hofstede insights [Электронный ресурс] URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 25.06.2021).

¹⁷⁶ Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software for the Mind/ G. Hofstede, G.J. Hofstede, M. Minkov. – N.Y.: McGraw-Hill. 2010 – 576 p.

группового мнения по сравнению с индивидуальным, группизм. Однако, по сравнению с другими азиатскими культурами не наблюдается расширенной семейной системы и имеет место бóльшая закрытость.

3. **Мужественность** одна из самых высоких среди всех культур, что порождает стремление конкурировать и побеждать, соревнования в различных сферах жизни являются нормой для культуры Японии. В сочетании с показателями коллективизма такой уровень мужественности культуры порождает преданность работе и стремление достичь совершенства во всех сферах жизнедеятельности. Стоит отметить также, что в современной японской культуре мужественность в определенной степени подавлена, тогда как в истории она выражалась в ощущении превосходства японской нации над другими. Кроме того, в японской культуре из-за высоких показателей мужественности имеет место большой гендерный разрыв¹⁷⁷.

4. **Избегание неопределенности** также одно из самых высоких. Неопределенность вызывает стресс у представителей культуры Японии, и они очень склонны его избегать различными способами. Так, мы видим традиционность уклада жизни и закрытость от изменений, а также сложную бюрократическую систему. В сочетании со средними показателями дистанции власти такой уровень избегания неопределенности может приводить к указанному выше отсутствию сильной централизации власти.

5. **Долгосрочная ориентация** на будущее также сравнительно высокая, что приводит к восприятию своей жизни как краткого отрезка на протяжении истории. Представители культуры Японии склонны уважительно относиться к традициям, а нововведения рассматривают через призму устоявшихся в обществе ценностей и норм и применяют видоизменив их таким образом, чтобы не нарушить традиционного уклада социальной жизни.

6. Культура Японии показывает сравнительно низкие показатели **потворства**. Сдержанность в удовлетворении своих желаний, желание жить

¹⁷⁷ Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software for the Mind/ G. Hofstede, G.J. Hofstede, M. Minkov. – N.Y.: McGraw-Hill. 2010 – 576 p.

согласно традициям и социальным нормам становится в японском обществе предпочтительным. Вместе с тем, нарушение социальных норм в угоду собственным желаниям и потребностям воспринимается негативно.

Согласно подходу Р. Инглхарта, культура Японии демонстрирует высокие показатели секулярно рациональных ценностей, что говорит о сравнительно низкой роли религии, предпочтениях светского государства и значимости личного пространства для представителей этой культуры. Практическим выражением данного в культуре Японии показателя может служить отсутствие стремления создавать большие семьи и сравнительно более распространённое одиночество.

Вместе с тем показатели ценностей выживания-самовыражения находятся на нейтральных позициях.

Весьма существенную роль на становление культуры Японии оказали и исторические процессы как внутри страны, так и за ее пределами. Как отправную точку для анализа образов политических лидеров страны целесообразным представляется взять реставрацию Мейдзи (1868–1912) начало объединения Японии, поскольку этим периодом связывают восстановление императорской власти в Японии и образование единого национального японского государства. Указанные процессы также часто называют революцией, поскольку для длительно закрытого и изолированного японского общества любые изменения воспринимались как потрясения, зачастую болезненные.

Для реставрации Мейдзи характерны принудительное устранение, вытеснение традиционных для Японии норм и правил во всех сферах жизнедеятельности общества и прививание западных демократических ценностей и моделей развития¹⁷⁸. Реставрация Мейдзи пришла на смену периоду изоляции страны от внешних контактов, которые воспринимались как угроза. Такая закрытость направила Японию по уникальному вектору

¹⁷⁸ Воробьева О.В., Вуколова И.И. Реставрация Мейдзи и историческое образование в Японии /О.В. Воробьева, И.И. Вуколова// Преподаватель XXI век. 2020. №4-2. С. 277–289.

развития, однако зарождающиеся глобализационные процессы были ориентированы на открытость, прогресс и развитие. Идеалом долгое время выступали стабильность и отсутствие изменений¹⁷⁹. Подобное сохранение культурных ценностей и норм может свидетельствовать о высоком уровне избегания неопределенности и долгосрочной ориентации на будущее, соответственно, изменения внедрялись не прямым калькированием, а через переосмысление и преобразования сквозь призму японских культуры и мировоззрений¹⁸⁰.

Культура Японии в различных сферах жизнедеятельности (в том числе и в политической) имеет во многом адаптивный, восприимчивый характер, т. е. стремится адаптировать внешние западные ценности под внутренние традиционные¹⁸¹.

Особенно стоит подчеркнуть, что перечисленные природные и внеприродные особенности и процессы оказали влияние на культуру в целом, а следовательно, на все социальные процессы, происходящие в обществе. Сильное воздействие эти факторы через призму культурных норм оказали и на политическую систему страны, в частности на политическое лидерство Японии, на формирование имиджей политических лидеров и их отражение в политической сфере.

Реставрацию Мейдзи целесообразно рассматривать как отправную точку для анализа, поскольку с возвращением всей полноты власти в руки императора, произошло объединение Японии в единую нацию. Не стоит, однако, забывать, что была введена конституционная монархия, следовательно, власть, централизованная в руках императора была и остается сегодня символической, а сам император – символом единой Японии. Тем не

¹⁷⁹ Мещеряков, А. Н. Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение /А.Н. Мещеряков// Ежегодник Японии. 2018. № 47. С. 350–366.

¹⁸⁰ Журавлёв В.Е., Журавлев В.Е. Внешняя политика Японии и историко-культурные факторы, её формирующие / В.Е. Журавлев, В.Е. Журавлев// Вестник Университета мировых цивилизаций. 2021. №4 (33). С. 5–13.

¹⁸¹ Иногути Такаси Политическая культура Японии / Такаси Иногути// Ежегодник Японии. 2017. №46. С. 76–96.

менее анализ образов обладателей даже символической власти может предоставить картину ее ценностных основ.

Еще одной существенной особенностью политической власти в Японии, имеющей в своей основе культурную составляющую, становится то, что в лидерстве страны отмечается коллективное руководство; это исключает авторитаризм и диктатуру, но в случае внешней опасности такое лидерство воспринимается слабым и уязвимым¹⁸².

Стоит особо отметить, что культура Японии является в значительной степени высококонтекстной, что не может не оказывать влияние на внешние проявления социальной жизни ее представителей. Подобная высококонтекстность культуры оказывает влияние не только на характер коммуникации, особенностями которой становятся не прямое вербальное выражение, большое внимание к контексту, жестам, мимике, характеру избегания конфликтных ситуаций, но и на прочее социальное взаимодействие людей. Особое значение в такой ситуации приобретают символы, традиции и обряды. Политическая система как часть социальной системы несет на себе нагрузку высококонтекстной культуры, чем обуславливается церемониальность политической культуры страны. Именно поэтому такое важное значение приобретает личность императора Японии как символа власти и единства японской нации.

Указанный не прямой высококонтекстный стиль коммуникации хорошо иллюстрируется в политической системе принципом один монарх – один девиз правления¹⁸³. Согласно этому принципу, правлению каждого нового императора присваивается девиз, который оглашается при вступлении императора на трон и становится одновременно наименованием новой эры и посмертным именем пришедшего к власти императора¹⁸⁴. При помощи

¹⁸² Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония/ А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис: Рипол классик, 2006. – 736 с.

¹⁸³ Энциклопедия Ниппоника [Электронный ресурс] URL: <https://kotobank.jp/一世一元の制-817998> (дата обращения: 12.01.2023)

¹⁸⁴ Кожевников В. В. Новая эра в Японии /В.В. Кожевников// У карты Тихого океана. 2019. № 3 (254). С. 13–16.

такого девиза ведется летоисчисление и происходит своеобразная коммуникация с населением Японии, так как различные девизы становятся своеобразным посланием населению, раскрывающим основную суть, контекст, значение символа императора у власти.

Приведенные черты культуры Японии, с одной стороны, являются характеристикой ее современного состояния, а с другой – унаследованы из прошлого. Как уже было отмечено ранее, культура является сквозным элементом социальной жизни, а это значит, что перечисленные особенности можно проследить как в истории политического лидерства страны, так и в имидже современного лидера. Исторически сложившиеся типы лидерства можно также брать за основу изучения политической культуры лидерства с последующими выводами о состоянии современного политического лидерства.

Девиз правления императора Мэйдзи (1868–1912) переводится как «просвещённое правление», что, в свою очередь, могло стать отражением происходивших исторических процессов, заключавшихся в развороте в сторону западной культуры и становлении японской государственности.

Среди особенностей правления Мэйдзи, которые повлияли как на его образ, так и на коммуникацию с населением, можно выделить отстранённость от публичной жизни. В сознании граждан образ императора сакрализируется через одновременное наличие императора и его недоступность, отсутствие публичных речей, невовлеченность в парламентские разборки¹⁸⁵. Таким образом, император находился в некотором смысле над общественной жизнью, что можно расценивать как проявление высокой дистанции власти как источника иерархичности общества.

Император Мэйдзи стал отправной точкой для формирования нового социума и идентичности в Японии на основе старых традиций. В его образе

¹⁸⁵ Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония/ А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис: Рипол классик, 2006. – 736 с.

появляются европейские черты: как во внешнем облике (европейская одежда, борода и усы), так и в образе жизни (конный спорт)¹⁸⁶.

Несмотря на то, что в современной Японии показатели дистанции власти являются средними, все же стоит отметить, что общество очень иерархично по своей природе, а символ власти императора имеет большое значение в функционировании государственной системы. Так, в период своего правления Мейдзи стал символом начала вестернизации японской культуры. В его образе стали появляться европейские черты, а вслед за ним вестернизироваться начала и остальная Япония. Период правления Мейдзи можно считать началом формирования японской политической системы, в том числе и потому что в этот период активное преобразование претерпевали культурные основы Японии.

Необходимо отметить, что вестернизация шла не по пути простого калькирования норм и ценностей западного общества и отказа от традиций. Новое в культуре Японии претерпевало определенные изменения и интерпретацию через существующую систему ценностей.

Мейдзи позиционировался как абсолютный монарх западного типа, все изменения проводились от его имени, а он сам был наделен божественной легитимностью. Фактически абсолютным монархом он не являлся, но стал символом возрождения императорской власти. Стоит отметить, что в период Мейдзи возросла роль синтоизма как основы императорской власти, а принятая в этот период конституция закрепила божественность происхождения власти. Подобное бережное отношение к традициям может иллюстрировать долгосрочную ориентацию на будущее в японском обществе, поскольку имеет место видение истории своей страны в более дальние периоды истории как в прошлом, так и в будущем. Долгосрочная ориентация на будущее проявляется через преобразование внешне принятых традиций в традиционно японской манере, формируя уникальную

¹⁸⁶ Мещеряков, А. Н. Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение /А.Н. Мещеряков// Ежегодник Япония. 2018. № 47. С. 350–366.

политическую систему, органично соединившую в себе традиционно японские и западные элементы.

Итак, император Мэйдзи стал образцом поведения, центром формирования японской нации. Согласно системе Г. Хофстеде, такое проявление личности императора и функций его образа говорит о низких показателях потворства и высоких показателях коллективизма. Необходимо отметить, что в современном японском обществе показатели коллективизма скорее средние, чем высокие. Тем не менее это объясняется отсутствием расширенной семейной системы, но не прочими социальными отношениями. Важность принадлежности к группе, однако, высока, и образ императора становится центром социальной и политической идентичности японца.

Мужественность проявляется в том, что в период реставрации Мейдзи вся полнота власти была передана в руки императора. Несмотря на то, что по факту власть не была полностью в руках императора, он позиционировался в тот период как ее центр.

Девиз правления следующего императора Тайсё (1912—1926) переводится как «великая справедливость». Успехи модернизации и реставрации Мейдзи спровоцировали зарождение веры в исключительность японского народа. Как следствие, можно утверждать, что истоки японского национализма, которые прослеживаются во времена правления Тайсё, были заложены благодаря вере в исключительность собственной нации.

Оценивая подобную картину с точки зрения системы Г. Хофстеде стоит отметить, что наличие культа личности указывает на исключительное отношение к персоне императора, что, в свою очередь, говорит о высокой иерархичности и дистанции власти. В этой связи стоит упомянуть и коллективизм, поскольку он послужил основой для сплочения вокруг единого центра власти.

Имидж императора не транслировался открыто в массы, не было частых прямых контактов с населением. С одной стороны, это объясняется состоянием здоровья императора и его фактической неспособностью нести

на себе функции символа государства. С другой стороны, такая ситуация подкрепляется культурой, поскольку имеет место потребность населения в таком имидже императора, как несокрушимого и недоступного символа Японии. Так, мы видим относительно успешную попытку сохранить имидж императора и императорского дома в глазах населения в угоду и за счет культурных особенностей и потребностей населения. По системе Г. Хофстеде, это указывает на избегание неопределенности и сдержанность. Высокая степень связанности культуры с прошлым выступает как показатель долгосрочной ориентации на будущее, которая, в свою очередь, повлияла на то, что Япония, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, осталась верна своему внутривнутриполитическому курсу.

Возвращаясь к развороту в сторону милитаризма и культу личности императора на фоне националистических настроений, обусловленных успехами модернизации и победой в русско-японской войне, послуживших дополнительной причиной закрепления синтоистской направленности мышления¹⁸⁷. Стоит отметить высокие показатели мужественности как источник национализма. В сложившейся ситуации высокая мужественность дала результат, согласно которому потребность в соревновании, лидерстве в регионе, успешности и признании на мировой арене привели Японию к агрессивным действиям на мировой арене во главе со следующим императором Хирохито.

В ранний период правления императора Хирохито (1926-1989) получили большее развитие этноцентризм и тэнноизм, идеи превосходства над другими народами¹⁸⁸, продиктованные высокими показателями мужественности, которые толкают представителей культуры к конкуренции, желанию получить результат. Тэнноизм стал основой для формирования отношения в японском обществе к личности императора, поскольку в своей

¹⁸⁷ Скворцова Е.Л. «Японский национализм» как культурологическая проблема /Е.Л. Скворцова// Вестник культурологии. 2016. №1 (76). С. 4–22.

¹⁸⁸ Горбенко П. Л. Изменения в японском национальном характере во второй половине XX в /П.Л. Горбенко// Россия и АТР. 2011. №2. С. 194–199.

основе содержал идею о божественности как самого императора, так и японской нации¹⁸⁹. Иными словами, от образа императора во многом зависела идентичность и самовосприятие японского народа, а также идеология, политическая система и политический курс страны.

Стоит отметить, что девизом императорского дома в период правления Хирохито стал Сёва – «просвещённый мир», тогда как принципы этноцентризма и национализма в основе своей имели идею достижения Японией в господства в восточном мире через подчинение соседних народов на основе представления о превосходстве японской нации.¹⁹⁰

После поражения Японии во Второй мировой войне отношение к образу императора на мировой арене и, как следствие, в самом обществе Японии претерпело очень серьезные трансформации. Изменение конституции (1947) после поражения в войне происходило под влиянием США, чьи культурные нормы и ценности Япония вынуждена была перенять. Стоит отметить, что на мировой арене в тот период образ императора Японии стал ассоциироваться с образом агрессора, и, следовательно, само существование императорского дома оказалось под угрозой, звучали призывы признать Хирохито военным преступником, ответственным за развязывание войны¹⁹¹.

Таким образом, после Второй мировой войны возникла неопределенность судьбы императорской династии. Тем не менее было принято решение о внесении изменений в конституцию Японии, которые затрагивали и образ императора. Была развернута кампания в СМИ по выведению императора из-под ответственности за развязывание войны и в

¹⁸⁹ Кулепанов Р. В. Идеологический базис вооруженных сил императорской Японии /Р.В. Кулепанов// Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. №4 (50). 26–35.

¹⁹⁰ Базин О.А, Влияние личности императора на японскую историю (на примере Мэйдзи и Хирохито) / О.А. Базин // Личность и общество в историческом процессе: Сборник статей Международной научно-практической конференции. - Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2020. С. 168–172.

¹⁹¹ Мурзакова Н. С. Архитекторы японо-американского союза: лидеры оккупационного периода (1945 - 1951 гг.) /Н.С. Мурзакова// Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2009. №4 (11). С. 83–88.

поражение в войне, так как он не мог противостоять правящей элите. Так, мы видим стремление сохранить императора как символ, вокруг которого происходит сплочение Японии как нации. Подобная потребность в обществе может указывать на коллективизм и долгосрочную ориентацию на будущее, поскольку имеет место стремление к сплочению, а также к сохранению своих культурных норм и традиций даже под гнетом внешних обстоятельств. Иными словами, политическая система Японии претерпевала изменения и даже потрясения, связанные с фундаментальными изменениями в конституции страны. Одной из главных целей подобных изменений политической системы Японии стало сбережение в массовом сознании японцев ее основ путем сохранения императорской власти и присущих ей сакральных элементов.

Необходимость сохранения культа личности императора как символа власти может указывать на высокие показатели дистанции власти. Высокая дистанция власти с меньшей долей вероятности может допустить безболезненный для общества отказ от культа личности стоящей у власти персоны.

Под влиянием участвовавших контактов с внешним миром, в послевоенный период жизни Японии политические процессы приобрели характер демократизации и вестернизации, которые затронули и институт императорского дома, а следовательно, образ императора. В этот период происходит более активное внедрение в политику императора Хирохито, учащаются обращения к народу, частые контакты с народом (выезды, спортивные, культурные и социальные мероприятия), сближение с народом. Так, процессы демократизации в образе императора выражаются через позиционирование Хирохито как доступного и открытого для народа.

Хирохито выступает с заявлением о своем небожественном происхождении, что впоследствии закрепляется в конституции Японии, тем не менее, согласно конституции, император остается символом японского народа и центром японской нации. Можно сделать вывод о том, что,

несмотря на утрату японской властью статуса божественного происхождения, структурно ничего не изменилось. Вынужденная мера по европеизации политической культуры (а следом и других сфер культуры) после войны в очередной раз была реализована через призму традиционной культуры, что указывает на избегание неопределенности как источника стремления сохранить традиции, долгосрочной ориентации на будущее как причину восприятия нового через призму своей культуры и адаптации всего нового и сдержанности как причины поиска нравственных ориентиров в культурных нормах и традициях.

На смену ему пришел Акихито (1989—2019), девизом правления которого стал Хэйсэй — «установление мира»¹⁹², от которого идет недвусмысленный посыл продолжения ненасильственной политики Японии, а также ее добровольная отстранённость от военных действий. Таким образом, император становится символом мирной Японии.

В период правления Акихито политическая культура Японии вновь сталкивается с очередной волной вестернизации, порожденной на этот раз процессами глобализации. И снова Япония демонстрирует особое отношение к порожденному процессами глобализации распространению западных ценностей: японское общество не стремится отталкивать или слепо перенимать их. Новое перенимается через призму традиционных обычаев и ценностей, интерпретируется, находит свое место и усваивается¹⁹³. Волна вестернизации культуры также проходит под влиянием избегания неопределенности, долгосрочной ориентации на будущее и сдержанности.

Указанные процессы глобализации повлияли в том числе на имидж императора и императорского дома, тогда как источником изменений часто становился сам Акихито. Подобное внедрение нововведений, при котором источником изменений становится наделенное властью лицо, а в обществе

¹⁹² Энциклопедия Британника [Электронный ресурс] URL: <https://www.britannica.com/biography/Taisho> (дата обращения: 12.01.2022).

¹⁹³ Семёнова А.В. Роль традиций в современной Японии /А.В. Семёнова// Культура и цивилизация. 2016. №1 (3). С. 83–87.

это активно принимают, может часто наблюдаться в культурах с высокой дистанцией власти и иерархичностью. Политическая система и политические процессы Японии продолжали постепенно приобретать окраску демократизации и вестернизации с учетом традиционных особенностей японской культуры. Император стал центром, источником нововведений в политическую культуру страны через собственный образ. Среди подобных нововведений можно отметить то, что император сохранил стремление придерживаться мира и быть еще ближе к народу, его первая речь в качестве императора была произнесена не на церемониальном, а на обычном языке. Важным шагом стало и то, что Акихито женился не на представительнице аристократов, а на обычной девушке, что ранее не практиковалось. В целом имидж императора можно охарактеризовать как символ миролюбивой, открытой Японии, но не как наследника националистической довоенной Японии. Особенностью образа стали и частые визиты за границу¹⁹⁴. Прослеживается стремление установить и сохранить мир не только вне страны, но и в самой Японии. В подобном стремлении сохранить мир и служить японскому народу на благо страны прослеживаются черты коллективизма, поскольку образ императора наглядно показывает, что личные интересы активно ставятся ниже интересов общественных.

По данным опросов, образ Акихито снизил дистанцию власти между императором и народом и успешно исполнил роль символа¹⁹⁵. Тем не менее, стоит подчеркнуть, что частые контакты с населением, которые воспринимаются как снижение дистанции власти, говорят обо все еще высоком ее значении и крайней иерархичности общества.

Ярким моментом правления императора стало его добровольное отречение от престола и передача правления наследнику¹⁹⁶. Отметим, что

¹⁹⁴ Панов А. Н. Институт императора и его место в государственной системе современной Японии/ А.Н. Панов // Ежегодник Япония. 2012. №41. С. 172–185

¹⁹⁵ Кистанов В. О. Смена императорской власти в Японии: причины и следствия /В.О. Кистанов// Ежегодник Япония. 2019. №48. С. 9–24.

¹⁹⁶ Кожевников В. В. Новая эра в Японии /В.В. Кожевников// У карты Тихого океана. – 2019. №3 (254). С. 13–16.

мужественность проявляется в том факте, что престол передается только по мужской линии, что указывает на то, что символом Японии может быть только одобряемый социумом носитель мужественных качеств. Послевоенная Япония не демонстрирует мужественность с позиций этноцентризма и национализма, но она выражается в стремлении быть лучшим в своей сфере деятельности.

Перенявшим правление Акихито императором стал наследный принц Нарухито, и с 2019 года в Японии наступила эра Рэйва – «прекрасная гармония». Власть императора в политических процессах государства все еще остается символичной, а сам император служит народу в качестве символа государственности Японии, что говорит об оставшейся в культуре иерархичности, высокой дистанции власти, поскольку в обществе имеется определенная потребность на такую символическую и в некоторой степени отчужденную власть; коллективизме, поскольку основной деятельностью императора становится не реализация своих потребностей, а служение народу; и долгосрочной ориентации на будущее, поскольку имеет место очень бережное отношение к своим традициям, а изменения в культуре происходят исключительно через призму собственной культуры.

Тем не менее культура Японии не стоит на месте, она изменяется, пусть и крайне инертно, под влиянием внешних и внутренних факторов. Так, можно наблюдать продолжение разворота японской культуры в сторону демократизации и вестернизации. Имидж современного императора Японии не остается в стороне. Император Нарухито становится во многом источником подобной вестернизации и открытия Японии для внешних контактов, преобразования внутривластной системы страны, продолжая и расширяя тем самым курс, принятый еще во времена реставрации Мейдзи. Подобная стабильность взятого курса как верность традициям пусть и на пути изменений, в свою очередь, может парадоксально указывать на долгосрочную ориентацию на будущее.

Стоит отметить, что важной составляющей имиджа Нарухито становится его стремление демократизировать общество и политические процессы, в частности путем снижения дистанции власти. Он принимает участие в открытии спортивных мероприятий, уделяет внимание проблемам водных экосистем и нередко выступает с докладами на международных научных форумах, посвященных проблемам водных ресурсов и санитарии, является автором научных работ и одной книги¹⁹⁷.

В отличие от предшественников, Нарухито воспитывался в родительском доме, а не отдельно (в домах подданных)¹⁹⁸. Ранее эта необходимость обосновывалось тем, что долг перед своими обязанностями¹⁹⁹ как наследного принца, так и императора превышает кровного родства. Несмотря на это изменение, все еще высоки показатели коллективизма и потворства, так как этот факт воспринимается как необычный и исключительный. Как важный шаг в открытии Японии навстречу международным контактам стоит отметить, что правящий император был первым наследным принцем Японии, который учился за границей.

Мужественность в имидже выражена латентно, подавлена, но в обществе остается крайне высокой. Согласно закону об императорском доме Японии, императором может быть только мужчина²⁰⁰, что подчеркивает функцию символичности власти, особенности имиджа и мужественность власти.

Император подчеркивает свой статус служителя народа²⁰¹ и стремится поддерживать мир, как Акихито. Подобная стабильность может указывать на

¹⁹⁷ Энциклопедия ТАСС. Нарухито Император Японии [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/naruhito-imperator-yaponii> (дата обращения: 12.01.2023).

¹⁹⁸ РИА Новости. Биография Императора Японии Нарухито [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20200223/1565049677.html> (дата обращения: 12.01.2023).

¹⁹⁹ Ранее в японском обществе существовала традиция, согласно которой наследный принц воспитывался отдельно от родителей, это связано с идеей того, что император должен больше заботиться о народе, который для него важнее кровных родственников.

²⁰⁰ EHS law bulletin series, Japan. — Tokyo: Eibun-Horei-Sha, 1948

²⁰¹ РИА Новости. Император Японии в новогоднем послании пожелал всем людям мира [Электронный ресурс] <https://ria.ru/20200101/1563057876.html> (Дата обращения 12.01.2023)

высокое избегание неопределенности как стремление максимально предсказать свое будущее.

Сегодня император Японии продолжает играть церемониальную роль, не вовлекаясь в политические процессы и реальное принятие решений, его фигура и имидж несут символическую нагрузку. Не стоит, однако, недооценивать важности этой роли для менталитета и культуры японского государства. Подобная потребность общества Японии обусловлена не просто отношением населения к императорскому дому как к особому элементу их культурного наследия, благодаря которому формируется система японской государственности. Высокая контекстность культуры Японии, монолитность и стремление к сплочению вокруг единого символа оказывают также серьезное влияние на важность для японцев фигуры и имиджа императора.

Тем не менее, в политической системе Японии, реальная власть принадлежит аппарату министров, возглавляемому премьер-министром. В отличие от императора, роль премьер-министров сводится к исключительной утилитарности. Отличительной особенностью описанного периода стала высокая сменяемость премьер-министров.

Еще одной особенностью можно назвать разделенность власти, отсутствие централизации и единоличной ответственности. По этой особенности можно судить о состоянии дистанции власти в современной Японии. С одной стороны, мы видим примеры высокой дистанции власти такие как статус императора, культ личности, божественное происхождение в истории, иерархичность; с другой – у императора нет реальной власти, она разделена в аппарате министров, тем самым децентрализована.

Высокая сменяемость премьер-министров в политической системе Японии, направление их деятельности исключительно в утилитарное русло отодвигает роль их имиджа на второй план, и поскольку потребность в образе власти уже выражена в образе императора, в японском обществе может быть снижен запрос на яркий имидж премьер-министров. Тем не

менее такая ситуация может стать проблемной в русле демократизации японской культуры и учащения международных контактов.

В этой связи стоит рассмотреть имидж самого длительного по пребыванию у власти премьер-министра Японии Синдзо Абэ. Его имидж основывался на таких качествах, как политическая гибкость, умение маневрировать, адаптироваться к создавшейся ситуации. Японское общество благоприятно воспринимает способность адаптироваться и подстраиваться под интересы группы и внешние обстоятельства в силу коллективистских характеристик культуры.

В медиа среде Японии активно продвигался его имидж как «крутого парня», наделенного лидерскими качествами, что может являться следствием проявлений дистанции власти.

Характерной особенностью его лидерства стал выход за рамки жесткой бюрократической системы Японии, когда он перестал считаться с мнением лидеров других фракций и обрёл беспрецедентную для японской политической практики свободу рук при принятии важнейших решений, закрепив за собой авторитарный, «президентский» стиль правления²⁰². В подобном стиле правления может выражаться подавленная в послевоенный период мужественность. Отмечается самостоятельность образа и политики С.Абэ, в частности по отношению к дипломатической линии России, что можно назвать, скорее, исключением, так как традиционный имидж политического лидера Японии не предполагает централизованных, персональных решений²⁰³.

Имидж Синдзо Абэ идет вразрез с традиционной культурой Японии, что может говорить о влиянии глобализации, потребности общества в харизматическом лидере. Имидж идет вразрез с такими особенностями

²⁰² Международный дискуссионный клуб Валдай . [Электронный ресурс] URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politicheskaya-zhivuchest-abe/> (дата обращения: 25.06.2021).

²⁰³ Судзуки Ёсикацу. Самостоятельная дипломатия премьер-министра Абэ в отношениях с Россией: замыслы и просчёты // [Электронный ресурс] URL: <https://www.nippon.com/ru/column/g00306/#> (дата обращения: 01.04.2022).

культуры, как избегание неопределенности, долгосрочная ориентация и потворство, но это компенсируется символической императорской властью и имиджем императора. Институт императора на данный момент не может представить в имидже лидера харизматические нотки, поэтому они реализуются в имидже премьер-министра.

Тем не менее, в 2021 году пост премьер-министра Японии занял Фукусисо Кисида, занимавший ранее пост в команде С.Абе и демонстрировавший несогласие с его политикой, направленной на сотрудничество с Россией. В связи с этим, представляется необходимым предпринимать попытки развивать отношения в сфере гуманитарного сотрудничества²⁰⁴ и развития политического имиджа.

В заключение стоит отметить, что поскольку император в Японии, в первую очередь – символ (выполняет церемониальные функции, коммуницирует с населением), а также в силу высокого уровня коллективизма, индивидуальный, яркий имидж не столь важен. Имидж рассматривается прежде всего с точки зрения его функциональности. Вместе с тем имидж императоров, основанный на культуре страны, на протяжении истории становился для японского общества ориентиром, стимулом к действию и преобразованию страны.

Сложившиеся культурные нормы японского общества спровоцировали особый тип политического лидерства, не отличающийся авторитарностью и яркостью лидерских качеств. Подобная ситуация может провоцировать затруднения в ходе международных контактов на высшем уровне и дефицит ярких лидеров в политической системе самой Японии.

Противоречивая культура Японии сформировала систему имиджей лидеров, которые обеспечивают одновременно социальную поддержку и

²⁰⁴Журавлёв В.Е., Журавлев В.Е. Внешняя политика Японии и историко-культурные факторы, её формирующие / В.Е. Журавлев, В.Е. Журавлев// Вестник Университета мировых цивилизаций. 2021. №4 (33). С. 5–13.

позитивное восприятие внутри культурно гомогенной страны и перспективы для продуктивных внешних контактов.

На протяжении исторического процесса в культуре Японии сформировалось определенное ценностное ядро, влияющее на социальные процессы, в том числе, на формирование, трансляцию и восприятие имиджей лидеров страны. Такое ценностное ядро характеризуется промежуточными и противоречивыми показателями дистанции власти, которые, с одной стороны, закрепляют в имидже лидера иерархичность и наделяют императора статусом символа, но с другой, допускают размывание ответственности между утилитарностью власти премьер-министра Японии и ограничением статуса и обязанностей императора как символа нации.

Изменения культуры и политической системы происходили постепенно и гармонично, демонстрируя негибкость и стабильность культуры Японии под воздействием внешних или внутренних неблагоприятных или непреодолимых обстоятельств, а ценностные основы политической и социальной жизни остаются неизменными, сознательно и бережно охраняемыми как лидерами страны, так и ее социумом. Культура Японии не конфликтует с внешними обстоятельствами открыто, но и не калькирует навязанные ими ценности и нормы.

Достаточно высокие (в сравнении с европейскими культурами) показатели коллективизма формируют дефицит харизматичного лидерства, а также можно наблюдать служение лидера народу как его основную цель.

Мужественность имеет свою историю, но будучи подавленной в современном обществе Японии после Второй мировой войны извне, тем не менее остается крайне высокой и выражается латентно через стремление быть лучшим в своем деле, что накладывает отпечаток на лидерство в том числе.

Избегание неопределенности и долгосрочная ориентация на будущее формируют особое преобразование традиций европейского лидерства через призму японской культуры. Это позволяет обойтись без резких изменений,

что диктует повышенное избегание неопределенности, и сохранить систему традиционную систему ценностей, чего требует долгосрочная ориентация на будущее. Исходя из этих измерений, формируется имидж политического лидера как источника нововведений и преобразований.

Высокие показатели сдержанности указывают на стремление держаться в рамках общественных норм и традиций, что наряду с коллективизмом ведет к недостаточности харизматического лидерства, стремлению сохранить традиции и общей церемониальности политического лидерства, а также служению народу как основной цели существования императора.

Таким образом, имея своей основой культурные ценности, нормы, обычаи и традиции, сформированный и желаемый японским обществом имидж политического лидера несет на себе определенные узнаваемые черты. Лидер Японии воспринимается как символ страны, он служит в первую очередь своему народу и своей стране. Вместе с тем он является моральным центром, вокруг которого происходит сплочение нации и отталкиваясь от которого претворяются некоторые желаемые изменения. Основная ценность его образа для культуры Японии, скорее, не в индивидуальных харизматических чертах, а в соответствии нормам и традициям устоявшейся политической системы.

Выводы по главе 2:

Рассмотрение образов ряда политических лидеров России и Японии в истории и современности, а также культурных особенностей заявленных стран позволяет сделать **вывод** о том, что современное политическое лидерство и имидж как его функциональная составляющая становятся продуктом культуры, ее норм и системы ценностей.

Рассмотрев исторический процесс формирования имиджей политических лидеров России и Японии и проанализировав инструменты, влияющие на историческое изменение данных имиджей, можно сделать вывод о том, что

- во-первых, современный имидж политических лидеров России и Японии в качестве внутренней и сущностной своей основы впитал в себя специфику национальных культурных моделей рассматриваемых стран;
- во-вторых, завершенность и целостность образов современных политических лидеров России и Японии создана влиянием современного мира.

На протяжении исторического процесса на международной арене наблюдается ряд столкновений интересов, регулируя которые, лидеры приобретают поддержку среди населения своей страны и могут одновременно нести имиджевые потери на международном уровне.

В ходе анализа историко-культурного процесса формирования имиджа политического лидерства в России и Японии выявлены основные характерные черты для имиджа политических лидеров, в опоре на которые появляется возможность исследования процессов развития международных отношений, в которых имидж лидеров используется как ресурс.

ГЛАВА 3. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ЯПОНИИ В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ ИМИДЖЕЙ ИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ.

3.1 РОЛЬ ЛИДЕРОВ РОССИИ И ЯПОНИИ В ИСТОРИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ.

Отношения России и Японии сегодня не однозначны, и анализируя историю развития сотрудничества двух стран, роль лидеров и их имиджа в формировании, становлении и нелинейном развитии этих связей, можно более полно и глубоко понять не только сам характер взаимоотношений, но и проследить причины становления подобного характера. Стоит также отметить, что становление и развитие сотрудничества России и Японии – сложный и многофакторный процесс, на который влияет множество различных переменных, однако в нашем исследовании сосредоточим свое внимание на имидже лидеров и на культурной составляющей его формирования.

В предлагаемой главе необходимо подробно остановиться на истории развития отношений между Россией и Японией. История рассматривается как основа современного состояния отношений между странами, особую роль в которых сыграли политические лидеры обеих стран и их образы, проецируемые как на международную арену, так и на внутривнутриполитическое состояние обеих стран. Историю влияния образов лидеров двух стран на их

взаимоотношения следует рассматривать с первых контактов, заложивших фундамент последующего развития.

Культура является крайне устойчивой и трудно поддающейся изменениям системой. Стандарты, нормы, правила и ценности, однажды закрепившиеся в ней крайне сложно изменить или заменить на какие-либо другие²⁰⁵. В свою очередь, культура с присущей ей устойчивостью во многом предопределяет поведение, ценности и выбор паттернов поведения ее представителей, что прослеживается в том числе в исторических процессах развития различных общественных систем. Таким образом, можно утверждать, что присущие различным культурам ценности и нормы актуальны в течение длительного периода истории и могут быть наглядно проиллюстрированы историческими процессами.

Кроме того, немаловажным представляется то, что вопросы исторической памяти в международных отношениях сегодня все чаще дают о себе знать, становясь предметом различного рода манипуляций²⁰⁶. Не исключение и образы лидеров стран в истории.

Россию и Японию часто сравнивают в контексте модернизации²⁰⁷. Обе страны были вынуждены столкнуться с реформой культуры в пользу европейских норм и ценностей, и в обоих случаях предстает любопытная картина того, какую роль сыграл лидер в модернизации своей страны и в ее культуре. В России такой личностью стал Петр I, а в Японии – император Мейдзи²⁰⁸. Интересным представляется тот факт, что в обоих случаях

²⁰⁵ Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез /А.А.Аузан// Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015. С. 3–17.

²⁰⁶ Чугров, С. В. Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии / С. В. Чугров // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 22–45.

²⁰⁷ Воробьева Е. С. Россия и Япония: Опыт культурной модернизации // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 42–46.

²⁰⁸ Базин О. А. Влияние личности императора на японскую историю (на примере Мэйдзи и Хирохито) // Личность и общество в историческом процессе: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Рязань, 9–10 апреля 2020 года / Под ред. И.М. Эрлихсон и др. – Рязань: ИП Коняхин А. В., 2020. – С. 168–172.

реформы проводились централизованно, «сверху». Таким образом, источником, побуждающим мотивом для преобразования становились лидеры стран. Особо стоит подчеркнуть тот факт, что одним из результатов модернизации всех сфер в обеих странах стало открытие на международной арене и преобразование культурных норм и ценностей, характерных для этих стран. Можно сделать вывод о том, что высокая дистанция власти, присущая обеим странам и выраженная в имиджах их лидеров стала отправной точкой для более выраженного присутствия на международной арене.

Вместе с тем обнаруживается еще ряд культурных характеристик, способствовавших различиям в характере процессов модернизации в обеих странах и роли лидеров в них. Так, и для России, и для Японии характерны сравнительно высокие показатели коллективизма и низкие показатели потворства, которые одновременно способствуют объединению людей в группы и стремлению следовать определенным правилам. Долгосрочная ориентация на будущее, присущая представителям обеих культур, диктует необходимость и важность сохранения существующих традиций, а высокие показатели избегания неопределенности говорят о том, что представители культур России и Японии склонны избегать изменений в своей социальной жизни, которые потенциально несут неопределенность.

В сложившейся ситуации лидеры и их образ в сознании населения играют ключевую роль, поскольку лидер фактически становится источником социальных изменений, примером для подражания. Вместе с тем в культурах России и Японии обнаруживается принципиальное различие: культура Японии демонстрирует крайне высокие показатели мужественности, тогда как российская культура, напротив, демонстрирует женственные черты. В женственных культурах прямая конкуренция и открытая демонстрация власти воспринимается скорее негативно, а в силу высокой дистанции власти позволена лишь лицам, обладающим властным ресурсом. В сочетании с пассивностью населения, которая также продиктована женственностью культуры, характер модернизационных процессов приобретает крайне

резкий, централизованный характер. Высокие показатели мужественности в культуре Японии, напротив, приводят к активной позиции населения, стремлению к конкуренции, что также влияет на процессы модернизации, придавая им меньшую централизованность и, как следствие, большую длительность во времени.

Можно сделать также вывод о том, что обе страны, каждая в свое время, открывшись европейским ценностям, были склонны в той или иной форме и степени адаптировать их под привычные нормы и традиции.

Вернемся, однако, к первым контактам России и Японии и роли образа лидера как к основе для последующего взаимодействия. Как отмечалось выше, до революции Мейдзи взаимодействие Японии с другими странами, в том числе с Россией, не носило интенсивного характера в силу того, что Япония была закрытой страной, что сильно сказалось на формировании ее культуры и восприятии образа лидера страны. Единичные контакты до периода Мейдзи присутствовали, но не носили упорядоченный и регулярный характер, характер контактов был случайным и стихийным²⁰⁹. Вместе с тем, в указанный период отмечалось также и негативное отношение населения Японии ко всему внешнему, чуждому традиционной японской культуре.

Такое негативное отношение к чуждой культуре можно объяснить, взглянув на него через призму культурных измерений. Так, высокие показатели избегания неопределённости, а также низкие показатели потворства создают предпосылки для закрытого от внешних социальных контактов общества, что, в свою очередь не способствует активным шагам в развитии международных отношений.

Тем не менее некоторые из представителей японской культуры, попавших в Россию, были представлены императору Петру I и оставались в России в качестве преподавателей японского языка. Так широко известен Дэмбэй Татэкава, представленный российскому императору и выучивший

²⁰⁹ Серебрякова С. Г. Пребывание японца Дайкокуя Кодая в России // Новое слово в науке и практике: Гипотезы и апробация результатов исследований. 2016. № 25. С. 20–24.

русский язык. Предполагалось, что он станет первым преподавателем японского языка в России, но по неизвестным причинам этого не произошло²¹⁰. Встреча Дэмбэя Татэкавы с императором Петром I, по оценкам историков²¹¹, стала основой для взаимоотношений, породив интерес представителей Дома Романовых к развитию отношений с этой страной. Тем не менее в период Петра отношения нельзя назвать эффективными или развивающимися из-за политики императорского дома Японии известной своей закрытостью и изоляционизмом, стремящимся сохранить суть японской культуры.

Стоит отметить, что образ Петра I не остался незамеченным в Японии, однако его осознание и переоценка состоялись несколько позднее – в период непосредственно перед реставрацией Мейдзи²¹². Япония обратила внимание на разворот России к западным ценностям под влиянием сильного, яркого правителя в период собственных социокультурных преобразований и постепенного открытия западным ценностям. Так, образ Петра I стал интересен японской стороне как источник эффективных преобразований в России, обратил внимание на Россию и послужила примером для собственных преобразований.

В целом стоит отметить, что в России интерес к Японии проявлялся по инициативе правителей России и в благополучные для империи периоды, и именно благодаря этому интересу закладывался фундамент российско-японских отношений. Образ правителей здесь играл особую роль, так как в условиях недостаточной информированности обеих сторон о целях, намерениях, культуре друг друга, он мог напрямую ассоциироваться с образом страны в целом.

²¹⁰ Георгиев Ю., Память о первом московском японце [Электронный ресурс] URL: http://ricolor.org/rz/iaponia/j_g/ist/skaski/1/ (дата обращения 12.01.2023).

²¹¹ Подалко П. Династия Романовых и Япония. Из истории российско-японских контактов [Электронный ресурс] URL: <http://ricolor.org/history/mn/romanov/japan/> (дата обращения 12.01.2023).

²¹² Щепкин В. В. Первые сведения о Петре I и формирование его образа в Японии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. №4. С.115–122.

Очевидно, что чем более позитивный образ удавалось сформировать российским правителям в Японии, тем более благоприятно закладывался фундамент российско-японских отношений. Одним из таких лидеров России, заинтересованных в подобных отношениях и успешно сформировавший свой образ, стала Екатерина II. Благодаря позитивному образу императрицы, сложившемуся у пребывавших в стране японцев, отправленных в последствии на родину, сформировалось позитивное первичное представление о ней и о стране в самой Японии, отраженное впоследствии в различных источниках²¹³.

Но еще раз подчеркнем, что в этот период не была налажена эффективная коммуникация между двумя странами. Возникали конфликты и недопонимание, чему способствовала изоляция Японии и неосвоенность Дальнего Востока в Российской Империи²¹⁴. Образы двух стран и их лидеров во взаимном восприятии оставались полны недопонимания и домыслов²¹⁵, что лишь подкрепляло нестабильность и бессистемность русско-японских отношений²¹⁶. Подобная взаимная недосказанность и недостаточная информированность о культурных нормах и традициях обеих стран создавала ситуацию неопределенности, которая, не приветствовалась в культуре обеих стран и способствовала возникновению взаимного недоверия и напряжения в отношениях России и Японии.

О системных международных контактах стоит говорить начиная с 1855 года, когда были установлены дипломатические отношения между странами с подписанием Симодского трактата, целью которого для России стали мир и

²¹³ Подалко П. Династия Романовых и Япония. Из истории российско-японских контактов [Электронный ресурс] URL: <http://tricolor.org/history/mn/romanov/japan/> (дата обращения 12.01.2023).

²¹⁴ Уметбаев Т. Ш., Ипеева А.А. Россия и Япония. Первые контакты (первая половина XVIII века) // *The Newman in Foreign policy*. 2017. №36 (80). С. 10–12.

²¹⁵ Ковальчук М. К. Фукудзава Юкити «Сэйё дзидзё»: взгляд на Россию через призму европейских источников // *Россия и АТР*. 2018. №2 (100). 53–66.

²¹⁶ Икута Митико Образ Японии в России в период Эдо (XVII-XIX вв) // *Известия Восточного института*. 2005. №9. С. 107–127.

дружба в отношениях с Японией²¹⁷. Существует различие мнений относительно равноправности Симодского трактата²¹⁸. Российская империя заняла ненасильственную позицию в силу своего слабого положения на международной арене²¹⁹. Основной камень преткновения – территориальный вопрос – не был решен²²⁰. Свое решение он получит лишь в 1875 году с подписанием Петербургского договора.

Со вступлением на престол в Японии Мейдзи и началом революции 1868 года, страна начала открываться внешним контактам, однако русско-японские отношения все еще не носили интенсивный характер. Из-за нерешенности территориального вопроса требовалось подписание нового договора. Состоялось подписание Петербургского договора (1875)²²¹, который готовился 10 лет и был более выгоден японской стороне.

Стоит отметить, что открытие Японии на международной арене (в том числе в отношениях с Россией) воспринималось населением достаточно негативно, в то время как подобный курс очень активно транслировался «сверху», в первую очередь самим императором Мейдзи. Открытая негативность восприятия также может иметь культурные предпосылки и основания. Обращаясь к мужественности японской культуры, логично предположить, что ее представители склонны воспринимать собственные культурные нормы и ценности как единственно верные и занимать активные социальные позиции.

В этой связи необходимо подчеркнуть роль образа императора Мейдзи в выходе Японии на международную арену, который, являясь символом

²¹⁷ Накамура С. Японцы и русские: Из истории контактов – М.: Прогресс, 1983, 303 с.

²¹⁸ Из Трактата о торговле и границах между Россией и Японией от 26 января (7 февраля) 1855 г. Статья 2 [Электронный ресурс] URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1855.html#7> (дата обращения 01.04.2022).

²¹⁹ Агеева А. А. Установление межгосударственных отношений России с Японией в конце XVII – середине XIX веков // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. №3. С. 38–46.

²²⁰ Согласно Симодскому трактату 1855 года, о. Сахалин оставался как совместное, нераздельное владение двух стран.

²²¹ Из трактата между Россией и Японией от 25 апреля (7 мая) 1875 г. [Электронный ресурс] https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/1905.html#1 (Дата обращения 01.04.2022)

японской государственности, с одной стороны, объединял своим образом японскую общественность в единый народ, а с другой – выступал примером усвоения новых европейских культурных ценностей. Изменение образа императора в сторону вестернизации дало возможность японскому обществу начать открываться европейским ценностям менее болезненно.

С точки зрения международных отношений и отношений с Россией поддержкой этому могут служить как неудавшееся покушение на будущего императора Николая II 1891 году во время его визита в Японию, так и тот факт, что извинения в первую очередь последовали от императора Мейдзи, а позже от высокопоставленных лиц Японии, следовавших примеру своего лидера.

Кроме того, стоит отметить жесткую реакцию японской стороны как на непосредственного виновника указанного события, так и на лиц, имеющих весьма косвенное отношение к произошедшему²²². Вместе с тем столь раннее знакомство будущего лидера Российской империи с культурой Японии могло обратить его внимание на этот вектор международных отношений, который в тот исторический период не был развит. Так называемая Большая Азиатская программа императора Николая II стала одной из главных задач его правления²²³.

Экспансия России на Дальнем Востоке, которая пересекалась с интересами Японии в этом регионе, стала основой для начала русско-японской войны²²⁴. Стоит отметить некоторую самонадеянность лидера Российской империи, убежденного в превосходстве России и дружеских

²²² Подалко П., Династия Романовых и Япония. Из истории российско-японских контактов [Электронный ресурс] URL: <http://tricolor.org/history/mn/romanov/japan/> (дата обращения 12.01. 2023).

²²³ Мультатули П. В. Внешняя политика императора Николая II (1894 – 1917). – М. : Фив, 2013. – 840 с.

²²⁴ Гринюк В. А. Русско-японская война 1904-1905 г. и Корея // Россия и АТР. 2014. №1 (83), С. 48–63.

отношениях, а также в надежде на то, что японская сторона не пойдет на открытые конфликтные действия в отношении России²²⁵.

Убежденность в собственном превосходстве как одна из возможных причин экспансии, имела место не только в России, но и в Японии. Кроме того, стоит отметить, что в обеих странах божественность происхождения императорской власти не только легитимизовала ее внутри страны, но и закрепляла уверенность в собственных силах и правоте. Тем не менее в культурах стран есть ряд существенных различий, которые могли сыграть существенную роль в сложившейся ситуации. Так, уже отмеченные выше высокие показатели мужественности, которыми известна культура Японии, толкали ее лидеров на активные действия в регионе. Тогда как Россия с ее показателями женственности была склонна занимать пассивные позиции, уделяя больше внимания качеству отношений, нежели их результату.

Те же параметры – мужественность и женственность – могли оказать свое влияние на стремление России как можно быстрее закончить войну²²⁶. Тогда как в Японии результаты войны – подписание Портсмутского мирного договора – привели к массовым беспорядкам. Японская общественность была крайне недовольна, так как подписание мирного договора было воспринято как унижение²²⁷.

Стоит отметить, что после завершения русско-японской войны Япония закрепила на международной арене в качестве «великой державы»²²⁸, что усилило роль императора в международных отношениях, так как в Японии он воспринимался как центр «великой державы», вокруг которого строится японская государственность и идентичность. Важным представляется тот

²²⁵ Фанталов А. Н. Русско-японская война как ключевой момент завершения истории Российской империи // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. №2 (46). С. 263 – 267.

²²⁶ Мультиатули, П. В. Император Николай II и внешняя политика: этапы, достижения и итоги // Международная жизнь. 2017. № 4. С. 163 – 174.

²²⁷ Gordon A. The crowds and politics in Imperial Japan: Tokyo 1905—1918, // Past & Present. 1988. N 121, P. 141—170.

²²⁸ Япония в эпоху великих трансформаций / /Под ред. проф. Д. В. Стрельцова – М., АИРО-XXI. 2020 – 320 с.

факт, что, будучи центром японской нации, император остается источником социальных преобразований в своей стране. Его образ все более приобретает черты западной цивилизации, что способствует построению позитивного и понятного имиджа Японии на международной арене.

Образ императора Николая II после поражения в русско-японской войне (в то время это расценивалось именно как поражение)²²⁹ потерпел существенный урон, что, не могло не сказаться на позициях Российской империи на международной арене. Кроме того, поражение сказалось и на существующем политическом строе страны, нанеся ему существенный ущерб²³⁰.

Итогом пройденному периоду стало формирование взаимного негативного восприятия стран²³¹, осложнившееся трудностями во взаимодействии из-за нестабильности и неясности перспектив. «Курс обороны империи» Японии 1907 года предполагал дальнейшие военные действия, а также расширение армии и укрепление военной сферы страны.

Однако попытки налаживания мирных и союзнических отношений продлились вплоть до 1914 года. Роль образа Николая II уже не имела такого значения, как до и во время ведения военных действий. Подтверждением этому может служить противоположность мнений о внешней политике России относительно Японии, отсутствие централизованного мнения²³², которое отмечалось до поражения и нанесения урона внутривнутриполитическому имиджу императора.

²²⁹ Из Мирного договора между Россией и Японией от 23 августа (5 сентября) 1905 г. Статья IX [Электронный ресурс] URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/1905.html#1 (дата обращения: 01.04.2022).

²³⁰ Фанталов А. Н. Русско-японская война как ключевой момент завершения истории Российской империи // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. №2 (46). С. 263–267.

²³¹ Фролов В. В. Образ японской армии на страницах российского дореволюционного журнала «Летопись войны с Японией» // Метаморфозы истории. 2017. №10. С. 320–333.

²³² Пестушко Ю. С. Дискуссии в российских политических кругах по вопросам внешней политики и перспективам отношений с Японией (1905 – 1914 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2010. №1. С. 84–91.

Как итог указанного периода, стоит отметить противоречивое взаимное восприятие стран одновременно в качестве союзников и потенциальных противников²³³, которое будет стойко ощущаться в их отношениях еще длительный период времени.

Рассмотрим далее период, начавшийся с 1917 года и характеризовавшийся противоположностью политических курсов двух стран. Необходимо отметить, что начиная с 1917 года отношения России и Японии еще больше осложнились, это можно объяснить тем, что изменение политического курса России привело к тому, что он перестал соотноситься с политическим курсом Японии, которая все еще оставалась верной монархической системе.

Реформы периода Мейдзи стали сводиться не к адаптации западных ценностей в японской культуре, а к национализму через веру в исключительность японской нации, что, в условиях высоких показателей мужественности культуры, привело к развитию и укреплению милитаризма. Таким образом, мы видим противоположность глубоких монархических традиций и национализма в Японии и коммунизма в СССР. Восприятие двух стран как враждебных друг другу не пропадает, а только усиливается.

После образования СССР в Японии встает вопрос о дальнейшем взаимодействии с ним. С одной стороны, имели место настроения и отношения к СССР как к потенциальному противнику, и коммунистическая пропаганда резко отвергалась японским правительством; с другой, – СССР рассматривался как потенциальный союзник в борьбе с влиянием США и Китая. Так, в 1925 году Япония признала Советский Союз и установила с

²³³ Япония в эпоху великих трансформаций / Под ред. проф. Д. В. Стрельцова – М.: АИРО-XXI. 2020 – 320 с.

ним дипломатические отношения²³⁴, и по началу отношения между странами носили довольно интенсивный характер²³⁵.

Необходимо отметить, что первое десятилетие после установления советско-японских отношений активно и успешно проводились мероприятия по налаживанию культурного обмена. Активно организовывались выставки, спектакли в обеих странах²³⁶, что позволило в некоторой степени снизить неизвестность и неопределенность во взаимном восприятии двух стран.

Тем не менее Япония, неся статус «великой державы», идет по пути наращивания милитаризма вплоть до 1945 года. Безусловно, это не могло не сказаться на положении страны на международной арене, а также – на качественном изменении отношений с другими участниками международных отношений.

Вместе с тем культурная и политическая однородность Японии практически исключала образ внутреннего врага. Кроме того, страна отличалась тем, что в ней присутствовала идеологическая однородность, которая заключалась в принципе «Кокутай – исконной сущности японского народа, идее сакрального единства государя, народа и страны»²³⁷. Можно предположить, что указанные факторы стали базой для формирования японского чувства превосходства на международной арене и японского национализма, который впоследствии оказал существенное влияние на взаимоотношения с другими странами, в том числе с Россией. Значительную роль в этих процессах сыграли символ императорской власти и образ императора, вокруг которого сплотилась вся японская нация.

²³⁴ Из Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г. и декларация представителя СССР на переговорах по заключению Конвенции [Электронный ресурс] URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/1941.html#1 (дата обращения: 01.04. 2022)

²³⁵ Япония в эпоху великих трансформаций / Под ред. проф. Д.В.Стрельцова. — Москва: АИРО-XXI, 2020. — 320 с.

²³⁶ Афонин Б. М. Культурный и гуманитарный аспекты российско-японских отношений (краткий ретроспективный обзор) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 24. С. 23–37. DOI 10.24411/2658-5960-2019-10025

²³⁷ Япония в эпоху великих трансформаций / Под ред. проф. Д.В.Стрельцова. — Москва: АИРО-XXI, 2020. — С. 175.

Образ императора сформировался в Японии как символический центр нации. Так, на основании божественности происхождения императора строились убеждения об исключительности происхождения японского народа, что, в свою очередь, приводило к агрессивной внешней политике страны²³⁸. Вместе с тем необходимо отметить, что образ императора нес на себе такую функцию, как моральное ориентирование и пример поведения для всей нации. В подобном ориентировании также можно увидеть культурные предпосылки, такие как коллективизм – в стремлении к сплочению вокруг одной фигуры, а также избегание неопределенности и низкие показатели потворства – образ мышления и действий становился возможным и социально одобряемым с оглядкой на поведение символа японской нации.

Стоит особо отметить, что в обеих странах – и в СССР, и в Японии, – личность и образ лидера стран имели ключевое значение для общественных систем и так или иначе оказывали значительное влияние на социум. Безусловно, с учетом внешнего различия двух культур роль личности правителя проявлялась по-разному, однако можно провести некоторые параллели.

Так, культ личности И. В. Сталина, выросший в условиях отказа от традиционной религии, вылился в идею о непогрешимости вождя, его мудрости, компетентности. И сомнение в его личностных качествах стало социально неприемлемым. Образ И. В. Сталина в СССР приобрел избыточную важность, поскольку в условиях советской идеологии, образ лидера фактически заменил собой функции упраздненной религии в изменившейся идеологии, которая отрицала религиозную составляющую социума. Вследствие этого критика образа вождя воспринималась крайне болезненно и фактически становилась невозможной. Особо следует отметить, что, учитывая специфику российской культуры, ситуация, в которой сформировался культ личности вождя, стала возможной. Так,

²³⁸ Панов А. Н. Институт императора и его место в государственной системе современной Японии // Ежегодник Япония. 2012. №41. С. 172–185.

высокая дистанция власти, согласно которой члены социума добровольно дистанцируются, отчуждая власть от себя, в сочетании с коллективизмом, избеганием неопределенности и низкими показателями потворства формирует общественную систему, для которой крайне важен внешний морально-ценностный ориентир, коим и стал политический лидер. Вместе с тем необходимо отметить, что в подобной ситуации, при которой одним из главных моральных ориентиров становится лидер, ценностная структура населения страны, а также траектория развития международных контактов во многом становятся в зависимое положение от моральных качеств и образа лидера страны.

В то же время подобную роль непогрешимой личности в Японии нес на себе император, который, с одной стороны, являлся центром японской нации, а с другой – в сознании японцев имел божественное происхождение²³⁹.

На первый взгляд в такой схожести в отношении к лидерам наций можно увидеть потенциальную возможность для взаимопонимания. Однако при ближайшем рассмотрении мы видим взаимоисключающее противоречие. Для каждой из сторон образ их лидера, центра нации стал единственно возможным, единственно правильным. Иными словами, абсолютизм веры в культ личности правителя порождал взаимное непонимание, так как вытеснял альтернативные варианты и служил поводом для взаимного неприятия и недоверия. Вера в исключительность образа лидера, последующий тоталитаризм в СССР и милитаризм в Японии порождали узкий взгляд на альтернативные взаимоотношения двух стран.

Тоталитаризм в СССР и милитаризм в Японии могут найти объяснение в культурных измерениях Г. Хофстеде при опоре на образы лидеров двух стран.

Вместе с тем исконные избегание неопределенности и женственность, а также политическая пассивность российской культуры, особенно в эпоху

²³⁹ Саркисов К. О. Сравнительный анализ идентичностей России и Японии (1917-1945 гг.) // Ежегодник Япония. 2016. №45. С. 310–336.

трансформации социальной системы, спровоцировали запрос на очень яркого, сильного, харизматичного и бескомпромиссного лидера, который мог бы стать «отцом нации» и моральным центром и ориентиром для всей нации. Кроме того, социальная ситуация, с одной стороны, и традиционная российская культура, – с другой стороны, наряду с высоким стремлением представителей этой культуры избегать неопределенности требовали жестких социальных норм поведения, которые могли так же обеспечиваться за счет жёсткого централизованного лидерства. Необходимо отметить, что подобная потребность общества могла диктоваться такими ценностями как коллективизм и низкое потворство.

В Японии под влиянием традиционной мужественности культуры, а следовательно, стремления достигать результатов, активно действовать и конкурировать, а также при высокой культурной и идеологической однородности нации, поиск «врага» переместился за пределы страны. Сплотившись вокруг главного символа исключительной японской нации – императора, – Япония пошла по пути наращивания военного потенциала.

Указанные системы не могли не оказать существенного влияния как на позиции стран на международной арене, так и на взаимоотношения двух стран в силу специфики их позиций и активных действий. Стоит отметить, что для Японии политика милитаризма и отрывые действия в этом направлении стали фатальными, привнеся существенные изменения в политическую систему страны, едва ее не разрушив, а затем и в ее культуру.

Но вернемся к влиянию личности и образа советского вождя на отношения с Японией. Как уже отмечалось ранее, советское общество того периода находилось в состоянии идеологической перестройки и нуждалось в лидере, которой смог бы стать идеологическим центром, коим и явился И. В. Сталин. Став главным субъектом политического процесса, он смог задать направление для развития политическим и прочим социальным институтам, опираясь во многом на свой образ в массах и политической элите.

Очевидно, что такого рода отношения – доминирования и подчинения – создали ситуацию чрезвычайной централизации власти в руках одной личности. Несмотря на то, что запрос на подобного лидера диктовался самим обществом, его культурой и социальной ситуацией, подобная реализация власти все же имела ряд негативных последствий, в том числе с точки зрения международных отношений.

Негативные последствия заключались в том, что доминирующий образ И. В. Сталина, с одной стороны, оказывал значительное влияние на формирование картины мира как политической элиты страны, так и масс населения, с другой стороны, – в единоличном принятии решений²⁴⁰. Таким образом, картина мира политической элиты и масс могла часто становиться неполной, плоской, а внешнеполитические решения – слабо мотивированными.

Отличительной особенностью довоенного периода стал приход к власти императора Хирохито, при котором Япония достигла пика милитаризации, так как он активно одобрял и поддерживал инициативы военных²⁴¹, что могло быть мотивировано верой в исключительность японской нации.

Отношения СССР с Японией также подверглись такому влиянию, тогда как 1930-е годы можно назвать еще одной ступенью в формировании современных российско-японских отношений. Так, учитывая милитаристскую политику Японии на международной арене в первой половине XX века, необходимо отметить, что у лидера СССР сформировался вполне негативный образ этой страны. Соответственно, перекладывая подобный подход на международные отношения, можно сделать вывод о том, что они основывались на негативном восприятии соседа. Вместе с тем

²⁴⁰ Ложкина А. С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм // Ежегодник Япония. 2008. №37. 259–284.

²⁴¹ Смирнова А. Ю. Милитаризм как геокультура Японии после Мейдзи (1868–1945) // Collegium linguisticum – 2020: Сборник научных статей по итогам ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2020. – С. 446–457.

по мере возрастания внимания советской власти к японской стороне все больше усиливалось восприятие ее, скорее, как «врага»²⁴².

Возвращаясь к образу Сталина как морально-ценностного центра советского общества, мы видим картину, согласно которой, критика установок вождя не представляется возможной внутри рамок социальной системы, поскольку подвергает сомнению устройство всей социальной системы, основанной на вождизме.

В результате образ Японии в сознании советской элиты был сформирован в негативном ключе, представив ее как морально и традиционно дикую страну-агрессора, военного противника, борющегося за завоевание дальневосточной территории Советского Союза²⁴³.

Таким образом, анализ культурных ценностей, заложенных в основу образа политического лидера, дает возможность проследить истоки определенных политических решений элит и установок населения страны. Так, в СССР не уделяли пристального внимания и не ставили приоритетных задач в сотрудничестве с Японией, так как внимание было обращено на Запад. Вместе с тем, указанный период стал одним из ключевых в становлении фундамента проблем в российско-японских отношениях, и значительную роль в формировании этого базиса сыграли образы Сталина и Хирохито: Хирохито как центр японской нации, сама ее суть; Сталин как единственно возможный ориентир (моральный, нравственный, идейный, поведенческий). В условиях подобной категоризации отношений в значительной степени возрастает их конфликтность из-за разницы в интерпретациях действий противоположной стороны, а также суженных точек зрения на проблемы взаимодействия.

²⁴² Ермолаев О.И. История взаимоотношений России и Японии, попытки вмешательства Японии во внутренние дела России в XX - XXI веке // Аграрное и земельное право. 2023. №4 (220). С. 96-98;

²⁴³ Ложкина А. С. Факторы формирования образа Японии в советском общественном сознании 30-х годов XX в. // Государственное управление. Электронный вестник. 2007. №10. С. 1-7.

Подводя итог этого периода, стоит отметить, что одним из важнейших достижений стало подписание пакта о нейтралитете, который позволил СССР уделять меньше внимания проблемам советско-японских отношений²⁴⁴. Тем не менее он не стал гарантией заявленного нейтралитета.

Рассмотрим далее крайне важный для позиций обеих стран на международной арене и для двусторонних отношений этап – период после окончания Второй мировой войны.

Как уже отмечалось выше, наращивание милитаризации и последующее вступление во Вторую мировую войну стало для развития политической системы, а затем и всей социальной системы Японии фатальным. Политическую и социальную системы страны пришлось в буквальном смысле выстраивать заново, и, как следствие, образ императора – центр и символ утративших свою актуальность и признанность систем – потерпел существенный урон. Претерпело существенные изменения и положение Японии на международной арене.

После поражения Японии во Второй мировой войне мировое сообщество, в первую очередь, США, задалось целью исключить возможность повторения милитаризации Японии, что потребовало кардинального вмешательства извне для реорганизации политической системы страны.

Важным поворотом в истории Японии становится изменение конституции. Обновленная конституция была принята в 1947 году. В ней была существенно ограничена власть императора, присутствовала возможность его осуждения как военного преступника, что не могло не отразиться на его образе как внутри страны, так и на международной арене. На момент обсуждения поправок в конституцию звучали даже предложения

²⁴⁴ Гришин Я. Я., Летяев В. А. Советско-японские отношения накануне Великой отечественной войны (по страницам документов) // Международные отношения и общество. 2019. №1. С. 56–68.

отказаться от императорской власти²⁴⁵, что, несомненно, оказало бы существенное деструктивное влияние на политическую систему Японии. Кроме того, еще одним важным моментом в измененной Конституции стало положение о том, что страна отказывается принимать какое-либо участие в военных действиях.

Тем не менее императорская власть в Японии, как мы можем наблюдать, была сохранена, но претерпела существенные изменения своего образа как символа единства Японии. Вторая мировая война изменила статус императора в японском обществе. Ключевым моментом этого изменения стало лишение его сакрального статуса²⁴⁶.

Важным представляется также тот факт, что современное японское общество склонно выводить императора из-под ответственности в развязывании и поражении в войне. Это может говорить о том, что, с одной стороны, имиджа императора претерпел существенные изменения после завершения Второй мировой войны, сопряженные с отказом от божественного происхождения, и, с другой, – о важности образа императора в социальной системе современной Японии. Так, согласно результатам опроса, проведенного среди японских студентов, более половины опрошенных не склонны были видеть ответственность императора в сложившихся событиях²⁴⁷.

Император, оставаясь центром единой японской нации, становился жертвой японского милитаризма²⁴⁸, как и сама нация. Иными словами,

²⁴⁵ Япония в эпоху великих трансформаций / /Под ред. проф. Д. В. Стрельцова – М.: АИРО-XXI, 2020. – 320 с.

²⁴⁶ Базин, О. А. Проблема статуса императора Японии после окончания второй мировой войны // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: Материалы II Международной научно-практической конференции, Рязань, 20–21 апреля 2017 года / Министерство образования и науки Российской Федерации; Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2017. – С. 165–168.

²⁴⁷ Чугров С. В. Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 22–45. DOI 10.17976/jpps/2020.05.03

²⁴⁸ Базин О. А. Проблема статуса императора Японии после окончания второй мировой войны // Европа, Россия, Азия: Сотрудничество, противоречия, конфликты: Материалы II Международной научно-практической конференции, Рязань, 20–21 апреля 2017 года /

сохранив власть и отказавшись от практики синтоизма, император Японии отделил свой образ (а затем и образ Японии, будучи ее символом) от образа милитариста, инициатора Второй мировой войны. Важным шагом на пути восстановления имиджа Хирохито стало акцентирование внимания масс на том, что император стремился остановить войну, тогда как капитуляция Японии стала, прежде всего, решением Хирохито²⁴⁹.

Таким образом, необходимо отметить, что в обстановке неопределенности политического строя послевоенной Японии, а также неоднозначного положения на международной арене, император Японии, оставшись центром японской нации, путем восстановления собственного образа на международной арене, положил начало процессам восстановления имиджа и положения всей страны.

Особенно стоит подчеркнуть, что подобное отношение транслируется и на международные отношения страны. Япония сегодня воспринимается скорее, как жертва войны, чем как ее активный инициатор и агрессор. В послевоенной России не было негативного отношения к Японии, что нельзя сказать о Японии, и это могло послужить основанием для манипулирования общественным мнением внутри страны. Вместе с тем И. В. Сталин не рассматривал Японию как перспективное направление для расширения влияния СССР, оставив ее под влиянием США²⁵⁰. Принимая во внимание вес мнения Сталина в политических кругах СССР, представляется очевидным, что международные советско-японские контакты в послевоенный период не носили интенсивного характера.

Стоит отметить, что, несмотря на то что после окончания Второй мировой войны фигура императора в Японии перестала носить такой

Министерство образования и науки Российской Федерации; Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2017. – С. 165–168.

²⁴⁹ Лестев А. Е. Статья Боннера Ф. Феллера «Hirohito's struggle to surrender» как источник для изучения позиции руководства США в отношении императора Японии Хирохито // Современные востоковедческие исследования. 2019. Т. 1, № 2. С. 56–67.

²⁵⁰ Стрельцов Д. В. Вопросы исторической памяти в российско-японских отношениях // Ежегодник Япония. 2019. №48. С. 56–76.

сакральный характер, как до войны, все же он обладает рядом важнейших функций и продолжает влиять на современное японское общество. Одной из таких функций является прививание нововведений в систему обычаев и традиций японского общества в силу перенятой традиции оценивать императора как центр нации, а следовательно, как образец для поведения. Соответственно, новые нормы и ценности для общества Японии могут привноситься благодаря изменению имиджа императора путем корректировки ценностей, составляющих основу этого в целом позитивного образа.

После завершения Второй мировой войны Япония осуществила разворот политики милитаризма в сторону ненасильственных ценностей под воздействием не только США, но во многом с помощью императора Хирохито.

Что касается отношений с СССР, то восстановление их пришлось на 1956 год, когда состоялось подписание Совместной советско-японской декларации²⁵¹, основной целью которой стало урегулирование отношений с Японией и выведение ее из-под тотального контроля США, а также налаживание отношений с СССР для вхождения в состав ООН и надежда на возвращение северных территорий²⁵². Вместе с тем оказавшись под влиянием США и в условиях послевоенного состояния международных отношений, Япония не могла активно развивать отношения с СССР, стоявшим на противоположных позициях²⁵³.

Так, отношения между СССР и Японией не были урегулированы после завершения Второй мировой войны и плотного взаимодействия Японии с

²⁵¹ Совместная Декларация СССР и Японии от 19 октября 1956 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.hrono.ru/dokum/195_dok/19561019jap.php (дата обращения: 01.04.2022).

²⁵² Япония в эпоху великих трансформаций / Под ред. проф. Д. В. Стрельцова. — М.: АИРО-XXI, 2020. — 320 с.

²⁵³ Надбитов Р.К., Хохолкина Л.К. Российско-японский спор о территориальной принадлежности островов Южно-курильской гряды: исторические аспекты развития проблемы и ее современное состояние // Вестник КалмГУ. 2023. №3 (59). С.57–65.

США, учитывая то, что последние стремились превратить Японию в барьер на пути распространения влияния СССР в регионе²⁵⁴.

Важно отметить, что советское руководство в послевоенный период, в первую очередь с подачи И. В. Сталина, не придавало большого значения развитию или нормализации отношений с Японией. Безусловно, это оказало значительное влияние на современные отношения и на территориальный вопрос в большей степени. Сложившаяся ситуация была обусловлена объективными причинами: Японию оккупировали США, стремившиеся в условиях холодной войны как можно эффективнее ограничить влияние Советского Союза на международной арене. Руководству СССР было очевидно, что в ближайшей перспективе США не ослабят своего влияния в Японии²⁵⁵.

Тем не менее не стоит забывать отношение советского лидера к культуре Японии – ее тотальное неприятие, крайне резкие высказывания в адрес японского народа²⁵⁶. Вместе с тем традиционная для культуры России централизация власти не давала возможности верхушке страны действовать вразрез его личному мнению. Так, можно утверждать, что все указанные выше факторы – и положение дел мировой арене, и образ советского лидера в сочетании с его личными предубеждениями – не дали СССР вовремя наладить отношения с японской стороной.

Одним из результатов подобной ситуации стал отказ Сталина подписать Сан-Францисский мирный договор 1951 года²⁵⁷. В результате его подписания Япония получила возможность вновь участвовать в международных отношениях как самостоятельный актер, тогда как СССР,

²⁵⁴ Панов А. Н. Советско-японская Совместная декларация 1956 года: Сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации // Японские исследования. 2019. № 2. С. 63–94. DOI 10.24411/2500-2872-2019-10012

²⁵⁵ Домахина Ю. А. Роль японо-американского альянса в системе региональной безопасности // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. №1. С.62–55

²⁵⁶ Ложкина А. С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм // Ежегодник Япония. 2008. №37. С. 259–284.

²⁵⁷ Кивалина Д. С. "Острова преткновения" в российско-японских отношениях // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. №3. С. 12–17.

отказавшись от условий договора, не имел с ней дипломатических отношений, а также не получил отказ Японии от северных территорий. Это переросло в усложнение отношений и территориальный вопрос, который в обозримой перспективе не предполагает компромиссного решения.

В Японии в исследуемый период Советский Союз воспринимался в демонизированном виде, в том числе из-за влияния США. Так, мы можем наблюдать переход из агрессора в жертву²⁵⁸.

Проблемы выливались также в замалчивание японской стороной нарушений мирных договоров с Россией и превозношение проблемы «нарушений прав человека» на отчужденных территориях. Кроме того, имела место быть демонизация образа Сталина как агрессора по отношению к японским территориям²⁵⁹.

Впоследствии жесткая позиция Сталина, а также ее влияние на состояние отношений СССР и Японии, подверглись резкой критике Н. С. Хрущева, который придерживался менее радикальных позиций²⁶⁰. Подобную позицию советского лидера можно понять, так как последовал длительный период, не характеризующийся существенными качественными продвижениями в отношениях. Можно сказать, поддерживалась лишь видимость благоприятных отношений.

Стоит, однако, сказать, что в 1956 году была подписана Совместная декларация²⁶¹, имевшая своей целью остановить состояние войны между двумя странами и восстановить дипломатические и консульские

²⁵⁸ Стрельцов Д. В. Вопросы исторической памяти в российско-японских отношениях // Ежегодник Япония. 2019. №48. С. 56–76.

²⁵⁹ Алексеев Д. Ю. «Курильская проблема» и национальные интересы России // Вестник ТГЭУ. 2005. №4. 106–124.

²⁶⁰ Хрущев Н. С. Время, Люди, Власть (воспоминания). Кн. 1, ч. II. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=138930&p=95> (дата обращения: 22.09.2021).

²⁶¹ Посольство Японии в России. Из Совместной декларации СССР и Японии от 19 октября 1956 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/normal.html#3 (дата обращения: 01.04.2022).

отношения²⁶². Тем не менее основной – территориальный – вопрос так и остался нерешенным. В целом отношения Японии и Советского Союза можно охарактеризовать как постоянные попытки позиционировать имидж страны и отстаивать национальные интересы, в том числе через имидж лидеров государств.

Вместе с тем присутствует постоянная конфликтогенная ситуация в связи со стремлением Японии стать лидером в Тихоокеанском регионе и России укрепить свои позиции в указанном регионе²⁶³.

Следующим значительным витком в развитии отношений Советского Союза и Японии стал приход к власти М.С. Горбачева и инициированный им процесс перестройки, оказавший существенное влияние как на внутривнутриполитические процессы, так и на положение страны на международной арене. Стоит отметить, что проведение подобного процесса требовало от лидера значительных поправок в привычный имидж советского лидера.

После провозглашения новым советским лидером курса на трансформацию политической системы страны, его политический имидж на международной арене стал более позитивным и понятным²⁶⁴.

В указанный период можно наблюдать некоторое потепление отношений Советского Союза и Японии. В силу длительного влияния США Япония идеологически и внешнеполитически принадлежала скорее западному миру, следовательно, позитивно оценивала внутривнутриполитические изменения в СССР, вызванные перестройкой.

Интересным представляется тот факт, что вынужденные изменения в образе советского лидера в лице М. С. Горбачева, характерные скорее для

²⁶²Панов А. Н. Советско-японская Совместная декларация 1956 года: Сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации // Японские исследования. 2019. № 2. С. 63–94. DOI 10.24411/2500-2872-2019-10012

²⁶³Роготнев С. А. Политика России на Дальнем Востоке в XX-XXI веке // Вестник НАСА. 2015. №1 (11). С. 53–56.

²⁶⁴Котеленец Е. А. Образ советского Союза в мире: факторы и динамика восприятия // Вестник РУДН. История России. 2013. №3. С. 76–90.

западных ценностей, привели к его позитивной оценке, который в Японии воспринимался более положительно, чем в самом СССР²⁶⁵. Кроме того, стоит отметить, что Япония имела вторичную выгоду от потепления отношений в связи с ослабленными позициями СССР на международной арене после окончания холодной войны.

Вывод:

В исследуемые периоды возникла и нарастала сложность во взаимодействии двух стран по всем вопросам. Отсутствие подписанного мирного договора, а также отсутствие согласия относительно территориального вопроса как итог рассмотренных периодов, вводит отношения с Японией в состояние неопределенности, которым пронизана вся история отношений.

В указанный период в отношениях двух стран развилась и сохранилась территориальная проблема, которая сегодня воспринимается основным камнем преткновения в современных отношениях России и Японии из-за отсутствия потенциально приемлемого для обеих стран решения и порождает состояние неопределенности. Культуры России и Японии схожи в отношении к неопределенности – они крайне склонны ее избегать, и в отсутствие адекватного решения, которое удовлетворило бы обе стороны, лидеры стран попадают в уязвимое положение относительно территориального вопроса.

Необходимо отметить, что их позиция по территориальному вопросу также отчасти продиктована культурными нормами и ценностями как советского (а затем и российского) и японского обществ, так и их лидеров, прошлых и настоящих. Отчуждение территорий сегодня может оказать крайне негативное влияние на имидж лидеров обоих государств, которое впоследствии может воздействовать на восприятие образа самих стран как на международной арене, так и своим населением.

²⁶⁵ Базин О.А. Новые факторы в решении проблемы Южных Курил в период перестройки // Технологос. 2017. №1. 76–83.

Лидеры стран, непоколебимость их образов в массовом сознании, выступают и как гаранты сохранения исторической памяти, которая составляет основу национальной идентичности. Они выступают своего рода «сосредоточие» социально значимых ценностей, которые транслируются через их образ.

Последнее особенно важно не только для Российской Империи и СССР, но и для современной России, поскольку самоидентификация населения во многом основывается на исторической памяти, включая память о войнах. Кроме того, лидер, выступающий защитником национальных интересов, очень приветствуется в культуре страны.

Интересным представляется тот факт, что по целому ряду параметров культуры России и Японии оказываются схожими. Например, общим являются стремление избегать неопределенности, сдержанность, долгосрочная ориентация на будущее, стремление образовываться в группы (коллективизм). И это может стать прочной основой для взаимного понимания и позитивного восприятия культуры друг друга. К этому надо добавить еще и то общее, что имеется у обеих стран в системы ценностей. Имидж лидеров может выступать как мотив инициирования и стимулирования взаимных контактов, так как присутствует тенденция брать пример с лидера, следовать за ним и перенимать его ценностные ориентации.

Тревожные различия, по сути, наблюдаются только в мужественности, что может послужить (и уже давало крайне неприятные последствия в истории) основой противоречий.

Одной из потенциальных проблем в сфере культуры России и Японии можно выделить высокую ее контекстность, которая мешает развитию более позитивных и прозрачных отношений, а также положительному восприятию друг друга. В этих условиях могут возникать проблемы интерпретации и не прямой стиль коммуникации, в том числе и на уровне лидеров, включая различную интерпретацию его имиджа, который, в значительной степени определяет образ страны. В истории становления и развития

взаимоотношений можно наблюдать определенную настороженность друг к другу.

Что касается института политического лидерства в Японии, то здесь также можно выделить ряд факторов, обусловленных культурой, повлиявших на социально приемлемые черты имиджа лидера и оказавших влияние на положение страны на международной арене. В системе культурных ценностей Японии особенно выделяются мужественность в сочетании с коллективизмом. Как известно, ценностная система мужественных культур предполагает повышенное стремление к соперничеству, напористость и ориентацию на результат. Коллективистские культуры предполагают высокую ценность образования групп и осознания своей принадлежности к социальной группе или нации (в случае Японии). Сочетание коллективизма и мужественности спровоцировало возникновение ценностной систем с высоким осознанием собственной исключительности, что привело к развитию милитаризма в Японии

Таким образом, роль имиджа лидеров в России и Японии в становлении отношений двух стран высока, и этому имеются определенные предпосылки в культуре. У обеих стран высока связка имиджа лидеров и позиционирования страны на международной арене.

В Японии исторически сложилось, что личность императора неприкосновенна и имеет место ее идеализация, признаются и отмечаются только позитивные черты. В России ценятся такие черты имиджа лидера, как активность, деятельность и авторитарность, будь то император, вождь или президент.

Безусловно, во взаимном восприятии России и Японии решающую роль играет внешнеполитический курс страны, который одновременно влияет и на образ лидера: он может искусственно демонизироваться, что произошло с образом И. В. Сталина, или превозноситься, что имело место в случае с М. С. Горбачевым. Но при всем при этом, нельзя отрицать, что для обеих стран образ лидера важен во всех проявлениях.

3.2 ВЛИЯНИЕ ИМИДЖЕЙ ЛИДЕРОВ РОССИИ И ЯПОНИИ НА СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СТРАНАМИ.

Современный этап российско-японских отношений хронологически целесообразно рассматривать, с одной стороны, после распада Советского Союза, поскольку они были осложнены, помимо всего прочего, несхожестью политических систем и убеждений: традиционно монархической Японии и СССР как коммунистическому союзу проблематично было найти общий язык. Но началом перестройки и разворотом российской стороны в сторону Запада, проблема несхожести внутриполитических политических систем и убеждений утратила столь острую актуальность. Современный этап отношений можно рассматривать и с момента признания Японией 27 января 1992 года России в качестве приемника СССР, а значит приемника и его внешнеполитического курса.

Следовательно, негативным, но неизбежным моментом становится тот факт, что Россия стала наследницей таких затянувшихся, сложных и в обозримой перспективе неразрешимых проблем и трудностей в отношениях с соседом, как территориальные споры и отсутствие мирного договора.

Современное состояние отношений России и Японии непростое, имеют место противоположные точки зрения на различные проблемы, нерешенные вопросы, подводные камни и взаимные опасения. Тем не менее существует объективная необходимость налаживания благоприятных и взаимовыгодных отношений, и для этого есть определенные предпосылки: геополитическое положение, усиление роли стран на международной арене, а также экономическое сотрудничество.

На современном этапе во многом сотрудничество реализуется благодаря усилиям лидеров стран и функционированию их имиджа на международной арене, поскольку основная задача на данном этапе – преодоление недоверия, а это возможно сделать только ненасильственным путем через культуру и взаимное понимание.

Касательно внутривластного и социального состояния России в период трансформации, очевидно, что страна испытывала серьезные потрясения, тогда как поддержка на международной арене могла оказать значительное влияние на политическое и социальное состояние РФ. Кардинальное изменение политического строя страны повлекло за собой изменения в ряде других социальных институтах и феноменах. Так, в условиях деградации политических и социальных элит, а также дистанцирования элит от народа роль лидера страны становится еще более актуальной²⁶⁶.

Стоит также отметить, что современные отношения двух стран в основном базировались на декларации 1956 года, обе страны оказались в условиях поиска нового места и роли в международных отношениях²⁶⁷. Стоит также обратить внимание на то, что в период после распада СССР одним из основных документов, регламентирующих российско-японские отношения, стала Токийская декларация от 13 октября 1993 года, которая определила основные направления развития двусторонних отношений²⁶⁸.

Японская сторона, в свою очередь, отстаивала основной принцип «сбалансированной экспансии» японо-российских отношений, преследуя цели непрерывного развития всестороннего сотрудничества с Россией, в том числе в экономической сфере, а также заключение мирного договора путем решения вопроса о северных территориях.

²⁶⁶ Панарин А. С. Народ без элиты. – М.: Алгоритм, 2006. – 352 с.

²⁶⁷ Стрельцов Д. В. Япония: Политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 294 с.

²⁶⁸ Токийская декларация о российско-японских отношениях [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902887> (дата обращения: 12.01.2023).

Единственной уступкой со стороны России стало признание наличия территориальной проблемы. Внимание общественности было вновь обращено в сторону курильского вопроса президентом страны за два года до заключения Токийской декларации 1993 года. Лидер страны в своем обращении к населению выступал гарантом его информированности и интересов²⁶⁹.

В указанный период были предприняты новые попытки наладить международные контакты России и Японии. Токийскую декларацию считают важным поворотным моментом в развитии отношений двух стран, в силу того, что она дала российской стороне возможность подписания мирного договора с Японией, а японской – надежду на возвращение северных территорий. Позитивным итогом Токийской декларации несмотря на все неразрешимые противоречия в отношениях двух стран стала активизация политического диалога, который, в свою очередь, привлек внимание общественности к действиям и имиджу лидеров обеих стран²⁷⁰.

В этой связи стоит обратить особое внимание на встречу «без галстуков», прошедшую на высшем уровне с участием президента России Б. Н. Ельцина и премьер-министра Японии Р. Хасимото несколькими годами позже – в ноябре 1997 года – под Красноярском. Подобного рода неформальная встреча в условиях столь серьезных противоречий не могла пройти незамеченной общественностью, и поэтому привлекла большое внимание, в том числе к имиджу лидеров и их возможному влиянию на исход переговоров. Основной целью встречи в Красноярске стало не подписание каких-либо соглашений (проблема северных территорий и заключение мирного договора на этой встрече не затрагивались), а установление

²⁶⁹ Письмо Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина россиянам [Электронный документ] https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/1991.html#2 (Дата обращения 01.04.2022)

²⁷⁰ Афонин Б. М. Стремиться к добрососедству. Некоторые аспекты российско-японских отношений на современном этапе // Россия и АТР. 1998. №3, С. 72–29.

дружеских контактов и в образе обоих лидеров можно было увидеть открытую демонстрацию доброжелательного отношения²⁷¹.

Необходимо особо подчеркнуть, что на исследуемом этапе речь идет скорее о восстановлении взаимных контактов, чем о развитии международных отношений двух стран или о решении каких-либо существенных проблем и противоречий. Лидеры в такой ситуации благодаря своему социальному статусу становятся основоположниками начинающихся процессов взаимодействия. Учитывая специфику национального политического лидерства, как отмечалось ранее, значительную роль для общественности играет имидж политических лидеров, который формирует определенные ожидания относительно планирования и развития международных отношений.

Через год, в ноябре 1998 года состоялся первый за 25 лет официальный визит главы японского правительства в Москву. Основными вопросами вновь стали: для Японии проблема спорных территорий, для России – подписание мирного договора. Невозможно обойти вниманием и реакцию общественности на поднятые в ходе этой встречи наиболее болезненные вопросы.

Общественность Японии отреагировала на возможное решение территориального спора с некоторой долей скептицизма, тогда как в России возможность отчуждения спорных территорий вызвала волну негативной реакции²⁷². Общественность России увидела в действиях своего президента намерение отдать северные территории, так как он заявлял о необходимости заключения мирного договора до конца своего президентского срока, а именно – до 2000 года. Подписание мирного договора в тот период воспринималось общественностью исключительно в ассоциации с территориальной проблемой. Подобное заявление было воспринято в России как политический волюнтаризм, что и породило волну негативных оценок, а

²⁷¹ Коммерсантъ. 1997. 4 ноября.

²⁷² Малашевская М. Н. Российско-японские переговоры на высшем уровне (1997–1998): Новые тенденции в развитии двусторонних отношений // Вестник СПбГУ. Серия: Востоковедение. Африканистика. 2014. № 4. С. 5–14.

в Японии не встретило доверия, в том числе и из-за состояния здоровья российского лидера²⁷³.

Логично предположить, что на длительность нахождения лидеров у власти в России значительное влияние оказывает культура, а именно – долгосрочная ориентация на будущее, выраженная в адаптации существующего уклада жизни к изменившимся условиям, и склонность к избеганию неопределенности. Вместе с тем за время нахождения у власти имидж Б. Н. Ельцина неизбежно претерпевал изменения. Если в начале первого президентского срока имидж соответствовал тому периоду и был востребован в России, то к концу президентского срока он перестал быть привлекательным внутри страны и эффективным на международной арене.

Так, обращаясь к измерениям Г. Хофстеде и учитывая повышенные показатели дистанции власти в России, предполагающие значительное и добровольное со стороны населения отчуждение властных ресурсов в пользу лидера страны, вновь можно наблюдать их централизацию в одних руках. Вместе с тем, российская культура, характеризующаяся низкими показателями потворства, создает условия, в которых члены общества не склонны нарушать нормы и правила поведения, принятые и устоявшиеся в культуре страны: подобное поведение обычно порицается. Стоит также отметить, что в условиях сильной централизации власти и сдержанности в поведении носителей российской культуры создается ситуация, при которой социум предъявляет часто завышенные требования к лидеру, его ценностным и моральным установкам.

В период завершения последнего президентского срока имидж Ельцина уже был не столь актуальным для целевой аудитории и востребованным в силу изменившихся социальных условий развития страны, а также стиля принятия решений и состояния здоровья лидера страны. В этой связи сложившаяся под воздействием культуры – дистанции власти и

²⁷³ Малашевская М. Н. Российско-японские переговоры на высшем уровне (1997–1998): Новые тенденции в развитии двусторонних отношений // Вестник СПбГУ. Серия: Востоковедение. Африканистика. 2014. № 4. С. 5–14.

коллективизма – централизация власти, вела к возникновению зависимости населения от действий лидера, что создавало ситуацию неопределенности, болезненно воспринимаемую общественностью страны. Однако, женственность культуры России способствует терпеливости российского народа.

В то же время, как уже отмечалось выше, заявления лидера России о заключении мира с Японией в самой Японии воспринимались скептически. Подобный скепсис мог иметь своей основой не только сомнения в том, что Россия действительно готова передать северные территории Японии, но и неприятие лидера России и недоверие его имиджу.

Существенным элементом успешности имиджа Ельцина в начале президентских сроков стали его личностные качества, а именно – стиль принятия решений и реализации власти. Он сосредоточил в своих руках всю власть, а его образ приобрел черты «избираемого монарха». Решения принимались лично лидером и были основаны скорее на интуиции лидера²⁷⁴. Подобный стиль был продиктован трансформационными особенностями российского общества того периода, которое требовало принятия быстрых и непростых решений, а также полной личной ответственности за них.

Японской стороной такие решения могли восприниматься с некоторой долей недоверия, поскольку могли оцениваться как недостаточно обоснованные: традиционно в культуре Японии ценится не единоличное принятие решений, а коллегиальное.

Еще одной важной привлекательной чертой имиджа Ельцина в начале президентских сроков стала определенная человечность, близость к народу, которая не наблюдалась у советских лидеров. В тот период подобные черты были восприняты российским обществом позитивно, и имидж нового президента приобрел черты героя²⁷⁵. Необходимо учитывать, что период

²⁷⁴ Стрелец И. Э. Ельцин и Путин: Президентское лидерство в контексте российской политической трансформации // АПЕ. 2019. №2. С. 180–210.

²⁷⁵ Давыборец, Е. Н. Манипуляция сознанием в имидже политического лидера // Омский научный вестник. 2007. № 5(59). С. 105–108.

нахождения Ельцина у власти был переходным периодом для России, а, следовательно, становился причиной для ситуаций неопределенности, которые, в свою очередь, болезненно воспринимаются в культуре страны. Ощущение близости к лидеру страны, которое могло возникать у населения благодаря человечности имиджа в определенной степени, сглаживало социальную напряженность.

Японский коллективизм и относительно низкая дистанция власти порождали невозможность прихода к власти и неприменимость яркого харизматичного лидера в стране. Тогда как в России исторически и социокультурно (в силу высоких показателей коллективизма и высоких показателей женственности) приветствуется именно такое лидерство. Какими бы внешними, соответствующими социальной обстановке чертами ни обладал каждый новый российский лидер, он обязательно должен быть харизматичным центром власти. Подобная ситуация является следствием централизованности власти, а следовательно, централизованности принятия решений.

В Японии, напротив, можно наблюдать иную картину: при схожих показателях коллективизма имеют место довольно низкие, в сравнении с Россией, показатели дистанции власти, и нет условий для благоприятного восприятия японским обществом харизматичного лидера, принимающего централизованные решения. Социально одобряемый лидер в Японии разделяет ответственность с общественностью, принимает решения, опираясь на мнение большинства. Отсюда принятие решений становится децентрализованным, власть не концентрируется в одних руках.

Иллюстрацией подобного отношения японского общества к политическому лидерству могут служить, например, разделение власти и влияния между премьер-министром и императором, а также по сравнению с Россией частая сменяемость политических лидеров.

Возвращаясь к проблемам международных отношений двух стран, можно наблюдать исторически сложившееся взаимное недоверие. Одной из

причин подобного недоверия становится несовместимость представлений о «правильном» политическом лидере. Так, российский образ лидерства может восприниматься Японией как излишне централизованный и авторитарный, а политические решения могут казаться необоснованными, а значит, не достойными какого-либо доверия. Напротив, японский образ лидерства в России может восприниматься как слабый. Сильные черты образа лидера через призму восприятия другой культуры становятся отрицательными и проецируются на образ стран, которые представлены этими лидерами.

Отметим также, что и российской, и японской культуре свойственен высокий уровень избегания неопределенности, что усугубляет сложившуюся ситуацию, так как взаимное недопонимание приводит обе стороны в стрессовое состояние.

Несмотря на то, что в 1998 году сторонам вновь не удалось найти хоть сколько-нибудь приемлемое решение имеющихся проблем, итоги этой встречи не стоит оценивать только негативно. Так, стороны в ходе переговоров в Москве в ноябре 1998 года подписали Московскую декларацию о созидательном партнерстве²⁷⁶, которая положила начало новому этапу в развитии отношений России и Японии²⁷⁷.

Кроме того, стоит отметить, что, несмотря на то, что в конце декабря 1999 года президент Б.Н. Ельцин ушел в отставку и к этому моменту не удалось решить основные проблемы в отношениях двух стран, позитивная тенденция в развитии отношений России и Японии сохранилась, и сотрудничество двух стран продолжило развитие в различных направлениях и областях²⁷⁸.

²⁷⁶ Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией (Москва, 13 ноября 1998 г.) [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/2559593/> (Дата обращения 12.01.2023).

²⁷⁷ Белоусова М. А., Подольннков В.П Проблемы российско-японских политических отношений 1991—2020 годов Я Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 45–57.

²⁷⁸ Махмудов У. Б. Перспективы развития русско-японских отношений: взгляд в прошлое // Colloquium-journal. 2019. №26 (50). С. 102–106.

Оценивая сегодня роль имиджа первого российского президента в налаживании российско-японских отношений, необходимо подчеркнуть его, несомненно, яркие лидерские качества, которые позволили, пусть и с обвинениями в волюнтаризме, привлечь внимание японской стороны к сотрудничеству с Россией и дать новый импульс в развитии этих непростых отношений.

С 2000 года на политическую арену выходит В. В. Путин, и международные контакты стран становятся более регулярными.

Как уже отмечалось выше, В. В. Путин пришел на смену Б. Н. Ельцину как его преемник. Он фактически был «назначен» своим предшественником в качестве продолжателя своего политического курса, что было во многом продиктовано культурными особенностями (стремлением избежать неопределенности, характерным для культуры России) трансформирующейся общественной системы страны. Тем не менее внешние проявления имиджа В. В. Путина существенно отличались от сложившегося имиджа Б. Н. Ельцина.

В основе лидерства В. В. Путина мы видим такие черты как централизация и сильная вертикаль власти, авторитарный характер руководства²⁷⁹, яркая харизма²⁸⁰. Прослеживается и традиционное для российской культуры отождествление политического лидера с образом «царя» и «отца нации», так как имеет в обществе место потребность в сильном, активном и деятельном лидере²⁸¹. Как уже отмечалось ранее, эти черты имиджа лидера России сформированы и продиктованы культурными особенностями, которые выражаются в традиционном для России коллективизме, женственности, дистанции власти. Преемничество, в свою очередь, могло быть продиктовано сочетанием таких культурных

²⁷⁹Бутикова К. О. Особенности формирования имиджа политического лидера в современной России // Интеллектуальный потенциал XXI века: Ступени познания. 2011. №5-1. С. 51–54.

²⁸⁰ Стрелец И. Э. Ельцин и Путин: Президентское лидерство в контексте российской политической трансформации // АПЕ. 2019. №2. С. 180–210.

²⁸¹ Гершевич О. Особенности формирования имиджа политического лидера в современной России // Власть. 2007. №3. 25–29.

особенностей, как избегание неопределенности, сдержанность и долгосрочная ориентация на будущее.

Вместе с тем имидж В. В. Путина существенно и выгодно отличался от имиджа его предшественника, находя отклик как на внутривластную арену, так и за рубежом. Так, его имидж значительно выигрывал от таких качеств, как остроумие, молодость и энергичность, образность речи, умение располагать к себе окружающих²⁸². Позитивное восприятие лидера России на международной арене позволяло в условиях глобализационных процессов эффективно позиционировать страну в сфере международных отношений, поскольку в глазах представителей других стран имидж лидера во многом связан и оказывает влияние на имидж страны в целом²⁸³, возвращая стране утраченный во время трансформационных социальных процессов международный авторитет²⁸⁴.

Стоит отметить, что указанные положительные характеристики нового лидера России, скорее, можно отнести к внешним элементам его имиджа, отвечающим неизбежным изменениям социальной среды, однако ценностное ядро имиджа остается неизменным, а его составляющие диктуются культурой страны.

С приходом к власти В. В. Путина вектор внимания в отношениях с Японией был смещен с основного вопроса (о спорных территориях) на второстепенные, способствующие развитию отношений двух стран²⁸⁵. Это позволило снизить накал взаимной неприязни и перевести взаимодействие в

²⁸² Стрелец И. Э. Ельцин и Путин: Президентское лидерство в контексте российской политической трансформации // АПЕ. 2019. №2. С. 180–210.

²⁸³ Захарова Е. А. О влиянии имиджа главы государства на формирование имиджа страны на примере имиджа президента РФ В. В. Путина // Вестник современных исследований. 2018. № 4.2 (19). С. 130–132.

²⁸⁴ Ковалев А.А. Глобализация как генезис процесса редукции национальной идентичности // Наука. Искусство. Культура. 2023. №2 (38). С.108–119.

²⁸⁵ Стенограмма беседы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова с читателями «Российской газеты», посетившими МИД России в рамках «Дня открытых дверей» (Российская газета. 2005. 18 июля). МИД России. URL: https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches//asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/432220 (дата обращения:12.01.2023).

более конструктивное русло. Появилось понимание, что невозможно решить проблему спорных территорий в текущих условиях²⁸⁶.

О качественном прорыве в отношениях и многовекторном взаимодействии двух стран стоит говорить с 2013 года, когда к власти пришел премьер-министр Японии С. Абэ, и был подписан ряд соглашений на высшем уровне, а контакты стали регулярными. Важным представляется и тот факт, что одной из приоритетных задач при вступлении в должность премьер-министра Абэ провозгласил заключение мирного договора с Россией и улаживание территориального вопроса.

В указанный период, как известно, все же не удалось преодолеть нерешенные проблемы в отношениях двух стран. Тем не менее стоит обратить внимание на две особенности отношений, которые не наблюдались до указанного периода – заключение мирного договора четко было отделено от проблемы «северных территорий». Вместе с тем после событий 2014 года Россия оказалась в политической изоляции, и чтобы «пошатнуть антироссийскую позицию западных стран необходимо было развивать отношения с Японией»²⁸⁷.

Благодаря активной позиции лидера Япония воспринималась в России как наиболее благоприятно настроенная страна «Большой семерки», и санкции против России стали скорее формальность²⁸⁸.

Официальная позиция МИД РФ до 2022 года выражалась в следующем заявлении: «Япония – важный партнер России на Дальнем Востоке, укрепление взаимовыгодных добрососедских отношений с которым отвечает стратегическим интересам Российской Федерации и способствует поддержанию стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. В

²⁸⁶ Лавров прокомментировал партнерские отношения РФ и Японии // Известия. 2019. 16 января. URL: <https://iz.ru/834488/2019-01-16/lavrov-prokommentiroval-partnerskie-otnosheniia-rf-i-iaponii>(дата обращения: 12.01.2023)

²⁸⁷ Икэда М. Перспективы переговоров по «северным территориям»: Реакция России стала жестче // INOSMI.RU: Новостной портал. URL: <http://inosmi.ru/politic/20160201/235235612.html>(дата обращения: 12.01.2023)

²⁸⁸ Стрельцов Д.В. Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития // Вестник МГИМО. 2020. №3 (72). 68–85.

настоящее время российско-японские связи развиваются по широкому спектру областей»²⁸⁹. Развитие отношений с Россией Япония рассматривала как гарантию безопасности страны: «развивать сотрудничество с Россией во всех областях, включая безопасность и энергетику, тем самым укрепляя двусторонние отношения в целом, чтобы обеспечить свою безопасность»²⁹⁰.

До 2022 года Япония позиционировалась Россией как стратегический партнер, и развитие отношений с этой страной сегодня остается приоритетной задачей. Так, приоритетными направлениями развития отношений с Японией стали «активизация межгосударственного диалога, расширение торгово-экономического сотрудничества, уплотнение связей по линии военных и пограничных ведомств, развитие межпарламентских обменов, углубление координации двух стран на международной арене и др.»²⁹¹.

В условиях неразрешенного конфликта интересов подобное сотрудничество и активизация межгосударственного диалога крайне осложняется, и большая нагрузка в успешном урегулировании российско-японских отношений ложится на имидж лидеров и личностную дипломатию²⁹².

В целом можно отметить, что качественный скачок в развитии двусторонних отношений наблюдался в период одновременного нахождения у власти В. В. Путина и С. Абэ, что позволяет сделать вывод о том, что яркий имидж лидеров двух стран способствовал развитию российско-японских отношений. Имидж Абэ не был характерен для традиционного политического лидера Японии, но его успешность в политической сфере, длительность нахождения у власти, а также качественные скачки в развитии отношений с

²⁸⁹ МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/jp/?currentpage=main-country> (дата обращения: 28.12.2021).

²⁹⁰ National Security Strategy. December 17, 2013. P. 25. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 18.10.2021).

²⁹¹ МИД РФ [Электронный ресурс] <https://www.mid.ru/ru/maps/jp/?currentpage=main-country> (Дата обращения 28.12.2021).

²⁹² Стрельцов Д.В. Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития // Вестник МГИМО. 2020. №3 (72). С. 68–85.

Россией стоит связывать в том числе с нехарактерным для Японии харизматичным имиджем политика.

Не традиционная для культуры Японии централизация власти в руках С. Абэ и личная заинтересованность в сочетании с президентским стилем правления позволили получить отличный от традиционного и привычного в Японии стиль принятия решений, в том числе в сфере развития отношений с Россией. Сложившаяся ситуация дала возможность Японии более существенно войти в российское медиа–пространство и более активно заявить о своих международных позициях. Стоит также отметить, что не традиционные для Японии характеристики лидерства Абэ позволили создать как внутри страны, так и на международной арене имидж сильного харизматичного лидера, который был более понятен российской общественности и воспринимался скорее позитивно.

С. Абэ стал самым длительно занимающим свой пост премьер-министром в истории Японии, имидж которого основывался на таких качествах, как политическая гибкость, умение маневрировать, адаптироваться к создавшейся ситуации. Японское общество благоприятно воспринимает способность адаптироваться и подстроиться под интересы группы и внешние обстоятельства в силу указанных выше особенностей культуры.

В медиа–среде Японии активно продвигался его имидж как «крутого парня», наделенного лидерскими качествами. Характерной особенностью его лидерства стал выход за рамки жесткой бюрократической системы Японии, когда он перестал считаться с мнением лидеров других фракций и обрёл беспрецедентную для японской политической практики свободу рук при принятии важнейших решений, закрепив за собой авторитарный, «президентский» стиль правления²⁹³.

²⁹³ Международный дискуссионный клуб Валдай. Секрет политической живучести С. Абэ [Электронный ресурс] URL:<https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politicheskaya-zhivuchest-abe/> (дата обращения: 05.04.2021)

Вместе с тем, в Японии С.Абэ воспринимался как «человек с двумя лицами», так как стремился одновременно открыто вывести Японию на международную арену, наладить взаимовыгодное международное сотрудничество и отстаивать национальные интересы и приоритеты страны²⁹⁴.

Именно такой стиль правления сыграл немаловажную роль в развитии отношений России и Японии, позволив в некоторой степени добиться централизации власти и принятия политических решений. Тем не менее, можно сказать, что глубокий потенциал отношений между двумя странами так и не был раскрыт в полной мере²⁹⁵.

Развитие отношений между странами носило нелинейный и неоднозначный характер. С одной стороны, можно наблюдать достаточно активное взаимодействие, но с другой стороны, обе страны сохраняли принципиальные позиции по ключевым вопросам до приостановления переговоров по «северным территориям» и заключению мирного договора в 2022 году²⁹⁶.

Имиджи лидеров становятся олицетворением этих позиций: образ В. В. Путина как «отца» России, который отстаивает ее интересы на международной арене и не допустит разделения территорий; образ лидера Японии исключительно как представителя интересов своей страны, служащего ей на благо. При этом имеет место активное поддержание различного рода контактов, не касающихся принципиальных позиций. Это также выражается в образах рассудительных и зрелых лидеров государств, готовых поддерживать и развивать внешне конструктивный диалог.

Обратимся в этой связи к функционалу лидера в обществе. Как уже было отмечено в представленном исследовании, одной из функций лидера

²⁹⁴ Иногути Т., Харада Ю., Хакамада С., Кавато А., Симотомаи Н. Россия и Япония. Ч. I: Взгляд из Японии // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 108–130.

²⁹⁵ Забелла А. А., Мицуру Эгути Гуманитарное сотрудничество между Россией и Японией как цветы сакуры: символ надежды на лучшее будущее // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2021. №2 (51). С. 268–283.

²⁹⁶ Заявление МИД России об ответных мерах на решения Правительства Японии [Электронный ресурс] https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1805541/ (Дата обращения 15.12.2022)

становится придание тональности и векторов развития возглавляемому обществу, а также демонстрация примеров и образцов поведения. В приведенном процессе взаимодействия двух лидеров стран мы видим, что, реализуя собственный имидж, лидеры стремятся к определенному вектору взаимодействия России и Японии.

При диаметрально противоположных позициях относительно территориального вопроса, основной задачей лидеров внешне становится не решение проблемы, а сохранение лица. В том числе это достигается благодаря дружественному, но жесткому отстаиванию позиций страны через имидж. Игра с ненулевой суммой, обусловленная культурами обеих стран. Открытая демонстрация стремления урегулировать территориальный вопрос (в том числе и в позиционировании образов лидеров: дружеское отношение, активное поощрение культурных контактов населения и просвещение), при этом отстаивание своих позиций каждой из стран. Вместе с тем наблюдается стремление обеих сторон наладить взаимоотношения, построить нормальные межгосударственные связи и преодолеть ситуацию отсутствия мирного договора²⁹⁷, которая оценивается отрицательно²⁹⁸. Необходимо отметить, что стремление урегулировать вопрос с отсутствием мирного договора жестко связывается японской стороной с решением территориального вопроса.

Динамика развития отношений квалифицировалась до приостановки в 2022 году как положительная²⁹⁹, но все же рассматривалась как инерция, набравшая ход с приходом к власти С. Абэ и постепенно снижающая свои темпы. По инициативе и под личным влиянием С. Абэ был озвучен план

²⁹⁷ Хакамада С. О северных территориях необходимо чётко заявлять на международном уровне [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20160208/235315245.html> (дата обращения: 01.04.2022).

²⁹⁸ Хакамада С. Как кардинально улучшить российско-японские отношения // CARNEGIEENDOWMENT.ORG: Официальный сайт фонда Карнеги. URL: http://carnegieendowment.org/files/Article_Hakamada_Russian.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

²⁹⁹ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2020 году. Обзор МИД РФ. Москва. Март 2021. URL: https://www.dipacademy.ru/documents/2350/ОБЗОР_МИД_2020.pdf (дата обращения 12.01.2023)

сотрудничества, который до 2022 года оставался основой отношений двух стран³⁰⁰.

Стоит также обратить внимание на то, что в 2020 году состоялось внесение поправок в Конституцию Российской Федерации, и среди прочих был добавлен пункт 2.1 ст. 67, согласно которому: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия, направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются»³⁰¹. Указанный пункт ставит точку в позиции России относительно территориального спора.

Дополнительным фактором, сказавшимся на том, что отношения России и Японии зашли в тупик, стал уход с поста премьер-министра Японии, лично заинтересованного в налаживании отношений с Россией С. Абэ. Несмотря на то, что новый премьер-министр Ёсихидэ Суга стал в политическом смысле последователем С. Абэ³⁰², он не является (во всяком случае, на данный момент) носителем такого яркого имиджа лидера, какой был у его предшественника. Безынициативная позиция японского политического лидера может повлиять на формирование в России восприятия Японии как государства, всецело подконтрольного США³⁰³. Подобное восприятие, в свою очередь, не будет способствовать развитию конструктивных отношений.

³⁰⁰ План сотрудничества из 8 пунктов (План сотрудничества для инновационной реформы в промышленности и экономике для России как ведущей страны с благоприятными условиями жизни) // Посольство Японии в России. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html> (дата обращения: 30.07.2021).

³⁰¹ Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://bd.fom.ru/pdf/d08rjio11.pdf> <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения 27.10.2021).

³⁰² Российско-японские отношения в 2020 году: Есть ли надежда на лучшее? [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/rossijsko-yaponskie-otnosheniya-v-2020-godu-est-li-nadezhda-na-luchshee/> (дата обращения: 31.10.2021).

³⁰³ Домахина Ю.А. Роль японо-американского альянса в системе региональной безопасности // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 1. С. 52-65. DOI: 10.24412/2686-77022023-1-52-65

Отдельно стоит остановиться на взаимном восприятии России и Японии, поскольку оно было сформировано в условиях неоднозначной исторической памяти, большого количества взаимных предубеждений и стереотипов, которые не всегда являются позитивными или нейтральными³⁰⁴.

Взаимное восприятие двух стран, которое зачастую становится негативным, представляет собой очередное препятствие на пути налаживания отношений России и Японии. Вместе с тем, принимая во внимание геополитическое положение и потенциально выгодное сотрудничество, негативные взаимные предубеждения не должны оставаться вне поля зрения.

Значительное влияние на позитивность взаимного восприятия могут оказать лидеры двух стран, открыто демонстрируя специфические характеристики собственного имиджа, которые могли бы быть позитивно восприняты противоположной стороной.

Культурная специфика изучаемых стран такова, что лидеры и их образы играют для общественности существенную роль. Обращаясь к теории культурных измерений, мы видим, что у обеих стран показатели индивидуализма сравнительно невысоки³⁰⁵. Как уже отмечалось выше, эти показатели говорят о том, что представители культуры склонны образовывать группы, тогда как сравнительно низкие показатели потворства могут говорить о таких интенциях в обществе как страх нарушить социальные нормы. Так, можно предполагать, что функции лидера в таких обществах заключаются еще и в том, чтобы через собственный образ поддерживать или видоизменять определенные социальные нормы и исторически сложившиеся обычаи.

Обращаясь к истории обеих стран, можно увидеть образы политических лидеров, которые становились центрами политического и

³⁰⁴ Одинец С. А. Детерминанты возникновения и существования русофобии в сознании японцев // СПЖ. 2005. №21. С. 54–59.

³⁰⁵ Hofstede insights [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/japan,russia/> (дата обращения: 20.10.2021).

социального самосознания граждан. И в России, и в Японии мы можем наблюдать примеры социальной реконструкции, которые были инициированы и претворены в жизнь благодаря внедрению в социальную жизнь через изменения в образе лидеров государств. Так, например, в период открытия Японии император Мейдзи видоизменил свой внешний образ, предпочитая одежду европейского типа, сблизив, тем самым, европейскую и японскую культуры.

Таким образом, можно предположить, что такие качества в имидже лидеров России и Японии как акцентирование на взаимном диалоге, развитии отношений, взаимовыгодном партнёрстве могут благотворно повлиять и на взаимное восприятие двух стран.

Особенно актуальной роль имиджа становится сегодня в условиях крайне неоднозначного взаимного восприятия России и Японии. Основу для негативного взаимного восприятия, помимо отрицательных моментов исторической памяти, составляет противоположное отношение населения стран к территориальному вопросу, которое порождает взаимное недоверие. Так, в отношении России; основной негативный фактор, влияющий на ее образ в Японии – территориальный вопрос, формируется отрицательный образ России как захватчика и агрессора³⁰⁶.

Кроме того, важной составляющей неблагоприятного образа России в Японии становится приобретенная в результате войн милитаризация³⁰⁷. Стоит отметить, что в период русско-японских войн активно формировался образ врага³⁰⁸. Особенно актуальной и ощутимой эта составляющая образа

³⁰⁶ Мосяков Д. В., Татарина А. В. Формирование образа современной России в Японии // ЮВА: Актуальные проблемы развития. 2020. № 1 (46). С. 462–482.

³⁰⁷ Яценко Ю. В. Динамика образа России в медиакультуре Японии (конец XX – начало XXI в.) // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2016. № 45. С. 58–60.

³⁰⁸ Воробьева Э. А. «Прекрасная страна Япония, прекрасная страна Россия»: Формирование и восприятие образа врага // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1. № 1. С. 164–182.

России была до распада СССР, который воспринимался как сильный и агрессивный северный сосед, иными словами, – источник угрозы³⁰⁹.

Вместе с тем, сегодня представления россиян о Японии и ее роль в отношении России на международной арене весьма противоречивы и размыты. Обращаясь к результатам опроса ВЦИОМ, можно увидеть двойственную картину. Так, Япония фигурировала в ответах россиян на два противоречивых вопроса: о наиболее дружеских и наиболее недоброжелательных отношениях со странами. Стоит отметить, что в целом частота упоминаний Японии в ответах на оба вопроса не высока – не более 5%³¹⁰. Подобная картина может говорить о двух проблемах в восприятии россиянами Японии. Первая проблема – недостаточная информированность граждан России об особенностях Японии, в том числе национально-культурных, из-за которой Япония в некотором роде выпадает из социального пространства большинства россиян, и вторая – настороженность из-за притязаний Японии на «северные территории».

Обращаясь к другому исследованию ВЦИОМ, можно сделать вывод о том, что позиция большинства россиян по территориальному вопросу крайне жесткая: из 79% информированных о курильской проблеме 77% выступают против передачи любого из островов Японии³¹¹.

О неоднозначности отношения россиян к Японии говорят и более раннее исследование ВЦИОМ, данные которого показывают, что 42% опрошенных заявили о безразличии к этой нации, но вместе с тем, 41%

³⁰⁹ Фоменко М. В. Эволюции образа врага. Российско-японское военное противостояние и взаимное восприятие в первой половине XX века // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. №61. С.190–207.

³¹⁰ ВЦИОМ. Друзья и враги. Военная угроза нашей стране извне снижается, констатируют россияне. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/druzya-i-vragi> (дата обращения: 27.10.2021).

³¹¹ ВЦИОМ. Курильские острова – не отдадим! Вопрос принадлежности Южных Курил большинство опрошенных считают решенным и выступают против их передачи Японии. [Электронный ресурс] <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kurilskie-ostrova-ne-otdadim> (дата обращения: 27.10.2021).

опрошенных испытывает интерес и симпатию³¹², а также данные ФОМ, согласно которым Японию как дружественную и одновременно недружественную страну оценивают сравнимые по численности доли респондентов³¹³.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что современные отношения России и Японии базируются в том числе на взаимных стереотипах исторического и межкультурного происхождения, которые, в свою очередь, зачастую приводят к искаженному взаимному восприятию. Подобные стереотипы, возникающие также из-за недостатка информированности обеих сторон, не способствуют налаживанию продуктивного взаимовыгодного взаимодействия стран.

Немаловажным является и тот факт, что российская и японская культуры высоко контекстные, поэтому взаимное восприятие строится не столько на прямых вербальных актах и формальных соглашениях, сколько на символах, смыслах, контексте сказанного или произошедшего. В этой связи роль имиджа лидеров становится еще более актуальной, поскольку он транслируется на имидж страны в целом и интерпретируется через призму культурных различий.

Вместе с тем, необходимо учитывать низкие показатели потворства в обеих странах, которые побуждают представителей российской и японской культур относиться скорее негативно к отклонениям от норм поведения, принятых в обществах. Подобная культурная характеристика может выступать дополнительным барьером в коммуникации двух стран и возможным источником стереотипов.

Любопытным представляется тот факт, что единственным культурным измерением, которое показывает принципиальное отличие двух культур становится мужественность, которая исторически была перенесена из сферы

³¹² ВЦИОМ. Япония глазами россиян Доминирующие эмоции по отношению к Японии - интерес и симпатия. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/yaponiya-glazami-rossiyan> (дата обращения: 27.10.2021).

³¹³ База данных ФОМ. Состояние российско-японских отношений [Электронный ресурс] URL: <https://bd.fom.ru/pdf/d08rjio11.pdf> (дата обращения: 27.10.2021).

международных отношений Японии в иные сферы социального взаимодействия. Подобная ситуация дает благоприятную почву для дальнейшего развития отношений, устранения недопонимания и стереотипов.

В такой противоречивой ситуации, нагрузка, лежащая на имидж лидеров обеих стран, возрастает в силу того, что позитивный международный имидж лидера вступает в диссонанс с позитивным внутриполитическим. Так, например, одним из самых социально одобряемых в Японии стал имидж М.С. Горбачева, так как он создавал впечатление открытости лидера страны для сотрудничества, что добавляло ему популярности на международной арене в целом, и в Японии в частности³¹⁴. В то время как в России имидж Горбачева ассоциируется, в первую очередь, с распадом СССР³¹⁵.

Таким образом, в условиях подобных противоречий имидж лидеров выступает не только ключом к сотрудничеству России и Японии, но и вынужден балансировать на гранях противоположностей общественного мнения обеих стран. В эпоху перестройки и последующего распада СССР, когда авторитет России на международной арене существенно снизился, образ в Японии стал восприниматься более позитивно. Образ Горбачева с отказом от привычного курса был в Японии крайне популярен.

Образ Б.Н. Ельцина позиционировался на родине как образ спасителя страны, «отца нации», что позитивно воспринималось в России. Однако, при международных контактах внешние проявления его образа могли восприниматься неоднозначно³¹⁶. Несмотря на потепление отношений, Россия в лице Ельцина заняла жесткую позицию относительно

³¹⁴ Котеленец Е. А. Образ Советского Союза в мире: Факторы и динамика восприятия // Вестник РУДН. Серия: История России. 2013. № 3.С. 76–90.

³¹⁵ «Этот парень и есть перестройка»: Как Горбачев изменил имидж СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/03/13_a_13003645.shtml (дата обращения: 27.10.2021).

³¹⁶ Малашевская М. Н. Российско-японские переговоры на высшем уровне (1997–1998): Новые тенденции в развитии двусторонних отношений // Вестник СПбГУ. Серия: Востоковедение. Африканистика. 2014. № 4.С. 5–14.

территориального вопроса, которую можно объяснить тем, что власть не хотела ронять свой авторитет перед народом, а также, как указано выше, лидер выступал защитником страны.

Не менее существенную нагрузку в контексте влияния на восприятие нашей страны в Японии несет на себе и имидж В. В. Путина. Сравнивая сегодня имиджи двух, казалось бы, непохожих лидеров, мы можем видеть некоторые базовые схожие черты, которые, серьезно отражаются на политическом курсе России в отношении Японии и, как следствие, на восприятие нашей страны.

Так, в имидже Путина можно видеть все те же черты защитника интересов России, которые, выражаются в неизменно жесткой позиции относительно территориального вопроса. Президент в своих выступлениях³¹⁷ и в ходе прямых линий неоднократно заявлял, что пересмотр принадлежности Курильских островов не представляется возможным, что негативно повлияло на его имидж в Японии³¹⁸. Негативно на взаимном восприятии России в Японии сказались и поправки в Конституцию РФ, касающиеся территорий.

³¹⁷ Путин и премьер Японии подтвердили намерение вести диалог по мирному договору [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1235853/2021-10-15/premer-iaponii-i-putin-podtverdili-namerenie-vesti-dialog-po-mirnomu-dogovoru> (дата обращения: 31.10.2021).

³¹⁸ МИД Японии оценил заявление Путина об особом налоговом режиме на Курилах [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/09/07/kurils/> (дата обращения: 31.10.2021).

Выводы по главе 3:

Международное сотрудничество России и Японии в контексте влияния имиджей их политических лидеров является чрезвычайно важной составляющей их международных отношений. Исследование исторических особенностей и современных тенденций в развитии отношений России и Японии показало, что в условиях возникновения противоречий и нерешенных вопросов имидж политических лидеров становится ресурсом в ненасильственном преодолении проблем.

Кроме того, необходимо отметить, что имидж лидеров выступает олицетворением позиций стран на международной арене, а также помогает транслировать эти позиции международной общественности.

По итогам проведенного исследования имиджа политических лидеров России и Японии, можно сделать вывод о том, что культурные измерения в обеих странах часто обнаруживают отличия по ряду показателей, которые приводят к совершенно разным ценностным ориентациям и социальным запросам относительно качеств лидера, выражающихся в имиджах. Исследование культурных основ политического лидерства стран дало необходимую возможность для анализа процессов, происходящих на международной арене.

Показатель	Россия	Япония
дистанция власти	централизация власти вождизм демонстрация статуса	сакрализация образа императора

индивидуализм	потребность сплочения вокруг единого лидера	император – центр японской нации дефицит харизматичного лидерства
мужественность	имидж «отца» и «спасителя» нации	восприятие исключительности японской нации
избегание неопределенности и ориентация на будущее	длительное нахождение у власти лидеров	сохранение института императорского дома бережное отношение к традициям в структурах власти
потворство	завышенные требования к политическому лидеру страны потребность в идеальном имидже лидера	сдержанность в демонстрации статусности лидера

Социальные характеристики политического лидерства России и Японии³¹⁹.

Связка феноменов «культура – лидерство – имидж» взаимно влияют друг на друга, а также оказывают существенное воздействие на процессы, происходящие на современной международной арене. Иными словами, опираясь на объяснительный принцип Г. Хофстеде и теорию Р. Инглхарта, мы анализируем российскую и японскую систему ценностей, согласно которым:

³¹⁹ Составлено автором.

- российская система ценностей заключается в сильной разобщенности между наделенными властью членами общества и подчиненными, наличием иерархии и неравенства в социальной системе, высокой степенью склонности образовывать группы, большим вниманием к качеству отношений, стремлением упорядочить и предсказать свою жизнь, сохранять традиции и следовать общественным нормам;
- японская система ценностей заключается в принятии и ценности неравенства, чувстве долга, важности группового мнения, стремлении достичь совершенства во всех сферах жизнедеятельности, традиционности уклада жизни и стремлении избегать неопределённости, уважительном отношении к традициям и сдержанности в удовлетворении индивидуальных желаний.

В представленных системах ценностей формируется потребность общества в определенном типе политического лидерства стран и их имидже. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в указанных ценностных системах формируются и сами политические лидеры. Это приводит к возникновению и поддержанию имиджей политических лидеров, для которых характерны:

- для имиджа российского лидера – централизация власти, вождизм, демонстрация статуса, потребность социума в сплочении вокруг единого лидера, представлении образа лидера как «отца» и «спасителя» нации, длительное нахождение у власти лидеров, завышенные требования населения к политическому лидеру страны, а также потребность в идеальном имидже лидера;
- для имиджа японского лидера – сакрализация и централизация образа императора, дефицит харизматичного лидерства, восприятие исключительности японской нации, сохранение института императорского дома, бережное отношение к традициям в структурах власти, а также сдержанность в демонстрации статусности лидера.

Сложившаяся ситуация приводит к следующим последствиям:

1. Роль личности лидера, а, следовательно, его имиджа в политических процессах на международной арене возрастает;
2. Имидж лидера, проецируясь на имидж страны и ассоциируясь с ее политическим курсом приводит к неоднозначности понимания сторонами взаимных позиций. Так Япония склонна рассматривать Россию как агрессивного северного соседа, а Россия Японию – как закрытую, ориентированную на внутренние традиции страну;
3. Централизация и вождизм в имидже лидера России и сакрализация образа лидера в Японии приводят к тенденции ориентации общественности и политических элит стран на позиции собственных лидеров;
4. Из предыдущего последствия можно также сделать вывод о том, что культурные основы российского и японского обществ, создавая потребность в обществах к определенному, указанному выше типу лидерства, во многом осложняют непростую международную ситуацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном мире на фоне глобализационных тенденций и процессов значение личной дипломатии, политического лидерства существенно возрастают благодаря своему серьезному влиянию на политическую сферу.

В свою очередь, также стоит учитывать, что современное общество предполагает для своих членов ежедневную обработку существенных объемов информации, что становится значительной нагрузкой. Имидж призван в такой ситуации существенно разгрузить информационную нагрузку на население за счет своей упрощенной формы. Стоит также учитывать, что имидж политического лидера в информационном обществе является значимым инструментом социальной коммуникации.

Актуальность темы исследования предположила использование междисциплинарного подхода в исследовании формирования имиджа политического лидера позволяет по-новому взглянуть на составляющее его ценностное ядро. Имея в своей основе базовые ценностные элементы, сформировавшей его культуры, ядро имиджа политического лидера крайне трудно поддается изменениям. В силу этого, используя ценностный подход можно проследить влияние национально-культурной специфики России и Японии на формирование и закономерности в имиджах лидеров стран.

Для реализации целей и задач исследования был проанализирован феномен политического лидерства в современных международных отношениях, который привносит свое существенное влияние за счет реализации своих регулирующих социум функций. В данном контексте

исследование влияние имиджа на международные отношения стран дает возможность проследить основные закономерности развития взаимоотношений, поскольку различие имидже политических лидеров накладывает своеобразный отпечаток на характер взаимоотношений стран.

В ходе исследования также изучена ценностная база имиджа политического лидера как база для развития отношений стран, а также выявлено, что ценностная база может затормозить или заморозить указанное развитие, поскольку имидж политического лидера, будучи продуктом определенной культуры, в свою очередь, в условиях выхода на международную арену, оценивается и воспринимается через призму культуры другой страны. Стоит отметить, что подобное восприятие не всегда бывает однозначным, что может подтолкнуть общественность к предвзятым суждениям, а элиты – к немотивированным решениям. Необходимо отметить и тот факт, что имидж политического лидера отражается на образе страны в целом.

С целью всестороннего исследования культурных и ценностных основ имиджа политического лидера в диссертационном исследовании применен метод культурных измерений Г. Хофстеде как объяснительный принцип для культурных характеристик стран. Метод Г. Хофстеде характеризуется широтой применения в различных сферах социальной коммуникации и основывается на исследовании базовых ценностей различных страновых культур, что делает его наиболее подходящим для данного исследования.

Современные тенденции в развитии отношений России и Японии наследуют исторические проблемы. Две страны находятся сегодня в состоянии непреодолимого противоречия, поскольку пересмотр и менее жесткое отстаивание своих позиций по территориальному вопросу и подписанию мирного договора не представляется возможным.

В ходе исследования установлено, что имиджи лидеров выступают олицетворением позиций стран по спорным вопросам и вопросам сотрудничества на международной арене. Вместе с тем имиджи лидеров

становятся ориентиром для населения стран в понимании вектора международной политики, чувства защищенности, а также ресурсом для реализации международной политики стран.

Кроме того, у лидеров обеих стран наблюдается жесткая позиция по отношению к территориальному вопросу, что дает позитивный имидж на родине и негативный имидж во внешних отношениях. В подобных условиях при невозможности реализации непопулярных решений в своей стране по причине определенного общественного мнения, лидеры прибегают к иным факторам формирования внешнеполитического имиджа, таким как учащение международных контактов, открытая демонстрация дружеских отношений и популяризация межкультурного взаимодействия.

Основы возможных перспектив развития отношений могут лежать в других сферах, поскольку урегулирование основного вопроса возможно лишь на базе стабильных предсказуемых отношений. Складывается сложная ситуация для поиска баланса позитивного имиджа как внутри страны, так и за рубежом.

Решение проблемы мирного договора и других проблем в отношениях России и Японии сегодня лежит в плоскости скорее личной дипломатии. В условиях противоположных позиций при реализации национальных интересов стран такой ресурс как имидж политического лидера становится значительным фактором в укреплении позиций страны на международной арене и отстаивании национальных ее интересов.

Имидж лидеров России и Японии на протяжении истории и на современном этапе выступал в различных ролях: как сдерживающий и одновременно способствующий развитию отношений фактор, будучи олицетворением внутренних и внешних интересов стран, а также продуктом национальной культуры.

Стоит отметить, что на формирование имиджей лидеров на протяжении послевоенной истории оказало существенное влияние самовосприятие стран, а также их самоощущение на международной арене.

В результате проведенного исследования выявлена зависимость имиджа политического лидера от национальной культуры возглавляемой им страны и системы базовых ценностей, присущих культуре; обосновано, что как схожие, так и различные культурные характеристики могут стать основой для негативных процессов в развитии международных отношений. В итоге вскрыта закономерность, согласно которой культурные особенности России и Японии формируют социальную среду, в которой роль имиджа лидера в становлении и развитии международных отношений возрастает, а также выявлена роль национально-культурной специфики имиджа политического лидера в развитии международных отношений, ситуациях разрешения проблем, конфликтов и противоречий России и Японии.

В ходе исследования установлено, что в ситуациях конфликтов и противоречий имидж политического лидера выступает как источник властных ресурсов для урегулирования международных отношений, а также впервые сформулированы социальные характеристики имиджа политических лидеров России и Японии, продиктованные системой культурных ценностей и транслируемые культурой.

В результате проведенного исследования выбранная тема диссертационного исследования раскрыта, поставленная автором цель

БИБЛИОГРАФИЯ

Международные соглашения, иные правовые акты и межгосударственные декларации

1. Заявление МИД России об ответных мерах на решения Правительства Японии [Электронный ресурс] https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1805541/ (Дата обращения 15.12.2022).
2. Из Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г. и декларация представителя СССР на переговорах по заключению Конвенции [Электронный ресурс] URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/1941.html#1 (дата обращения: 01.04.2022).
3. Из Мирного договора между Россией и Японией от 23 августа (5 сентября) 1905 г. Статья IX [Электронный ресурс] URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/1905.html#1 (дата обращения: 01.04.2022).
4. Из трактата между Россией и Японией от 25 апреля (7 мая) 1875 г. [Электронный ресурс] https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/1905.html#1 (Дата обращения 01.04.2022).
5. Из Трактата о торговле и границах между Россией и Японией от 26 января (7 февраля) 1855 г. Статья 2 [Электронный ресурс] URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/RELATIONSHIP/MAINDOCS/1855.html#7> (дата обращения 01.04.2022).
6. Лавров прокомментировал партнерские отношения РФ и Японии // Известия. 2019. 16 января. URL: <https://iz.ru/834488/2019-01-16/lavrov->

prokommentiroval-partnerskie-otnosheniia-rf-i-iaponii(дата обращения: 12.01.2023).

7. Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией (Москва, 13 ноября 1998 г.) [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/2559593/> (Дата обращения 12.01.2023).

8. Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/administration/21027> (дата обращения 19.04.2021)

9. Письмо Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина россиянам [Электронный документ] https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/1991.html#2 (Дата обращения 01.04.2022).

10. План сотрудничества из 8 пунктов (План сотрудничества для инновационной реформы в промышленности и экономике для России как ведущей страны с благоприятными условиями жизни) // Посольство Японии в России. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html> (дата обращения: 30.07.2021).

11. Совместная Декларация СССР и Японии от 19 октября 1956 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.hrono.ru/dokum/195_dok/19561019jap.php (дата обращения: 01.04.2022).

12. Стенограмма беседы Министра иностранных дел России С. В. Лаврова с читателями «Российской газеты», посетившими МИД России в рамках «Дня открытых дверей» (Российская газета. 2005. 18 июля). МИД России. URL: https://www.mid.ru/press_service/minister_speeches//asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/432220 (дата обращения: 12.01.2023).

13. Токийская декларация о российско-японских отношениях [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902887> (дата обращения: 12.01.2023).

14. Excerpts from the Address by Mikhail Gorbachev. Архивная копия от 1 февраля 2017 на Wayback Machine, 43rd U.N. General Assembly Session, December 7, 1988.

Литература

15. Абдуллина Л.С. Репрезентация В. В. Путина как национального лидера // Вестник Башкирского университета 2015. №1, С. 274–278.
16. Авторханов А.Г. Мемуары. – Франкфурт на Майне: Посев, 1983. – 761 с.
17. Агеева А. А. Установление межгосударственных отношений России с Японией в конце XVII середине XIX веков // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. №3. С. 38 – 46.
18. Алексеев Д. Ю. «Курильская проблема» и национальные интересы России // Вестник ТГЭУ. 2005. №4. 106 – 124.
19. Алексеев Д. Ю. Политическое лидерство в России: основные тенденции // Вестник ТГЭУ. 2010. №1. С.93 – 100.
20. Алексеенко А. М. Влияние коллективизма и индивидуализма на восприятие имиджа политического лидера // Социально-гуманитарные знания. 2021. №3 С. 143–149.
21. Алексеенко, А. М. Влияние культуры на имидж политического лидера в Японии / А. М. Алексеенко // Информационные войны. 2021. № 3(59). С. 94 – 97.
22. Андреева Т.Е. Роль и место концепции культурных измерений Г. Хофштеде в современной теории управления // Вестник СПбГУ. Серия 8: Менеджмент. 2006. Вып. 4. С. 122–133.
23. Анисин А.Л., Блажевич Н.В., Фирсов И.Ф. и др. Формирование образа России в массовом сознании как предмет идеологической борьбы / Под ред. А. Л. Анисина. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации

сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. 89 с.

24. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015. С. 3–17.

25. Афонин Б. М. Культурный и гуманитарный аспекты российско-японских отношений (краткий ретроспективный обзор) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 24. С. 23–37. DOI 10.24411/2658-5960-2019-10025.

26. Афонин Б. М. Стремиться к добрососедству. Некоторые аспекты российско-японских отношений на современном этапе // Россия и АТР. 1998. №3. С. 72 – 29.

27. Базин О. А. Влияние личности императора на японскую историю (на примере Мэйдзи и Хирохито) // Личность и общество в историческом процессе: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Рязань, 9–10 апреля 2020 года / Под ред. И.М. Эрлихсон, Ю.В. Савосиной, Ю.И. Лосева. – Рязань: ИП Коняхин А. В., 2020. С. 168–172.

28. Базин О. А. Проблема статуса императора Японии после окончания второй мировой войны // Европа, Россия, Азия: Сотрудничество, противоречия, конфликты: Материалы II Международной научно-практической конференции, Рязань, 20–21 апреля 2017 года / Министерство образования и науки Российской Федерации; Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2017. С. 165–168.

29. Базин О.А. Новые факторы в решении проблемы Южных Курил в период перестройки // Технологос. 2017. №1. 76 – 83.

30. Безнадельных Д. М. Распад Советского Союза и имидж России в США (1991–1993 гг.) // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2017. № 33. С. 39–43.

31. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры / Пер. с англ. Н. М. Селиверстова; Под ред. А. В. Говорунова. — СПб.: Наука, 2004. — 359 с.
32. Белоусова М. А., Подольников В.П Проблемы российско-японских политических отношений 1991—2020 годов Я Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 45—57.
33. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995). М.: Конверт – МОНФ, 1997, 353 с.
34. Бутикова К. О. Особенности формирования имиджа политического лидера в современной России // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. №5-1. С.51–54.
35. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти : очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века.—М.:Издательскийдом«Территориябудущего»,2006, 463 с.
36. Воробьева Е. С. Россия и Япония: Опыт культурной модернизации // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 42–46.
37. Воробьева О.В., Вуколова И.И. Реставрация Мейдзи и историческое образование в Японии // Преподаватель XXI век. 2020. №4-2. С. 277–289.
38. Воробьева Э. А. «Прекрасная страна Япония, прекрасная страна Россия»: Формирование и восприятие образа врага // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1. № 1.С. 164–182.
39. Галинская И. Л., Маркарян Э. С. Очерки теории культуры // Вестник культурологии. 2015. №3 (74). С. 7–11.
40. Гафиятуллина Л. А. О подходах к изучению понятия «культура» // Вестник КазГУКИ. 2011. №2. С. 4–7.
41. Георгиев Ю., Память о первом московском японце [Электронный ресурс] URL: <http://ricolor.org/rz/iaponia/jr/ist/skaski/1/> (дата обращения 12.01.2023).

42. Гершевич О. Особенности формирования имиджа политического лидера в современной России // Власть. 2007. №3, С. 25–29.
43. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М.: Политиздат, 1988. – 271 с.
44. Горбенко П. Л. Изменения в японском национальном характере во второй половине XX в // Россия и АТР. 2011. №2, С. 194–199.
45. Горчакова В. Г. Подходы к изучению имиджа в контексте социального управления // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2008. №2. С. 141–147.
46. Гринюк В. А. Русско-японская война 1904-1905 г. и Корея // Россия и АТР. 2014. №1 (83), С. 48–63.
47. Гришин Я. Я., Летяев В. А. Советско-японские отношения накануне Великой отечественной войны (по страницам документов) // Международные отношения и общество. 2019. №1, С. 56–68.
48. Груздева Д. А. Ключевые особенности национальных культур России и Испании // Скиф. 2020. № 4 (44), С. 181–184.
49. Груздева М. В. Воспитание позитивных качеств национального характера в Японии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2016. № 2, С. 211–221.
50. Гудзенко Е. М. Исследование организационной культуры в рамках этнометрического подхода // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2012. №2, С. 99–109.
51. Давыборец, Е. Н. Манипуляция сознанием в имидже политического лидера // Омский научный вестник. 2007. № 5(59). С. 105–108.
52. Дагаева Е. А. Эволюция методологических подходов к анализу понятия «Имидж» // Вестник ТИУиЭ. 2017. №2 (26). С. 84–87.
53. Домахина Ю.А. Роль японо-американского альянса в системе региональной безопасности // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 1. С. 52–65. DOI: 10.24412/2686-77022023-1-52-65.

54. Евлампиев И. И., Громова Е. В. Славянофильство и западничество как формы русского национального самосознания: анатомия конфликта и его результаты // Вестник РХГА., 2019., № 3, С.130–141.
55. Ермолаев О.И. История взаимоотношений России и Японии, попытки вмешательства Японии во внутренние дела России в XX – XXI ВЕКЕ // Аграрное и земельное право. 2023. №4 (220). С. 96–98.
56. Журавлёв В.Е., Журавлев В.Е. Внешняя политика Японии и историко-культурные факторы, её формирующие // Вестник «ИМЦ». 2021. №4 (33). С. 5–13.
57. Забелла А. А., Мицуру Эгути Гуманитарное сотрудничество между Россией и Японией как цветы сакуры: символ надежды на лучшее будущее // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2021. №2 (51). С. 268–283.
58. Захарова Е. А. О влиянии имиджа главы государства на формирование имиджа страны на примере имиджа президента РФ В. В. Путина // Вестник современных исследований. 2018. № 4.2 (19). С. 130–132.
59. Земсков, В. Н. Сталин и народ: почему не было восстания: монография. М.: Проспект, 2021. 192 с.
60. Зубков С. А. Человек и его образ: личностные аспекты формирования международного имиджа Н.С. Хрущева // Вестник РУДН. Серия: История России. 2006. № 3. С. 100–104.
61. Икута Митико Образ Японии в России в период Эдо (XVII-XIX вв) // Известия Восточного института. 2005. №9, С. 107–127.
62. Икэда М. Перспективы переговоров по «северным территориям»: Реакция России стала жёстче // INOSMI.RU: Новостной портал. [Электронный ресурс] URL: <http://inosmi.ru/politic/20160201/235235612.html>(дата обращения: 12.01.2023).
63. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011, 464 с.

64. Иногути Т., Харада Ю., Хакамада С., Кавато А., Симотомаи Н. Россия и Япония. Ч. I: Взгляд из Японии// Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 108–130.
65. Иногути Такаси Политическая культура Японии // Ежегодник Япония. 2017. №46. С. 76–96.
66. Казун А. П., Казун А.Д. Качество институтов и борьба лидеров стран Большой двадцатки за международную повестку дня в печатных СМИ // Журнал институциональных исследований. 2020. Т. 12. № 1. С. 128–143.
67. Калиев Т. Б., Косов Г. В. «Политический лидер» как категория современной политической науки // Социально-гуманитарные знания, 2012, №12. С. 208–221.
68. Калиниченко А. И. Феномен сакральности власти в истории правовой мысли // Пространство и Время. 2014. №4 (18). С.14–23.
69. Кармизова С. Т. Феномен лидерства: социологический аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2007. №3. С. 82–87.
70. Шеклтон В. Психология лидерства в бизнесе. СПб. Питер: 2003. – 222 с.
71. Кивалина Д. С. "Острова преткновения" в российско-японских отношениях // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. №3. С. 12–17.
72. Кистанов В. О. Смена императорской власти в Японии: причины и следствия // Ежегодник Япония. 2019. №48. С. 9–24.
73. Клейменова А. Историческое развитие изучения феномена лидерства // Аналитика культурологии. 2014. №28. С. 17–22.
74. Клементьев Д. В. Лидерство: определение, подходы, перспективы // Журнал прикладных исследований. 2021. №1. С. 21–24.
75. Кобецкая В. И., Санников Г. Г. Политическое лидерство в современной России// Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2019. №4. С. 350–357.

76. Ковалев А.А. Глобализация как генезис процесса редукции национальной идентичности // Наука. Искусство. Культура. 2023. №2 (38). С.108–119.
77. Ковальчук М. К. Фукудзава Юкити «Сэйё дзидзё»: взгляд на Россию через призму европейских источников // Россия и АТР. 2018. №2 (100). 53–66.
78. Кожаев М. М. Социальная ответственность правителя в интерпретации древнерусской концепции «Симфонии властей» // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011. №2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-otvetstvennost-pravitelya-v-interpretatsii-drevnerusskoy-kontseptsii-simfonii-vlastey> (дата обращения: 09.07.2021).
79. Кожевников В. В. Новая эра в Японии // У карты Тихого океана. 2019. № 3 (254). С. 13–16.
80. Колотова Е. В. Новый вызов традиционной культуре Японии // Ежегодник Япония. 2011. №40. 124–134.
81. Котеленец Е. А. Образ Советского Союза в мире: факторы и динамика восприятия // Вестник РУДН. Серия: История России. 2013. № 3. С. 76–90.
82. Кравченко А.И. Культурология – 3-е изд. М: Академический Проект, 2002.— 496 с.
83. Кузнецова Е. В. Определение культуры: разнообразие подходов // ПНиО. 2013. №5 С. 49–55.
84. Кулепанов Р. В. Идеологический базис вооруженных сил императорской Японии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. №4 (50). 26–35.
85. Лестев А. Е. Статья Боннера Ф. Феллерса «Hirohito's struggle to surrender» как источник для изучения позиции руководства США в отношении императора Японии Хирохито // Современные востоковедческие исследования. 2019. Т. 1, № 2. С. 56–67.

86. Ложкина А. С. Факторы формирования образа Японии в советском общественном сознании 30-х годов XX в. // Государственное управление. Электронный вестник. 2007. №10. С. 1–7.
87. Ложкина А. С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм // Ежегодник Япония. 2008. №37. 259–284.
88. Локкарт. Агония Российской империи. — М.: Алгоритм, 2016, — 420 с.
89. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. — М.: Дело, 2001. — 434 с.
90. Майорова М. А., Лебедева Е. И. Личностный и страновой факторы лидерства в международных отношениях: теоретические подходы // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. №1. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnyu-i-stranovoy-factory-liderstva-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-teoreticheskie-podhody> (дата обращения: 31.10.2022).
91. Малашевская М. Н. Российско-японские переговоры на высшем уровне (1997–1998): Новые тенденции в развитии двусторонних отношений // Вестник СПбГУ. Серия: Востоковедение. Африканистика. 2014. № 4. С. 5–14.
92. Мартынов В. В. Японская политическая культура // Огарёв-Online. 2023. №8 (193). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yaponskaya-politicheskaya-kultura/viewer> (дата обращения: 25.03.2023).
93. Махмудов У. Б. Перспективы развития русско-японских отношений: взгляд в прошлое // Colloquium-journal. 2019. №26 (50). С. 102–106.
94. Мельниченко В. Личная жизнь Ленина. — М.: Воскресенье, 1998. — 270 с.
95. Мельничук А. С. Имидж политиков: ценностный аспект // Акмеология, 2014, №1 (49). С. 61–68.
96. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис: Рипол классик, 2006. — 736 с.

97. Мещеряков, А. Н. Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение // Ежегодник Япония. 2018. № 47. С. 350–366.
98. Мосяков Д. В., Татарина А. В. Формирование образа современной России в Японии // ЮВА: Актуальные проблемы развития. 2020. № 1 (46). С. 462–482.
99. Мультиатули П. В. Внешняя политика императора Николая II (1894–1917). М. : Фив, 2013. – 840 с.
100. Мультиатули, П. В. Император Николай II и внешняя политика: этапы, достижения и итоги // Международная жизнь. 2017. № 4. С. 163–174.
101. Мурзакова Надежда Сергеевна Архитекторы японо-американского союза: лидеры оккупационного периода (1945 - 1951 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. №4 (11), С. 83–88.
102. Надбитов Р.К. , Хохолкина Л.К. Российско-японский спор о территориальной принадлежности островов южно-курильской гряды: исторические аспекты развития проблемы и ее современное состояние // Вестник КалмГУ. 2023. №3 (59). С.57–65.
103. Накамура С. Японцы и русские: Из истории контактов – М.: Прогресс, 1983, 303 с.
104. Науменко Т.В., Морозова Д.А. Теория межкультурных измерений Г. Хофстеде как методологическая основа исследования современных социальных процессов // Международный журнал исследований культуры. 2018. №1 (30). С. 144–154.
105. Одинец С. А. Детерминанты возникновения и существования русофобии в сознании японцев // СПЖ. 2005. №21. С. 54–59.
106. Панарин А. С. Народ без элиты. – М.: Алгоритм, 2006. – 352 с.
107. Панарин А.С. Политология. Западная и Восточная традиции. - М.: Книжный дом «Университет», 2000. — 320 с.
108. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). - М.: ИФРАН 1994, –. 262 с.

109. Панов А. Н. Институт императора и его место в государственной системе современной Японии // Ежегодник Япония. 2012. №41, С. 172–185.
110. Панов А. Н. Советско-японская Совместная декларация 1956 года: Сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации // Японские исследования. 2019. № 2. С. 63–94. DOI 10.24411/2500-2872-2019-10012.
111. Персидская О. А. Параметры сравнения культур г. Хофстеде и Ф. Тромпенаарса: сходство и различия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. №5. С. 51–55.
112. Пестушко Ю. С. Дискуссии в российских политических кругах по вопросам внешней политики и перспективам отношений с Японией (1905 – 1914 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2010. №1, С. 84–91.
113. Петрова Т. М. Формирование имиджа Н. С. Хрущева в советской прессе 1953–1964 гг.: институциональный анализ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20. № 1. С. 48–54.
114. Подалко П. Династия Романовых и Япония. Из истории российско-японских контактов [Электронный ресурс] URL: <http://ricolor.org/history/mn/romanov/japan/> (дата обращения 12.01.2023).
115. Политическая энциклопедия: В 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; [Науч.-ред. совет: пред. Г. Ю. Семигин и др.]; Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. - Москва : Мысль, 1999. – 750 с.
116. Полозова, А. М. Влияние национального менталитета на формирование имиджа политического лидера / А. М. Полозова // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 2, № 9. С. 62–65.
117. Полозова, А. М. Символическая компонента имиджа политического лидера. Управленческий аспект в контексте современного общества / А. М. Полозова // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 3, № 5. – С. 14–16.

118. Посольство Японии в России. Из Совместной декларации СССР и Японии от 19 октября 1956 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/itpr_ru/normal.html#3 (дата обращения: 01.04.2022).
119. Редель А. И. Российский менталитет: к социологическому дискурсу / А. И. Редель // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 109–118.
120. Римский В. Л. Мифы о Сталине и культе личности в сознании российских граждан и элиты // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 97–105.
121. Роготнев С. А. Политика России на Дальнем Востоке в XX-XXI веке // Вестник НАСА. 2015. №1 (11). С. 53–56.
122. Романова М. В. Теоретические подходы к рассмотрению проблемы лидерства в науке // МНКО, 2010. №1. С. 192–194.
123. Савельева Д.А. К вопросу об определении понятия «культура» // Вестник МГУП. 2013. №6. С. 22–27.
124. Саркисов К. О. Сравнительный анализ идентичностей России и Японии (1917-1945 гг.) // Ежегодник Япония. 2016. №45. С. 310–336.
125. Семёнова А.В. Роль традиций в современной Японии // Культура и цивилизация (Донецк). 2016. №1 (3). С. 83–87.
126. Серебрякова С. Г. Пребывание японца Дайкокуя Кодаяю в России // Новое слово в науке и практике: Гипотезы и апробация результатов исследований. 2016. № 25. С. 20–24.
127. Симашенков П. Д. Сакральность российской государственной власти: историко-политический аспект // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 8. С. 116–124.
128. Скворцова Е. Л. Японская философия как синтез мыслительных традиций // Историческая психология и социология истории. 2019. №1. С. 133–147.

129. Скворцова Е.Л. «Японский национализм» как культурологическая проблема // Вестник культурологии. 2016. №1 (76). С. 4–22.
130. Словарь по политологии [Текст] / под ред. проф. В. Н. Коновалова. – Ростов н/Д. : Изд-во РГУ. 2001. – 285 с.
131. Буторов С. А. Современная культура России: мифы и реальность // Вестник МГУКИ. 2015. №6 (68). С. 57–66.
132. Воронова Н. И. Особенности этнонационального мифотворчества в культуре современной России // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. №19. С. 15–22.
133. Зеленцова Е. В. Культура как *ultimo ratio* для России // Управленческое консультирование. 2011. №1. С. 201–212.
134. Смирнова А. Ю. Милитаризм как геокультура Японии после Мейдзи (1868–1945) // Collegium linguisticum – 2020: Сборник научных статей по итогам ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2020. – С. 446–457.
135. Социологический энциклопедический словарь. Редактор-координатор — академик РАН Г, В. Осипов. — М.: Издательская группа ИНФРА М — НОРМА, 1998. — 488 с.
136. Спицын Е. Ю. Осень Патриарха. Советская держава в 1945-1953 годах. – М: Концептуал, 2019. – 527 с.
137. Сторчак В. М., Алексеева А. Г. Типология имиджевых характеристик политических лидеров: Современный период власти в России, // Труд и социальные отношения. 2012. № 7. С. 101–111.
138. Сторчак, В. М. Типология имиджевых характеристик политических лидеров: советский период власти в России / Труд и социальные отношения. 2012. Т. 23. № 5. С. 106–114.
139. Стрелец И. Э. Ельцин и Путин: Президентское лидерство в контексте российской политической трансформации // АПЕ. 2019. №2. С. 180–210.

140. Стрельцов Д. В. Вопросы исторической памяти в российско-японских отношениях // Ежегодник Японии. 2019. №48. С. 56–76.
141. Стрельцов Д. В. Япония: Политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 294 с.
142. Стрельцов Д. В., Чугров С. В., Панов А.Н. Политическая система современной Японии — М.: Аспект Пресс, 2013. — 384 с.
143. Стрельцов Д.В. Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития // Вестник МГИМО. 2020. №3 (72). 68–85.
144. Стрельцов Д.В., Чугров С.В., Панов А.Н. Политическая система современной Японии — М.: Аспект Пресс, 2013. — 384 с.
145. Стремоухова И. В. Политическая элита и политическое лидерство // Политология – СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 60–68.
146. Судзуки Ёсикацу. Самостоятельная дипломатия премьер-министра Абэ в отношениях с Россией: замыслы и просчёты // [Электронный ресурс] URL: <https://www.nippon.com/ru/column/g00306/#> (дата обращения: 01.04.2022).
147. Тихомиров Л. А., "Монархическая государственность". М.: ГУП "Облиздат": ТОО "Алир", 1998. – 672 с.
148. Тушков А. А., Черникова Э. М. К вопросу о идентичности как фактору национального самоопределения Японии // МНИЖ. 2021. №2-2 (104), С. 165–167 .
149. Тянь В. В. Эволюция власти и либерализация общественной и культурной жизни в СССР в период хрущевской «Оттепели» // Власть. 2011. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vlasti-i-liberalizatsiya-obschestvennoy-i-kulturnoy-zhizni-v-sssr-v-period-hrushevskoy-ottepeli> (дата обращения: 08.11.2022).
150. Уметбаев Т. Ш., Ипеева А.А. Россия и Япония. Первые контакты (первая половина XVIII века) // The Newman in Foreign policy. 2017. №36 (80). С. 10–12.

151. Фанталов А. Н. Русско-японская война как ключевой момент завершения истории Российской империи // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. №2 (46). С. 263–267.
152. Федорчук Е.В. Особенности построения имиджа политика на примере имиджа В. В. Путина // Вестник МГУП. 2011. №6. С. 384–387.
153. Флиер А. Я, Культура как социально-регулятивная система и ее историческая типология [Электронный ресурс] <http://cult-cult.ru/culture-as-social-regulatory-system-and-its-historical-typology/> (дата обращения: 02.02.2023).
154. Флиер А. Я. Культура как социальная система // Вестник ЧГАКИ. 2013. №3 (35). С. 60–68.
155. Флиер А. Я. Культурная система: модель функциональных свойств // Вестник ЧГАКИ. 2021. №2 (66). С. 47–53.
156. Фоменко М. В. Эволюции образа врага. Российско-японское военное противостояние и взаимное восприятие в первой половине XX века // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. №61. С.190-207.
157. Фролов В. В. Образ японской армии на страницах российского дореволюционного журнала «Летопись войны с Японией» // Метаморфозы истории. 2017. №10. С. 320-333.
158. Хакамада С. Как кардинально улучшить российско-японские отношения // CARNEGIEENDOWMENT.ORG: Официальный сайт фонда Карнеги. [Электронный ресурс] URL: http://carnegieendowment.org/files/Article_Nakamada_Russian.pdf (дата обращения: 01.04.2022).
159. Хакамада С. О северных территориях необходимо чётко заявлять на международном уровне [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20160208/235315245.html> (дата обращения: 01.04.2022).
160. Хилханов Д. Л. Феномен другого в современных условиях // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. №2 (46). С.47–58;

161. Хофстеде Г. Мотивация, лидерство и организация: применимы ли американские теории в других странах? // Вестник СПбГУ. Серия 8: Менеджмент. 2006. Вып. 4. С. 134–162.
162. Хрущев Н. С. Время, Люди, Власть (воспоминания). Кн. 1, ч. II. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=138930&p=95> (дата обращения: 22.09.2021).
163. Чугров С. В. Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 22–45. DOI 10.17976/jpps/2020.05.03.
164. Чугров С.В., Карелова Л.Б. Япония как «обычная страна»: метаморфозы политической идентичности (аналитический обзор опросов общественного мнения) // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 1. С. 87–108.
165. Шавардова Е. Ю., Ярмач О. В. Социальная специфика имиджа: формат методологии и аудирования // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки, 2021, №1 (209). С. 26–34.
166. Шалаева Н. В. Проблема культа личности В.И. Ленина (историографический анализ) / Н. В. Шалаева // Власть. 2013. № 5. С. 104–108.
167. Шалаева, Н. В. Проблема культа личности В.И. Ленина (историографический анализ) // Власть. 2013. № 5. С. 104-108.
168. Шатилов А. Б. Современное политическое лидерство: возможности и ограничения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. №2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-politicheskoe-liderstvo-vozmozhnosti-i-ogranicheniya> (дата обращения: 31.10.2022).
169. Щепкин В. В. Первые сведения о Петре I и формирование его образа в Японии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. №4. С.115–122.
170. Ющеяко М. А. Ментальные истоки формирования представлений о российской власти на примере политических воззрений средневековой

России (х первая половина XVII в.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. №312. С.66–69.

171. Ялхароева М. А. Личность Сталина в публицистике Абдурахмана Авторханова // Вестник КалмГУ. 2018. № 3 (39). С. 136–141.

172. Япония в эпоху великих трансформаций / /Под ред. проф. Д. В. Стрельцова – М.: АИРО-XXI, 2020. – 320 с.

173. Яценко Ю. В. Динамика образа России в медиакультуре Японии (конец XX – начало XXI в.) // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2016. № 45. С. 58–60.

174. EHS law bulletin series, Japan. — Tokyo: Eibun-Horei-Sha, 1948

175. Gordon A. The crowds and politics in Imperial Japan: Tokyo 1905—1918, // Past & Present. 1988. N 121. P. 141—170.

176. Hall E. T. Beyond Culture. N. Y.: Anchor Press, 1976 – 314p.

177. Hampden-Turner C., Trompenaars F. Managing people across cultures. — United States, Capstone, 2004.

178. Hirsch, E. D., Joseph Jr., Kett F., Trefil J. The New Dictionary of Cultural Literacy. — Boston;N.-Y.:Houghton Mifflin Company, 2002. – 647p.

179. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software for the Mind. 3rd ed.. N.Y.: McGRAW-HILL, 2010. – 561p.

180. Hofstede G., Hofstede, G.J. Cultures and Organizations: Software of the Mind. – L. : McGraw-Hill, 2005.

181. Hofstede insights [Электронный ресурс] URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения 15.03.2021).

182. Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, Princeton University Press, 1997. – 445p.

183. McSweeney B. Hofstede’s Model of National Cultural Differences and Their Consequences: A Triumph of Faith — A Failure of Analysis // Human Relations. 2002. Vol. 55. N 1. P. 89–118.

184. National Security Strategy. December 17, 2013. P. 25. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryoku/131217anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 18.10.2021).

Интернет-ресурсы

185. Аналитический центр Юрия Левады Одобрение деятельности Владимира Путина [Электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/indikatory/> (дата обращения 09.04.2022)

186. «Этот парень и есть перестройка»: Как Горбачев изменил имидж СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/03/13_a_13003645.shtml (дата обращения: 27.10.2021).

187. База данных ФОМ. Состояние российско-японских отношений [Электронный ресурс] URL: <https://bd.fom.ru/pdf/d08rjio11.pdf> (дата обращения: 27.10.2021).

188. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс] <https://bigenc.ru/philosophy/text/2120919> (дата обращения 15.02.2022)

189. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2020 году. Обзор МИД РФ. Москва. Март 2021. URL: https://www.dipacademy.ru/documents/2350/ОБЗОР_МИД_2020.pdf (дата обращения 12.01.2023)

190. Всемирный обзор ценностей (World Values Survey) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 30.09.2022).

191. ВЦИОМ. Друзья и враги. Военная угроза нашей стране извне снижается, констатируют россияне. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/druzya-i-vragi> (дата обращения: 27.10.2021).

192. ВЦИОМ. Курильские острова – не отдадим! Вопрос принадлежности Южных Курил большинство опрошенных считают решенным и выступают

против их передачи Японии. [Электронный ресурс] <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kurilskie-ostrova-ne-otdadim> (дата обращения: 27.10.2021)7

193. ВЦИОМ. Япония глазами россиян. Доминирующие эмоции по отношению к Японии - интерес и симпатия. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/yaponiya-glazami-rossiyan> (дата обращения: 27.10.2021).

194. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения 27.10.2021).

195. Карта культурных ценностей Инглхарта- Вельцеля (Inglehart–Welzel Cultural Map) [Электронный ресурс] URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения 30.09.2022)

196. Международный дискуссионный клуб Валдай . [Электронный ресурс] URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politicheskaya-zhivuchest-abe/> (дата обращения: 25.06.2021).

197. Международный дискуссионный клуб Валдай. Секрет политической живучести С. Абэ [Электронный ресурс] URL:<https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politicheskaya-zhivuchest-abe/> (дата обращения: 05.04.2021)

198. МИД РФ [Электронный ресурс] <https://www.mid.ru/ru/maps/jp/?currentpage=main-country> (Дата обращения 28.12.2021)

199. МИД Японии оценил заявление Путина об особом налоговом режиме на Курилах [Электронный ресурс. URL: <https://lenta.ru/news/2021/09/07/kurils/> (дата обращения: 31.10.2021).

200. Путин и премьер Японии подтвердили намерение вести диалог по мирному договору [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1235853/2021-10->

15/premer-iaponii-i-putin-podtverdili-namerenie-vesti-dialog-po-mirnomu-dogovoru (дата обращения: 31.10.2021).

201. РИА Новости. Биография Императора Японии Нарухто [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20200223/1565049677.html> (дата обращения: 12.01.2023).

202. РИА Новости. Император Японии в новогоднем послании пожелал всем людям мира [Электронный ресурс] <https://ria.ru/20200101/1563057876.html> (Дата обращения 12.01.2023)

203. Российско-японские отношения в 2020 году: Есть ли надежда на лучшее? [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/rossijsko-yaponskie-otnosheniya-v-2020-godu-est-li-nadezhda-na-luchshee/> (дата обращения: 31.10.2021).

204. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983. [Электронный ресурс] // <https://runivers.ru/lib/book6207/140184/> (дата обращения: 15.02.2022).

205. Энциклопедия Британника [Электронный ресурс] URL: <https://www.britannica.com/biography/Taisho> (дата обращения: 12.01.2022).

206. Энциклопедия Ниппоника [Электронный ресурс] URL: <https://kotobank.jp/word/一世一元の制-817998> (дата обращения: 12.01.2023)

207. Энциклопедия ТАСС. Нарухито Император Японии [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/naruhito-imperator-yaпонии> (дата обращения: 12.01.2023).